

Свящ. С. Щукинъ.

50
103

ОКОЛО ЦЕРКВИ

70

Свящ. С. Щукинъ.

B $\frac{50}{103}$

ОКОЛО ЦЕРКВИ

Сборникъ статей.

1913 г.

ОКОЛО ЦЕРКВИ.

Собрание статей.

р 37682-39

Около церкви.

I.

Ихъ приносятъ сюда совсѣмъ крошечными. Иногда они нарядны, въ красивыхъ кружевахъ, но чаще просто завернуты въ теплыя ватныя одеяла. Откроешь и посмотришь: зашевелится сморщенное, красное, а иногда и теперь уже славное, крѣпкое личико, зачмокають губы, лѣниво откроются и недовольно закроются глаза. Старушка-бабка хлопотливо освобождаетъ ихъ отъ пеленокъ; кумъ часто хочетъ помочь, но иногда выпившій, почти всегда мѣшаетъ; помогаетъ кума. Маленькимъ людямъ холодно, когда я нагружаю ихъ въ воду: они кричатъ, плачутъ и сопротивляются. Крещу, читаю молитвы; дѣтей уносить къ отцу, къ матери.

А какъ часто приносятъ безродныхъ, „не законныхъ“. „Женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родить младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человекъ въ міръ“ (Іоан. XVI. 21). Такъ должно быть. Родился человекъ въ міръ — на радость, на счастье;

чтобы видѣть солнце, цвѣты, чтобы трепетать любовью, дружбой, лаской, чтобы понимать и любить Бога. Но мать часто лежитъ гдѣ нибудь въ грязи, въ стыдѣ, въ холодѣ; на кухнѣ, откуда ее послѣ „этого“ навѣрное погонять, какъ только она встанетъ; въ пріютѣ, откуда послѣ установленныхъ девяти дней ей надо уйти.

Откуда-то привозятъ, куда-то уносятъ. Идетъ время. Ихъ уже приводятъ родные, старшіе — такихъ милыхъ, съ ясными глазками. Медленно они прикладываютъ пальчики ко лбу, къ груди, къ плечамъ и неумѣло, неловко кланяются, шепчутъ отдѣльныя, еще непонятныя слова молитвъ; изумленными, широко открытыми глазами смотрятъ на иконы.

А то сами придутъ два-три мальчика, двѣ-три дѣвочки. Станутъ вмѣстѣ, усердно крестятся, долго стоятъ, и вдругъ не выдержатъ, пошепчутся и что-то ихъ разсмѣшитъ. Быстро, быстро закрестятся, потомъ разомъ повернутся и застучатъ ногами къ церковнымъ дверямъ, удерживаясь, чтобы не разсмѣяться, и не въ силахъ это сдѣлать.

И что-то веселое пройдетъ по церкви, когда вдали послышится ихъ сдержанный смѣхъ. Какъ-будто отъ этого смѣха равнодушный голосъ священника сталъ бодрѣе, улыбнулись молящіеся, и вдругъ задрожала веселымъ золотомъ паутина, прицѣпившаяся подъ потолкомъ алтара.

Вотъ въ хорошее весеннее утро идетъ служба.

Молодой и веселый лучъ солнца блеститъ на иконахъ, на позолотѣ царскихъ вратъ, на облаченіи священника. Стоитъ съ матерью хорошенькая дѣвочка въ бѣломъ. Станетъ на колѣни, стукнетъ лобикомъ въ полъ, какъ-то сбоку оглядываетъ оттуда всехъ лукаво и, поймавъ чей-нибудь взглядъ, смущенно встанетъ и начнетъ молиться. Большая, красивая муха вдругъ блеснула впереди въ золотѣ солнца. И дѣвочка позабыла и мать и молитву и (вдругъ) бросилась за мухой къ алтарю, къ царскимъ вратамъ. И ласково и смѣясь глазами, смотрѣли все потомъ, когда она бѣжала обратно, напуганная и смущенная, вся освѣщенная ласковымъ свѣтомъ солнца, а церковный сторожъ съ намѣренно страшнымъ выраженіемъ въ лицѣ махалъ на нее руками. Но идетъ время. И приходятъ вмѣсто мальчиковъ юноши, вмѣсто дѣвочекъ дѣвушки. Глаза веселые, любопытные; души свѣтлыя, открытыя добру, радости, жизни. И Богъ ихъ свѣтлый, ясный и понятный. Онъ опредѣленно ясно говоритъ ихъ душѣ: въ мірѣ живетъ только добро, оно никогда не погибнетъ; добру, здоровью, радости — только имъ въ мірѣ „честь и мѣсто“. Жизнь прекрасна и широка передъ ними. И молятся они усердно, беззлобно, горячо, какъ святые.

Они отдали бы себя на служеніе правдѣ, но думаютъ, что это легко, не даетъ скорби, не мучитъ душу. Они спорили бы весело и не вѣря, если бы имъ сказали, что и злу даетъ мѣсто

земля; и воевали бы во имя добра, и шли бы весело и радостно, не догадавшись, не успѣвъ понять, что гибнуть.

Потомъ перерывъ. И одни уже совсѣмъ не приходятъ къ намъ, другіе приходятъ, но какъ многое въ нихъ измѣнилось! Уже тѣнь земли легла на очень многихъ тяжело и устойчиво. Въ глазахъ видна печаль и, можетъ-быть, грѣхъ. Исчезъ нѣжный румянецъ щекъ. И грустны молитвы; и слова молитвъ не бодры, а полны сомнѣній. Усталость отъ жизни слышится въ нихъ.

Видится мало стойкихъ и увѣренныхъ, дѣлающихъ дѣло жизни спокойно, въ немъ убѣжденныхъ и его любящихъ. Разомъ какъ-будто гаснетъ въ людяхъ огонь юношескаго восторга, исчезаетъ бодрость, умолкаютъ голоса, зовущіе къ высокому. И Богъ ихъ сталъ холоднѣе, равнодушнѣе, печальнѣе, и будто туманомъ закрылся отъ глазъ ихъ. И вѣра ихъ говоритъ: не только добру есть мѣсто въ мірѣ, но и злу, часто злу, страданію, горю, тоскѣ. Уже не спорить противъ этого сердце, только плачетъ объ этомъ. И не смотря впередъ восторженно, а все оглядываются назадъ, все смотрятъ кругомъ себя, съ тихой печалью, съ недоумѣніемъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

Рѣдко, рѣдко раздвинется предъ ними сумракъ непонятнаго, злого и смутнаго. Какъ будто покажется иногда край вѣчнаго неба, сверкающій ясностью истины, восторгомъ чудесной радости. Но не успѣютъ они уловить его мысль, не успѣ-

ютъ ощутить сердцемъ его поражающую красоту—его уже нѣтъ; и только скучнѣе дѣлаются туманы видимаго, безнадежно-ничтожнымъ количествомъ и качествомъ познанаго; только большѣе скорби дѣйствительности.

Изнемогаетъ мысль; и сердце ранится пораженьями самаго дорогого, чѣмъ горѣло оно. Тогда души многихъ начинаютъ быть терпимы и грустны. Дѣлаются люди снисходительны къ ошибкамъ ближняго, цѣнятъ даже незначительное участіе его, прощаютъ чужіе грѣхи, какъ простили себѣ. Потерявшіе много, полные сомнѣній и вѣры, они все же любятъ землю и недолгую радость ея; грустною и жалостною любовью любить ее, жалѣютъ человекъ и скорбятъ объ обидахъ его. И во Христѣ для нихъ цѣннѣе всего Его грусть и доброта; уязвленные ими, они и сами дѣлаютъ тихія дѣла любви къ ближнему, молятся о мірѣ печально и неотступно.

А души другихъ остаются тверды и жестки. Жизненный опытъ, какъ ненужное и бесполезное дѣло, отрываетъ отъ этихъ снисходительности къ ошибкамъ, прощенію чужимъ и своимъ увлеченьямъ, улыбки невѣдѣнію. Милосердіе, всепрощеніе они и во Христѣ считаютъ ошибкой. Только вѣрою превозмогая, только покрывая любовью, они не смотрятъ на эту сторону Христова дѣла, какъ вѣрные рабы закрываютъ глаза на ошибки господъ. Имъ кажется излишней ласковость къ людямъ, вредной мягкость, прощеніе недостигающимъ цѣли. Стойкіе и прямые, они

стоять предъ людьми и предъ Богомъ, какъ обнаженные отъ ласкающей взоръ весенней зелени стоять осенью крѣпкіе и темные стволы деревьевъ. И молятся Богу сурово: „Воскреси, Боже, суди землю... Яви, Господи, въ людехъ силу Твою...“ Сколько горя, сколько людей, сколько молитвъ и стремленій противорѣчивыхъ.

Иногда высоко поднимается молитва; ее говорить правдивое сердце; знаешь, что побуждаетъ къ ней дѣйствительное, тяжелое, незаслуженное человѣкомъ, горе. И кажется: она скоро долетитъ до неба, ибо нѣтъ препятствій для ея силы и правды. Но видишь: уже устремлены къ Богу другіе глаза; въ нихъ о томъ же молитва, то же страданіе, та же обида. И чувствуешь, что, поднявшись обѣ, онѣ встрѣтятся, какъ враждебныя, и падутъ внизъ, уничтоживъ другъ друга.

И опять летитъ молитва, летитъ, все къ Одному, съ тревогой, съ надеждой, съ вопросомъ: „Ты создалъ насъ, Ты намъ далъ душу, совѣтъ, эти неудержимыя стремленія вверхъ и внизъ. Помоги же намъ!“

И кажется, это уже не отдѣльный человѣкъ молится, не о себѣ, не себѣ притязая получить нѣчто отъ другого съ болью для ближняго, съ обидой, со страданіемъ для него; кажется, что это общая человѣческая душа молить изъавить ее отъ сѣтей многихъ жизни, молить о счастьи, о радости, молить съ робкой надеждой, а часто почти безнадежно; какую-то „сладкую“ скорбь и надежду „безнадежную“ неся въ себѣ.

Когда-то только одинъ воскликнулъ въ душевномъ смятеніи: „Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!“ Теперь едва ли не всѣ одинаково восклицаютъ: „Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію. Хочу быть счастливымъ, возьми отъ меня жестокою скорбь моей жизни. Жажду правды Твоей, избавь же меня отъ лжи, отъ которой устала, отъ которой плачетъ въ безсиліи одинокая моя душа“.

И опять ихъ приносятъ, но не какъ раньше—крикливыхъ и безпокойныхъ. Молчаливые, спокойные, мертвые—они лежатъ теперь. Ихъ очень много. Видится низкая церковь въ нижнемъ этажѣ. Низкіе своды и подъ ними гробы, много гробовъ, чуть не всякій день. Клубится дымъ кадилный. Ходишь кругомъ гробовъ и вглядываешься въ мертвыя лица. Гдѣ-то въ сторонѣ люди плачутъ, стонутъ и вздыхаютъ. Ходишь, кланяешься и смотришь на мертвыхъ: что слышите вы, что видите? Говоришь: „слава Тебѣ, Боже, упованіе наше, слава Тебѣ!“ Ты Одинъ знаешь все, куда-то ведешь, мы идемъ. Ты Одинъ знаешь.

Въ воображеніи среди сплошной и тяжелой скорби иногда вдругъ станутъ видны отдѣльныя лица; среди однообразныхъ голосовъ страданій послышатся вдругъ отдѣльные щемящіе стоны.

Вотъ докторъ изъ далекаго, глухого мѣстечка. Когда онъ умеръ, пріѣхали жена и дѣти. Высокая, измученная, худая женщина и два маль-

чика бѣлокурые, маленькіе и блѣдныя. Стоять; съ любопытствомъ, роняя слезинки, осматриваются кругомъ. Пальтеца бѣдныя, плохо сшитыя, навѣрное матерью. А мать глядитъ на икону, на гробъ, поглядитъ по головѣ то одного мальчика, то другого, и опять взглянетъ на гробъ, на икону, на дѣтей. Но молчатъ иконы, ничего не говорятъ лежащій въ гробѣ, и что ей могутъ сказать ея дѣти? И стоитъ она вся въ движеніи, сухая, безъ слезъ, вся неспокойная.

Вотъ вдова девятнадцати лѣтъ, хорошая, чистая и наивная душа. Была она еще недавно бодрой, часто смѣявшейся дѣвушкой. Жаловалась на мать, не хотѣла итти замужъ за тяжело-больного чахоткой. Но выдали; хрупкая была и она и скоро заболѣла. Мужъ умеръ, и очередь была за нею. Жаловалась на мать и на свою судьбу грустно и жалостно, по-дѣтски.

„Батюшка, плачу я, плачу... жить хочется...“ Голосъ вырвался стономъ, безсильный, прерывается. И слезы бѣгутъ по лицу. Слабая рука ищетъ подъ подушкой платокъ. И губы дрожатъ и шепчуть: „Господи, Господи!..“ Жалѣла она мужа, себя, мать, подругъ. И только странно-равнодушна, чуть-чуть не враждебна была къ ребенку: какъ будто чужимъ, ненужнымъ и досаднымъ онъ былъ для нея. И лежитъ она теперь въ гробу бѣлая, маленькая, какъ дѣвочка изъ тѣхъ, что приходили сюда и молились свѣтло и радостно, какъ святые. Ея ребенокъ тутъ же на рукахъ у плачущей бабушки. И та-

кой больной, странный взглядъ этого полугодовалаго ребенка, какъ будто онъ узналъ горе жизни больше, чѣмъ его мать.

Скоро его опять принесутъ сюда. Будетъ лежать предо мною маленькое тѣлце съ бѣлымъ, какъ воскъ личикомъ, въ розовомъ гробикѣ, осыпанное цвѣтами. И я буду читать, какъ читаю десятки и можетъ-быть уже сотни разъ: „Храняи младенцы, Господи, въ нынѣшнемъ житіи, въ будущемъ же вѣцѣ уготовавый имъ пространство, Авраамово лоно“... Буду провожать его на кладбище. Раскопаютъ землю около могилы его матери и положатъ его рядомъ съ нею. И ужъ не будетъ ихъ на землѣ никогда, никогда.

Да приметъ ихъ Богъ въ свою радость.

Приносить все больше молодыхъ и цвѣтущихъ; старыхъ очень мало.

Въ сырыхъ, полутемныхъ коридорахъ духовной школы ходилъ со мной робкій, высокій мальчикъ и говорилъ несмѣло: „Я люблю святыхъ и молюсь имъ; но я люблю тоже Бѣлинскаго и Добролюбова—развѣ они не любили людей? Я люблю Толстого и отца Іоанна Кронштадтскаго. Скажите, если бы они были родные братья и любили одну мать и другъ друга горячо, ужели бы они не сумѣли найти то, что ихъ могло примирить? Мечтаю я о возможности какого-то высокаго счастія правды и примиренія для всѣхъ“.

Я слушалъ, всматривался въ него въ сѣромъ свѣтѣ, а онъ говорилъ: „не страдаетъ ли и Богъ, когда мы злы, завистливы и жестоки?“

Скоро онъ заболѣлъ. Милый мой мальчикъ! Чувствовалъ ли онъ, умирая, весенній живительный воздухъ, колыхались ли ему цвѣты молодые и прекрасные, какъ радость, шелъ ли навстрѣчу Христосъ, окруженный людьми, у которыхъ глаза сияютъ добротой и тихой лаской?

Хоронили его. Сіяло и грѣло солнце. И печаль погребальнаго звона была весенняя, ясная, сладкая душѣ. Не безрадостна была и мысль церковныхъ пѣсенъ, ибо онъ говорили о мѣстѣ, гдѣ нѣтъ болѣзни, печали, воздыханія. И голоса пѣвшихъ были молоды и бодры и радостны противъ воли.

Только мать, которую вели за гробомъ, надрывала скорбью свое слабое и старое сердце. Что ей было солнце и весь блескъ ликующаго дня? Милыхъ глазъ сына она уже не увидитъ, не услышитъ больше его родного голоса.

Шла мать и шаталась. И когда мы поднимались по длинной каменной лѣстницѣ къ верхней части кладбища, она упала совсѣмъ. И уже безъ нея звенѣли лопаты о каменистую землю, и потомъ земля стучала о крышку гроба.

Много людей—приходятъ и ухаживать.

Неопредѣленное, большое и грустное что-то живетъ въ душѣ и иногда тяжело дотронуться до него.

II.

У васъ въ храмахъ кланяются идоламъ—иконамъ; сдѣлаютъ на деревѣ изображенія и предъ

ними молятся, имъ кланяются, ихъ цѣлуютъ — темные и грѣшные люди. У васъ людей почитаютъ за Бога и, отводя мысль отъ Него, прибѣгаютъ съ молитвою къ нимъ.

Такъ говорятъ съ сознаниемъ глубокой своей правоты, съ огнемъ вѣры въ глазахъ — очень многіе.

Грѣшные люди поклоняются идоламъ? Это у насъ особенно грѣшные? О нѣтъ! У насъ несчастные, какъ и вездѣ, съ тѣмъ же горемъ. Не идоламъ кланяются, а Христу и тѣмъ изъ людей, кто воспринялъ Христову любовь и жалость къ людямъ, кто и теперь—вѣримъ—пожалѣетъ насъ и успокоитъ наши бѣдныя взволнованныя души.

Это мать грѣшная, которая плачетъ объ умершемъ ребенкѣ? Грѣшная жена, которая скорбитъ смертельно и слезами мочить плиты церковнаго пола, въ тоскѣ отъ пьянаго и буйнаго разбойника-мужа? Это дѣвушка особенная грѣшница, которая въ стыдѣ и смятеніи жалуется Богу на свою горькую обиду?

Грѣшные и темные люди; но они знаютъ высокую радость прощать самыя жестокия обиды, проникнуты благородной мыслью о возможности возрожденія самаго злого сердца; они вѣрятъ, что въ мѣръ вложена великая мысль Божія, и что жизнь человѣка и будущее ея полны глубочайшихъ тайнъ.

Это съ Христа окончательно утвердилось, что Бога стали видѣть чрезъ человѣка и человѣ-

ческое. Самъ Богъ изъ жалости къ человѣку принялъ плоть и душу его. Почему же странно, что въ храмѣ, посвященномъ этому Богу, все полно человѣческимъ? Молимся людямъ, кланяемся иконамъ, звонимъ въ колокола.

Если Богъ есть вмѣстѣ и Человѣкъ, то, кланяясь Ему, въ половинной части мы кланяемся Человѣку.

„Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“. Открылась для человѣка возможность стать подобнымъ Богу—почему же не воспринять человѣка въ культъ? Если благороднѣйшимъ сталъ человѣкъ, что грѣшного и невозможнаго найдемъ въ почитаніи его?

И развѣ люди идолу служатъ, когда смотря на „образъ“ Божіей Матери и Ей, знавшей печали земли, рассказываютъ свою скорбь, ставятъ предъ образомъ свѣчи?

Икона—идолъ? Но это „образъ“ Того, у Котораго, когда Онъ былъ еще здѣсь, лобызали ноги. Развѣ былъ Онъ идолъ, когда обливали слезами ноги Его, когда тѣло Его, человѣческое тѣло, обвили плащаницею, умащали благовонными маслами?

Здѣсь небесное единится съ земнымъ.

И хочется сказать: О, не иконы выбрасывайте, не свѣчи гасите восковья! Горе уменьшайте, слезы отирайте, не отнимайте отъ человѣка радость считать ближняго способнымъ мыслить высокое, чувствовать доброе; выходите отъ одиночества тупой нетерпимости на широкій путь довѣрія и уваженія къ человѣку.

Многообразно сочетается человѣческая душа съ мыслью и вещами міра, и корни ея неотдѣлимы отъ корней его. И нельзя обнажать ее отъ одежды, которою земля одѣла ее, безъ которой она чужда намъ и непонятна. Что она — безъ покрововъ земли — одинокая точка среди великой пустыни міра?

Есть жизнь, лежащая *вне меня*, и есть жизнь *моя*. Я смотрю въ мою жизнь, вглядываюсь въ грядущій мой день; но я тоже могу изслѣдовать находящееся *вне* меня; испытывать природу, изучать прошедшіе и грядущіе дни человечества. И тутъ и тамъ хочу найти смыслъ жизни, начала и цѣли ея, ея разумъ, ищу Бога.

Пути этихъ исканій различны. Одинъ путь—спокойный, надежный и вѣрный—идеть чрезъ науку; другой—короткій и порывистый—идеть чрезъ религію, черезъ храмъ.

Жизнь человечества и жизнь природы долга. Хотя та даль, въ туманъ которой скрываются послѣднія цѣли ихъ, неопредѣленна, но она находится на той же почвѣ, на которой человечество, на которой природа всегда стояли и стоятъ сейчасъ. Между послѣднимъ пунктомъ жизни человечества и природы и между сегодняшнимъ ихъ днемъ мы не мыслимъ непереходимой пропасти, обрыва, который спускался бы въ другую, неземную, нездѣшную область. И когда хочу изслѣдовать ихъ жизнь,

я иду по твердой, безобрывной дорогѣ. Въ моментъ распоряженіи богатство знаній, накопленныхъ прежде меня. Человѣчество раньше, чѣмъ я пришелъ въ міръ, добывало отвѣтъ, упорно и вѣками складывая мысль къ мысли, какъ кладутъ камень къ камню, отбрасывая ненужное и лживое. Я вхожу какъ собственникъ въ это зданіе, не мною построенное; беру знанія, найденныя другими, какъ свои; и имѣя впереди просторъ пути, конецъ котораго теряется въ безконечной дали, иду спокойно, осторожно и увѣренно: это неясно сегодня, но будетъ ясно завтра. У меня достаточно времени; есть полная возможность не отходить ни на шагъ отъ разслѣдованій безпристрастнаго, спокойнаго ума.

Путь же отдѣльнаго человѣка другой. Онъ слишкомъ коротокъ. Идя по землѣ, онъ скоро кончается обрывомъ, который ведетъ человѣка въ какую-то существенно иную, неземную область.

Я твердо знаю, что скоро и неизбежно приду къ этому обрыву. Поэтому и отвѣтъ на вопросъ: что я и что будетъ со мною?—мнѣ нуженъ сейчасъ, нуженъ сегодня. Я не могу отложить вопроса, ни на шагъ не могу уйти отъ него. Наука, исторія могутъ ждать, моя жизнь не ждетъ. Я скоро уйду отсюда. И важно для меня: я буду жить или нѣтъ? оправданъ я въ своихъ дѣлахъ или нѣтъ? Важно для меня это: я уйду куда-то, уйду; придетъ минута, и я останусь одинъ; не съ братомъ, не съ женою,

не съ дѣтьми, не съ другомъ, не съ роднымъ народомъ. Отдѣлюсь отъ близкихъ и любимыхъ мною и одинъ пойду въ невѣдомый, но неизбежный мой путь.

И оттого, что я съ каждой минутой все ближе подхожу къ обрыву моей жизни, и отвѣты мнѣ нужны сейчасъ, моя мысль устремлена сюда неотступно, мое требованіе отвѣта настоячиво, отношеніе къ вопросамъ страстно. И конечно, вслѣдствіе этого, мысль человѣка менѣе осторожна въ этой области; въ ней бываетъ личное, случайное, непровѣренное.

Но удивительно: результатъ исканій Бога путемъ науки и путемъ религіи получается не такой, какого бы слѣдовало ждать. Тамъ, въ наукѣ, для отысканія Бога берется только достоверное, точно провѣренное знаніе, съ устраненіемъ всего сомнительнаго и невѣрнаго. И однако ликъ Бога, полученный такимъ образомъ, оказывается неопредѣленнымъ и смутнымъ.

Еще почти не указала наука лица Божія; она дала лишь слабые намеки на Него, смутныя, колеблющіяся при первомъ прикосновеніи, очертанія. Она не нашла, гдѣ ясная Божія мысль, еще не умѣетъ сказать, въ чемъ воля Его.

Оттого ли, что наука людей стоитъ пока невысоко, но Богъ, ею найденный, еще не есть Богъ живой; до такой степени онъ не живъ, что въ наукѣ возможны и законны споры: есть Онъ или Его нѣтъ.

Здѣсь, въ религіи, въ храмѣ, элементы, изъ

которых складывается идея Бога, часто зыбки; въ нихъ много ненаучнаго, непровѣреннаго, страннаго. Но среди зыбкаго и непровѣреннаго ярко и выпукло видится Ликъ живого Бога. Можетъ-быть „ненаученъ“ Богъ храма, Богъ религи, но Онъ живъ, живетъ всегда: утѣшаетъ, выпрямляетъ совѣсти, творитъ новую жизнь всякій день. И видна мысль этого Бога, и ясна и тверда о мѣрѣ и людяхъ воля Его.

И до того живъ Богъ религи и церкви, что отъ человѣка, который увидалъ Его, уже никто Его не отниметъ. Убѣжденіе: „рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“— сказано не человѣкомъ науки, но человѣкомъ, который слогалъ и пѣлъ церковные гимны въ честь Бога, скорбѣлъ: „вотъ я живу въ домѣ кедровомъ, а ковчегъ Божій находится подъ шатромъ“, и въ восторгѣ предъ этимъ ковчегомъ „скакалъ и игралъ“. Тамъ—около Бога науки—мнѣ холодно и одиноко; здѣсь—въ храмѣ—уютно, тепло, отдыхаетъ усталое сердце. Тамъ я могу холодно удивляться, благоговѣть предъ открывающимися „перспективами“, предъ великими „открытіями и изобрѣтеніями“; тамъ человѣческое возвожу—говорять—до божественнаго, до неопредѣленной высоты, гдѣ оно растворяется въ чистую отвлеченность. Сюда я прихожу плакать, радоваться, мечтать, и великаго отвлеченнаго Бога, великую отвлеченную Силу чувствую, какъ живую Личность, которая утѣшаетъ меня въ горѣ, радуется моему счастью, поддерживаетъ мою мечту на высотѣ идеальнаго.

Здѣсь человѣческое единится съ Божиимъ.

Тутъ все мое, мнѣ родное, мною самимъ у Бога выхлопотанное. Это я вытребовалъ Бого-человѣка у Бога крикомъ страданій моихъ, жаждой оправданія, жаждой радости.

Жизнь мою принесъ я съ собою въ мѣръ этотъ и съ нею исканія божественнаго. Ищу красоту, которой здѣсь нѣтъ, но отблескъ которой живетъ въ душѣ моей; правды жажду, которую вижу здѣсь только оскорбляемой, но которую душа требовательно хочетъ видѣть осуществленной. Всѣмъ человѣческимъ существомъ своимъ ищу я Бога моего. Давно, всегда, часто-часто, такіе отдѣльные люди, какъ я, все кричали Богу о помощи, все твердили Ему о своихъ обидахъ, все вопіяли, потрясая ранами души своей.

Долго былъ слышенъ по землѣ гулъ человѣческихъ жалобъ. И небеса наконецъ „преклонились“. Богъ сошелъ въ гущу человѣческаго, сошелъ какъ Человѣкъ, погрузился въ человѣческое. И вся бездна человѣческихъ мыслей, чувствъ, желаній, страданій — окружили милосерднаго Богочеловѣка и стали плакать надъ нимъ и надъ собою вмѣстѣ. И ужъ я не различаю въ церкви, не могу различить, гдѣ тутъ Божіе горе, гдѣ мое, гдѣ Его скорбь, гдѣ моя мука.

Въ Великій четвергъ, слушая „Страсти“, вся церковь тихо плачетъ. Спросите, и кто отвѣтитъ опредѣленно: плачетъ ли онъ о своей неудавшейся жизни, или о Христовыхъ страданіяхъ?

Какъ плотная ткань виситъ предъ человѣчскимъ взоромъ міръ видимости. Въ немъ все устойчиво, имѣетъ свою причину, все разумно. Но стоитъ живой душѣ человѣка коснуться этого міра, какъ плотная ткань его превращается въ сѣть, въ которой на каждомъ шагу видны прорывы въ другой міръ, въ которомъ царитъ иная, намъ непонятная, логика, гдѣ другія цѣли, другая разумность.

Паль дождь на сосѣднее поле; мое же, которое обработано съ одинаковымъ трудомъ, съ меньшей любовью, — мое высушили вѣтеръ. Наука скажетъ причину дождя и причину вѣтра. Но исчерпывающія для нея, — для меня эти причины не будутъ достаточны. Ибо оттого, что засуха постигла мою землю, отъ этого я и моя семья голодны и должны испытать невзгоды и тоску нищей жизни. И наука не скажетъ мнѣ, почему я, или моя семья, или сосѣдъ мой, почему кто-нибудь изъ насъ долженъ стать несчастнымъ.

И я безъ сожалѣнія разрываю обступившій меня со всѣхъ сторонъ понятный и ясный міръ видимости и вглядываюсь въ то неясное, что лежитъ за нимъ; чувствую, что лишь тамъ смогу найти разумность, которая разъяснила бы жестокость ко мнѣ здѣшняго міра.

Жизнь мою я принесъ съ собою въ этотъ міръ, но въ ней все — ея горе и ея радость — ведутъ меня къ міру иному. Нахлынула радость „нежданно-негаданно“. Я не заслужилъ ея и

недостойнъ ея. Но вотъ она во мнѣ: трепещетъ и сіяетъ и наполняетъ душу мою. Убѣждаюсь: ее далъ мнѣ Богъ мой. И родитъ радость моя Бога моего.

Заслужилъ ли я горе это? Заслужилъ ли мученія смерти моего ребенка, заслужилъ ли онъ мученія своей смерти? Нѣтъ; но горе есть во мнѣ; оно тяжело опустошаетъ душу мою, ибо мертвъ ребенокъ мой, еще недавно милый, ласковый и радостный. И горе, какъ радость, родитъ мнѣ Бога моего. Измѣнчивы, какъ бы случайны, но постоянны бываютъ эти прорывы въ нашей жизни въ иную область, и точно такъ же случайны, даже какъ бы неразумны, но неистребимы, но постоянны наши отвѣты на то, что мы видимъ тамъ.

„Трезвонимъ“ въ колокола при радости; „резваниваемъ“ въ печали; усиливая молитву, мы „кадимъ“ передъ Господомъ; зажигаемъ свѣчи; „бьемъ“ поклоны предъ образами. Свѣча, колокольный звонъ, ладанъ — какія все случайныя и какъ бы ненужныя вещи.

И конечно, никто не сможетъ объяснить, почему именно свѣча или ладанъ выбраны какъ жертва Богу. Укажутъ, что свѣча лучше, чѣмъ кровавыя жертвы древнихъ религій, но никто и ничѣмъ не докажетъ, будто огонь, воскъ и пчела, которая дѣлаетъ воскъ, — будто они пріятнѣе, угоднѣе Богу, чѣмъ Его другія созданія.

Но какъ, случайно просвѣчивающіе сквозь свѣтъ видимаго, клочки иного міра, собранные

вмѣстѣ мыслью, особенно же горячимъ „желаніемъ сердца“ человѣка, являютъ изъ себя цѣлое бытіе, въ центрѣ котораго стоитъ Тотъ, Кого мы называемъ Богомъ, — такъ случайныя и нависныя отвѣты человѣка, собранныя вмѣстѣ, являютъ цѣльную личность человѣка въ ея отношеніи къ Богу. Свѣча, ладанъ и звуки колокола, какъ средство связи съ потустороннимъ міромъ, взятые отдѣльно отъ того сложнаго, что составляетъ религію, случайны и непонятны, но они столь же случайны, какъ случайно то, что мое поле побито градомъ, что смерть унесла у меня ребенка; они столь же непонятны, какъ непонятно мнѣ кажется землетрясеніе въ Мессинѣ.

Они не двинуть впередъ науки, но согрѣютъ сердце; они не внесутъ новаго въ научное понятіе о Богѣ, но пріоткрываютъ Его сердцу до того, что сомнѣніе въ Немъ кажется безумнымъ.

Случайное и неразумное все это тѣсно связано съ міромъ вѣчнаго.

Помните стихи:

„Вечерній звонъ, вечерній звонъ!

Какъ много думъ наводитъ онъ

О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,

Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ—

И какъ я, съ нимъ на вѣкъ протясъ,

Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ“.

(И. И. Козловъ).

Чувства первой любви бываютъ сильны и глубоко ложатся въ душѣ человѣка. Однако,

вмѣстѣ съ этими чувствами поэтъ помнить впечатлѣніе отъ колокольнаго звона. Сильныя чувства любви не заглушили ударовъ звона; онъ былъ услышанъ и хранился въ памяти вмѣстѣ съ самымъ дорогимъ и незабываемымъ.

Впечатлѣніе отъ колокольнаго звона что могло придать земнымъ—по преимуществу—чувствамъ любви?

Оно не ухудшило ихъ, съ ними соединившись; но возвысило, украсило высокой мечтательностью поэзіи, чистыми восторгамъ религіи. Въ данномъ случаѣ вечерній звонъ гораздо очевиднѣе сблизилъ то, что усердно стараются сблизить нѣкоторые изъ современныхъ писателей, на крайнихъ пунктахъ чего находится съ одной стороны размноженіе, съ другой — высоты религіи.

„Звонъ смиряющій всѣмъ въ душу просится“.

(И. С. Аксаковъ).

Онъ сдѣлался какъ бы частью нашего пейзажа, внося особыя звуковыя дополненія въ настроеніе, имъ вызываемое. Несомнѣнно, много задушевности и мягкости онъ влилъ въ характеръ народа нашего, много думъ о вѣчномъ заставилъ его передумать.

Поэты давно увидали это.

„Ихъ звонъ призывный

Гудитъ уныло,

Зоветь и манитъ

Неодолимо...“

(А. К. Толстой).

Изъ новѣйшихъ писателей Чеховъ часто и съ любовью говоритъ о звонѣ колоколовъ. „Изъ Обнина лѣтомъ носили икону крестнымъ ходомъ по сосѣднимъ деревнямъ, и звонили цѣлый день то въ одномъ селѣ, то въ другомъ, и казалось тогда преосвященному, что радость дрожить въ воздухѣ, и онъ (тогда его звали Павлушей) ходилъ за иконой безъ шапки, босикомъ, съ наивной вѣрой, съ наивной улыбкой, счастливый безконечно“ („Архіерей“). И вѣрно многіе испытали сладкое чувство грусти, слушающая церковный звонъ, слушающая религиозныя, задумчивыя рѣчи, которыя удары колокола заставляютъ говорить душѣ и лѣсъ, и рѣку, и этотъ вечеръ, тихо идущій къ намъ съ дальняго края широкаго поля. Въ тишинѣ умиряющаго дня онъ растворяется въ душѣ грустно и сладкою думой: ты уйдешь отсюда, уйдешь! Береги же землю и радость ея; проникнись жалостью къ живущему, благодарностью къ Сотворившему все.

✓ Горитъ свѣча предъ иконой. Я думаю: кто-то поставилъ ее, кто-то „подаль на свѣчку“. Маленькій, колеблющійся и мигающій ея свѣтъ есть часть чьей-то души: тутъ чья-то мысль трепещетъ; чье-то сердце волнуется, страдаетъ, радуется, о чемъ-то молить. И все это устремлено туда, куда и мое сердце и моя мысль. Какъ это окрыляетъ, какъ что-то пріоткрываетъ въ вѣчности. Ничтожное, едва замѣтное „оконце“, но чрезъ него я гляжу въ то громадное, что неотрывно притягиваетъ къ себѣ мою душу.

Богъ великъ и всеобъемлющъ, душа же моя узка и убога. Но какія-то струны въ моей душѣ есть, которыя отвѣтно звучатъ Богу, что-то въ Немъ я начинаю понимать—и именно чрезъ это „случайное и неразумное“, чрезъ огонь восковой свѣчки, чрезъ кадильный дымъ, чрезъ звонъ колокольный.

✓ Дорогимъ и важнымъ дѣлается для меня это случайное и ненужное; понятно, когда услышу, что люди готовы за это страдать.

III.

„...Ни по одному изъ евангельскихъ мотивовъ невозможно прийти къ идеѣ построить церковь, къ порыву построить церковь. По этимъ мотивамъ только штундисты собираются.. Если мы возьмемъ то, что всемірно считается патетическимъ центромъ Евангелія—нагорную проповѣдь,—то совершенно нельзя постигнуть, какимъ образомъ *отъ нея* можно прийти къ *порыву* построить церковь. Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога *узрятъ*, блаженны нищѣ духомъ, ибо ихъ есть *царство небесное*, блаженны вы, когда васъ будутъ гнать и проч. Такъ—Бога узрять, и царство небесное—это совсѣмъ не то, что я ставлю восковую свѣчу и кладу поклонъ передъ образомъ. Тутъ *нѣтъ связующаго*... Вотъ къ этому культу, ежедневному, какъ наша литургія, Иисусъ Христосъ никогда не примкнулъ (слова В. В. Розанова изъ статьи „Языческое въ христіанствѣ“)..

Такъ сказано. Но правда ли это?

Не смиренный ли, не нищій ли духомъ, не кроткій ли и построишь церковь?

Слова о кроткихъ и милостивыхъ, а больше всего образъ того, Кто сказалъ ихъ,—они уязвили души людей, создали и въ дѣйствительности кроткихъ и чистыхъ сердцемъ. И христіанскій храмъ живетъ духомъ Его и ихъ, вѣющимъ въ воспоминаніи, въ надеждахъ, въ мечтахъ. Преклоненіемъ предъ ними строятся храмы и донныѣ.

Какой-нибудь маленькой частью великой мысли уязвится сердце человѣка, и онъ строить храмъ.

„Вотъ я, Господи, построю храмъ, и придутъ сюда люди въ скорби земныхъ разочарованій своихъ, въ смутныхъ тревогахъ, въ восторгахъ тяготѣній къ горнему отечеству. Придутъ и здѣсь смягчатся, не будутъ злобны, пожалѣютъ о ближнемъ, вспомнятъ о правдѣ міра, о высокихъ Божіихъ призывахъ. Тамъ—въ жизни—твои слова затеряются, сотрутся, а здѣсь будутъ живы и ярки; тамъ все колеблется и измѣняется, а здѣсь они будутъ неизмѣнны всегда“.

Кто пришелъ въ храмъ, тоскуя о своемъ личномъ горѣ, коснувшись здѣсь мечты о кротости и милосердіи, о жалости ко всему живущему,—онъ начинаетъ страдать уже отъ тяготы зла всеобщаго, тосковать о вѣчной, никогда и ничѣмъ неколеблемой правдѣ. Плачеть о грѣхѣ

своимъ, но больше объ идеалѣ, людьми утерянномъ; о томъ, какъ хороша и свѣтла могла бы быть жизнь его и другихъ, но плоха она, идутъ дни и нельзя ихъ вернуть; невозможно вернуть то, что было въ эти дни, исправить ошибки, возратить здоровье, уничтожить себѣ и другимъ причиненное зло. Кто пришелъ въ храмъ со своимъ личнымъ желаніемъ, услышавъ здѣсь о тѣхъ, которые ради правды были гонимы и презираемы, тотъ уже обрѣзываетъ свой эгоизмъ и мыслить: да не обижу, не оскорблю ближняго своимъ желаніемъ. Тутъ многое еще неясно; многое еще чувствуется, но не сознается; чувствуется смутно, невольно, незамѣтно. Но видно: это есть центръ, куда идетъ горе міра и надежды его; то человѣческое, что пробивается среди звѣринаго, то божественное, что пробивается среди человѣческаго; что хочетъ найти гармонію среди хаоса, утерянную радость, уравнивать для Бога пути жизни.

Изъ міра все это выталкивается безпощадно—и нищета духа, и плачь о грѣхѣ, незлобивость и кротость. Все это какъ будто нѣчто досадное міру, мѣшающее ему и ненужное. Но хотя все это досадно міру, все же тяжело людямъ жить безъ этого, безъ думы объ этомъ, безъ мечты объ этомъ. И оскорбляя и преслѣдуя мечту объ этомъ въ мірѣ, ласкаютъ ее на днѣ души своей и несутъ ее въ церковь, гдѣ—чувствуютъ—она будетъ признана, какъ родная, святая и желанная.

Если нѣтъ этого въ жизни, пусть будетъ хоть въ мечтѣ о будущемъ, хоть въ грустной думѣ о минувшемъ. Объ этомъ помечтаемъ, объ этомъ вспомнимъ, прекрасной мечтѣ помолнимся.

И идутъ, и молятся, и эту мечту и реальное горе свое обливаютъ слезами тоски и восторга.

Горе міра и надежды его идутъ въ храмъ, чтобы коснуться вѣчнаго, освѣжиться вѣчнымъ; войти въ область, гдѣ въ отвѣтъ на злобу земли понимающая и прощающая улыбка кроткихъ, гдѣ ласковость милостивыхъ, гдѣ благородныя души алчущихъ правды и за нее гонимыхъ.

„...Бога узрять и царство небесное—это совѣмъ не то, что я ставлю восковую свѣчу и кладу поклонъ передъ образомъ. Тутъ нѣтъ связующаго (Р.)“...

Но если мы не видимъ связующаго, то та старуха, которая ставитъ свѣчу, и святой, который въ стремленіи „узрѣть“ Бога, отгородился отъ нея и отъ міра сотнями верстъ пустыни или дремучаго лѣса, спрятался за каменными стѣнами монастыря, закрылся высокими горами—они-то знаютъ каждый про себя, что связаны другъ съ другомъ крѣпко, что есть неразрывная связь между—Бога узрять и восковую свѣчей, зажженной передъ образомъ.

„Тебѣ святость, высокая паренія, а мнѣ-то день-деньской маленькіе, назойливые грѣхи, которые, какъ клещи, впиваются въ душу и какъ кровь по каплѣ точатъ силу ея. Ты сво-

бодно и гордо поешь тамъ въ душѣ хвалебныя гимны Богу, ни отъ кого независимъ, никому не подчиненъ, а я-то каждой минутѣ покорна, предъ каждымъ человѣкомъ согнувъ, всякому уступлю дорогу—ради большого мужа, ради дѣтей, я—старая—ради еще болѣе старой матери моей. И вотъ среди этой суеты только и осталось у меня для Бога, что дорогой на базаръ забѣгу въ церковь къ Николаю Чудотворцу и поставлю ему свѣчку, удѣливъ три копейки изъ немногихъ денегъ моихъ. И эта свѣчка есть все, чѣмъ я напоминаю Богу о себѣ.

Ужели же ты отнимешь ее у меня; ужели Христось отнял бы, запретилъ бы ее ставить, назвалъ бы меня за это тупой и неугодной Богу язычницей?

Но, поставивъ свѣчу, хотя смутно и мало понимая, я говорю Богу: „не забудь и меня, помни, что и я человѣкъ; я тоже хочу счастья и радости, того рая, о которомъ Ты говорилъ людямъ; хотя смутно и темно, но я помню, что Ты и за меня умеръ. О, несравнимо мерцаніе моей свѣчки съ пламеннымъ порывомъ души Твоего святого, но будь же ко мнѣ милостивъ, Господи, будь милосердъ!“

И твердо знаетъ старуха, что если есть правда въ мірѣ, если есть на небѣ Богъ, то справедлива ея молитва, свята ея свѣчка, и Христось не отвернулся бы отъ нихъ.

Тутъ связь. Свѣчка есть та лепта вдовицы,

которую Господь усмотрѣлъ нѣкогда, сидя у входа въ Иерусалимскій храмъ; не „опрокинулъ“ ее, но одобрилъ, благословилъ, похвалилъ, какъ всегда благословлялъ все, что идетъ отъ „благороднаго“ человѣческаго сердца. Эту лепту-свѣчку одобрилъ Тотъ Самый, Кто сказалъ: блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ, Кто сказалъ и всѣ остальные заповѣди блаженства.

Здѣсь и лежитъ „связующее“ между восковой свѣчей и подвигами аскета, который ушелъ изъ міра. Въ томъ связующее, что и тутъ и тамъ— все это человѣкъ несчастный—ищущій счастья, тоскующій по вѣчности, стремящійся къ Богу. Только одинъ всю душу распахнулъ навстрѣчу Богу и напряженно глядитъ Ему въ лицо зоркими очами, а другая пробирается маленькой, запутанной, глухой тропинкой и смотритъ на Него старыми и выдѣтшими глазами.

Но смотреть туда же, куда и онъ.

Оба знаютъ, что имъ нигде не уйти другъ отъ друга; знаютъ, что тяжкій грузъ мысли о ближнемъ и о горѣ міра положилъ Господь на сердцѣ человѣка и повелѣлъ нести его каждому, на какую бы высоту онъ ни взошелъ.

Знаетъ старуха: далеко ушелъ святой отъ отупляющихъ мелочей жизни, но отъ ея горя онъ не уйдетъ; догоняетъ она святого, держитесь за него крѣпко, указываетъ ему на горе свое и зоветъ неотступно: преподобне отче Серафиме, моли Бога о насъ!

И онъ знаетъ: она не виновнѣе другихъ, вздыхаетъ и болѣзнуетъ ради общей вины. И она, какъ онъ, ушла бы далеко отъ суеты и зла міра, да не хватило силъ, да жизнь привязала къ людямъ цѣпкими скрѣпами слабого и жалостливаго сердца, оттолкнула ее жизнь въ другую сторону. И оглядывается онъ на нее среди высокихъ пареній духа своего, съ великимъ состраданіемъ принимаетъ въ сердце тяжкій грузъ ея убогой жизни и, умирая, завѣщаетъ съ любовью: приходите ко мнѣ на могилу, плачьте о горѣ своемъ; услышу я, погорю съ вами, и будетъ вамъ легче въ тяжелой вашей долѣ.

Не тотъ — по ученію Христа — узритъ Бога, кто отвернулся отъ горя міра, чтобы не видѣть его, кто стремится, чтобы между нимъ и Богомъ не стояло ничего, кромѣ прозрачнаго воздуха, какой-то прекрасной пустоты, — но кто, видя межъ собою и Богомъ неустройство міра и позорныя паденія человѣка и эту копеечную свѣчу, какъ единственное, что осталось для Бога и вѣчности у очень многихъ, — кто, видя это, не изнемогъ, не засорилъ душу злобой и ожесточеніемъ, но все превозмогъ; сохранилъ вѣру въ человѣка и въ Бога, и молится, вѣря, что будетъ согласно молитвѣ, — молится и работаетъ: да святится имя Твое, да придетъ царство Твое, да будетъ воля Твоя.

Христосъ „первымъ же шагомъ своего выступленія на проповѣдь (изгнаніемъ изъ храма

торгующихъ) сдѣлалъ опрокидываніе этого (ветхозавѣтнаго) культа, какъ и потомъ во всё три года ученія всегда отрицалъ ритуаль и форму, безъ которыхъ, конечно, вообще никакого культа, нѣтъ и онъ невозможенъ (Р).“

Но тогда что представляла изъ себя церковь первыхъ послѣдователей Христа?

„Что же было тогда? Сказать ли истину, ужасно горькую и печальную, ужасно бѣдную: былъ нашъ штундизмъ, вотъ эти бѣдныя общины не очень умныхъ людей... Религія была уничижена... (Р).“

Новый же, христіанскій культъ создали сами люди, и не отъ Христа идя, а какъ бы противъ Христа, Его мысль отстраняя какъ невѣрную, какъ враждебную культу.

„Главное въ христіанствѣ — не Евангеліе. Главное — самъ человѣкъ и тотъ сокъ, который онъ далъ изъ себя, реагируя на Евангеліе. Христіанство... и есть застывшій и ставшій вѣчнымъ, наконецъ ставшій осозаемымъ и видимымъ этотъ сокъ души человѣческой, — подобно какъ камедь и янтарь, вытекающіе изъ ствола дерева. Дерево — человѣкъ: Евангеліе его сѣкло, парало, запечатлѣвало — и все текъ и текъ сокъ, тамъ текъ, вездѣ текъ, потомъ застывать, принималъ формы, и вотъ это-то, т. е. сокъ человѣческой, текшій въ отвѣтъ на Евангеліе, и есть „христіанство“, „христіанская цивилизація“, „христіанская культура“, „христіанская жизнь“ (прибавимъ: христіанскій культъ)..“

Вся эта янтарность, пахучесть христіанства отъ сердца человѣческаго... эти чудовищныя горы человѣческихъ чувствъ... они-то и составляютъ *суть всего* въ христіанствѣ... Но эти „Иваны“, молитва которыхъ, красота которыхъ составила *все*, — не оставили именъ своихъ. Время шло, имена забылись или даже и не произносились, и память человѣческая все отнесла и приурочила къ „Евангелію“... Между тѣмъ это не такъ, и совершенно не такъ: христіанство выжалъ изъ себя человѣкъ... ну, соглашаюсь, въ отвѣтъ на „безконечное и невѣдомое“, что окружаетъ его, что надъ нимъ, что выше его (Р).“

Итакъ, если возвращаться отъ современной Церкви къ ея началамъ, — то постепенность такова: современная Церковь съ ея культомъ (мы говоримъ о немъ); „благородное человѣческое сердце“; „безконечное и невѣдомое“, что окружаетъ человѣка. „Христіанство выжалъ изъ себя человѣкъ... ну, соглашаюсь, въ отвѣтъ на „безконечное и невѣдомое“, что окружаетъ его, что надъ нимъ, что выше его“...

А Евангеліе? „Ни по одному изъ евангельскихъ мотивовъ невозможно прийти къ идеѣ построить церковь“... Оно „сѣкло и парало“ человѣка, и, убѣгая отъ Евангелія, защищаясь отъ него, спасаясь, человѣкъ строилъ церкви и создавалъ культъ. А Христосъ? Христосъ „во всё три года ученія всегда отрицалъ ритуаль и форму, безъ которыхъ, конечно, вообще никакого культа нѣтъ, и онъ невозможенъ“.

Христосъ въ теперешнемъ христіанствѣ — ничто; отъ Христа въ немъ ничто не пошло, или лучше—вотъ черезъ двѣ тысячи лѣтъ, какъ и двѣ тысячи лѣтъ назадъ, — нѣсколько общинъ „не очень умныхъ людей“. Вотъ выводъ. Слѣдовательно, въ центрѣ церкви—все равно православной, католической, протестантской, — въ центрѣ церкви стоитъ Христосъ-штундистъ, съ септантской нетерпимостью къ культу. Христосъ изгнать торжниковъ совершенно такъ же, какъ вышняя штундистка раскалываетъ топоромъ икону и бросаетъ ее въ сорное мѣсто. И у Него и у нея одинаковый наклонъ мысли и чувства, одинаково идущій отъ... нагорной проповѣди.

Отъ благороднаго человѣческаго сердца „текъ сокъ“, который и создалъ то, что называется христіанствомъ, какъ и христіанскій культъ.

О, конечно, текъ сокъ; ибо, дѣйствительно, Христосъ не далъ всѣхъ молитвъ, не Онъ построилъ церкви съ иконами, колоколами и кадильничнымъ дымомъ. „Херувимская составлена благочестивымъ царемъ (Р.)“.

Но вотъ вѣдь Онъ далъ же „Отче нашъ“ и „заповѣди блаженства“, которыя поются въ церкви, и другія слова и другія дѣйствія, которыя совершаются въ храмѣ, не забываются, и занимаютъ въ богослуженіи не край, не уголь, а середину, центръ.

„И сказалъ имъ: суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы“ (Мр. 11, 27). Въ этой

заповѣди навсегда и съ полной ясностью высказана мысль Господа по вопросу о культѣ.

Онъ отвергъ ли субботу? Нѣтъ, но призналъ ее великой, важной для человѣка.

Все для человѣка, для его счастья, для осуществленія имъ цѣлей, Богомъ ему указанных. Лишь надо помнить, что глубокой смыслъ этой заповѣди остается великимъ и обязательнымъ не только въ ея утверженіи, но и въ ея отрицаніи. Ибо можно быть рабомъ культа, утверждая его, и можно быть рабомъ культа, его отрицая.

Очерствѣвшій на законѣ, не оживленномъ духомъ правды, человѣкъ пряталъ за стѣну закона злое равнодушіе свое къ гибели ближняго; тогда Господь „нарушалъ субботу“, „опрокидывалъ“—не культъ, но оскорбляющую человѣка притязательность его. Но если бы Онъ видѣлъ, какъ человѣкъ отравляетъ свое и ближняго сердце злымъ возбужденіемъ, враждой, страданіемъ, „опрокидывая“ обрядъ тамъ, гдѣ онъ не давитъ души, гдѣ исходитъ отъ святой любви человѣческаго сердца, — Онъ сказалъ бы тоже: не отвергай обрядъ, ибо губишь человѣка.

Не пришлось Господу бороться въ этомъ направленіи, но смыслъ Его заповѣди ясенъ: суббота для человѣка.

Но „первый шагъ“, скажутъ, все же былъ, Христосъ изгнать же торгующихъ? Да, изгнать; но Онъ говорилъ: „домъ мой“, Божій домъ—храмъ

ветхозавѣтнаго культа онъ признавалъ Божиимъ домомъ,—Божій домъ „вы сдѣлали вертепомъ разбойниковъ“. Онъ изгналъ торжниковъ, какъ теперь изгналъ бы изъ церкви пьянаго или чрезъ мѣру корыстолюбиваго священника, какъ изгналъ бы грубаго старосту или сторожа.

Но Господь нигдѣ не говорилъ ни о свѣчахъ, ни о колокольномъ звонѣ? Да; но и мы, зажигающіе свѣчи, считаемъ великими въ христіанствѣ не тѣхъ, которые только свѣчи любили, но часто тѣхъ, для кого сводомъ храма служило высокое небо; не мерцаніе свѣтчъ, а свѣтили имъ далекія звѣзды; и душѣ ихъ вмѣсто звучныхъ хоровъ человѣческихъ голосовъ пѣла тишина заснувшей великой пустыни. Считаемъ великими людей, которые высоко подняли правду. Ибо свѣчи это временное, а правда—вѣчное.

Былъ „первый шагъ“. Но за нимъ были другіе „шаги“, болѣе важныя, болѣе центральныя, которыми Онъ гораздо больше „утвердилъ“ культъ, чѣмъ изгнаніемъ торгующихъ его „опрокинулъ“.

„... И взявъ хлѣбъ и благословивъ, преломилъ и подалъ имъ, говоря: сіе есть Тѣло Мое, которое за васъ предается; сіе творите въ Мое воспоминаніе. Также и чашу по вечери...“ (Лук. XXII, 19—20).

Установленіе причащенія есть рѣшительное утвержденіе новозавѣтнаго культа. Ибо какъ ни понимать причащенія въ этомъ завѣтѣ Господа, въ этомъ Его призывѣ, есть несомнѣнное утвержденіе и элемента формы, обряда, символа; элемента того, что мы называемъ культомъ.

И если бы въ Евангеліи, если бы въ дѣятельности Господа, въ Его словахъ, мы не видѣли больше ничего по этому вопросу, одного этого достаточно для признанія, что Господь утвердилъ основы христіанскаго культа.

✓ Онъ положилъ корни, глубоко вкопалъ ихъ, какъ въ землю, въ человѣческія сердца, посѣялъ тѣ сѣмена, отъ которыхъ потомъ должно было вырасти дерево Церкви; стволъ и вѣтви внутренней и внѣшней стороны ея. ✓

Причащеніе есть та ячейка, тотъ центръ, около котораго создался весь христіанскій культъ. Все сложилось около него, вся литургія; и Отче нашъ и заповѣди блаженства, сказанныя Христомъ, и Херувимская пѣснь, „составленная благочестивымъ царемъ“ И какъ около причащенія создалась литургія, такъ около литургіи построились другія церковныя службы.

Господь положилъ „краеугольный камень“ культа, а люди на немъ строили и строятъ.

И когда строили и строятъ люди, то съ согласія Христа, оглядываясь на Него, развѣ не съ вопросомъ къ Нему: Ты вѣдь благословляешь это, Ты любишь это, къ этому звалъ? И когда „благочестивый царь“ слагалъ въ душѣ „Херувимскую“, думаете ли, что онъ не оглядывался на Христа: это вѣдь Твоя мысль, пѣсня въ твоей душѣ звучащая?

Это о храмѣ заплакалъ Христосъ; похвалилъ вдову за то, что она въ храмъ принесла двѣ лепты. Это Господа „просили убѣдительно“ иудей-

скіе старѣйшины, чтобы Онъ исцѣлилъ слугу сотника въ Капернаумѣ, говоря: „онъ достоинъ, чтобы Ты сдѣлалъ для него это, ибо онъ любить народъ нашъ и построилъ намъ синагогу“ (Лук. VII, 3—5).

Къ Тому, Кто „первымъ шагомъ своего вступленія на проповѣдь сдѣлалъ опрокидываніе“ ветхозавѣтнаго культа, — возможно ли, чтобы къ Нему обратились съ такой просьбой? И Тотъ, Кто „всегда отрицалъ ритуалъ и форму“, — возможно ли, чтобы Онъ отвѣтилъ на эту просьбу такъ, какъ отвѣтилъ Господь: исполнилъ ее?

Развѣ Онъ противъ храма, противъ иконъ, ладана, колокольного звона? Все это созданіе людей въ отвѣтъ христіанству? Но эти отвѣты и любилъ Господь; чтобы вызвать ихъ, чтобы пробудить въ челоуѣкѣ творчество, — Онъ и пришелъ. „Эти чудовищныя горы челоуѣческихъ чувствъ... они-то и составляютъ суть всего въ христіанствѣ“. Но суть — Онъ, около котораго создались горы чувствъ; создать ихъ и было Его намѣреніемъ.

Зерномъ горчичнаго дерева Онъ назвалъ начало проповѣданнаго Имъ Царства Божія. „... когда сѣется въ землю, оно есть меньше всѣхъ сѣмянъ на землѣ; а когда посѣяно, всходить и становится больше всѣхъ злаковъ, и пускаетъ большія вѣтви, такъ что подъ тѣнью его могутъ укрываться птицы небесныя“ (Мар. IV, 31—32).

Суть христіанства и христіанскаго храма есть Христеосъ.

Пришелъ челоуѣкъ въ храмъ. Уже сердце его захватилъ грѣхъ крѣпко. Но онъ услышалъ здѣсь трогательную притчу Христову, Его призывъ къ доброду и опустилъ руку, поднятую для грѣха, и зло сердца расплавилось въ огнѣ чудесной, животворной мысли, сказанной Господомъ. Что, ужели тутъ Христеосъ не при чемъ?

Читаютъ въ церкви о страданіяхъ Христа. Чуткій мальчикъ слушаетъ и плачетъ. И въ душѣ растетъ, растетъ жалость къ людямъ, страдающимъ, обиженнымъ, негодованіе противъ зла. Что: Христовы страсти — отвѣтъ только людей на безконечное, или это Самъ Христеосъ, зовущій къ безконечному? Все это море слезъ, горя, жалости, порывовъ вдохновенныхъ, дѣлъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ — все это создалося около... пустоты? И не было Лица страдавшаго, безконечно жалостливаго? Ужели и тутъ „молитва Ивановъ, красота ихъ составила все“, ничего не оставивъ на долю Христа, ничего не воспринявъ отъ Него?

Все „отъ благороднаго челоуѣческаго сердца“; неужели только у Господа не было „благороднаго“ сердца?

Не дѣлайте Христа сектантомъ. Если челоуѣку любя икона, если огонь свѣчи поддерживаетъ въ немъ огонь правды, то Господь не разламываетъ икону, не погаситъ свѣчу.

О городѣ ветхозавѣтнаго культа, о еврейскомъ

храмъ Онъ сказалъ съ печалью: „Иерусалимъ, Иерусалимъ! сколько разъ хотѣлъ Я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли! Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“ (Мѡ. XXIII, 37—38). „Вашъ домъ“, уже не „Божій“, — оставляется пустъ.

Легенда была: передъ тѣмъ, какъ быть разрушену іерусалимскому храму, люди слышали голосъ, говорившій въ святыхъ святыхъ: „пойдемъ отсюда!“ — и шаги какъ бы кого-то уходившаго оттуда. Говорили, что это Богъ покидаетъ храмъ.

Вотъ, когда Богъ ушелъ, ушли и люди. Нѣтъ въ храмъ Бога, и нѣтъ никакого отвѣта. И если бы изъ нашего храма ушелъ Господь, тогда ушло бы изъ него „благородное человѣческое сердце“ и всѣ его отвѣты: и горы святыхъ чувствъ и возвышающія душу молитвы; въ немъ сами собой погасли бы свѣчи и замолкнулъ бы звонъ.

Связь со Христомъ была всегда у людей Церкви.

О, несомнѣнно, иногда, а можетъ и часто, люди ошибались и, оглядываясь, думали, что видятъ Христа, когда видѣли враговъ Его; прислушивались, думая, что слышать Его голосъ а слышали лживый голосъ враждебнаго Ему; и давали отвѣты на слова Христа и Евангелія — жестокия и лживыя. Ибо не всегда бываетъ хорошо и чисто-человѣческое сердце.

Разные могутъ быть отвѣты на призывы Бога,

какъ и были: вдова отвѣтила двумя лептами; мытарь молитвой: „Боже! будь милостивъ ко мнѣ, грѣшнику!“ А фарисей: „Боже! благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь!“

Въ отвѣтъ Христу многое давала душа человѣка, многое и разное. „Горы чувствъ“ дали люди въ отвѣтъ Евангелію, когда оно „царапало и сѣкло“ ихъ души. Но разное есть и было въ этихъ чувствахъ — хорошее и дурное; все какъ янтарь по твердости, но не все по чистотѣ. „Отвердѣло“ хорошее, отвердѣло и дурное.

Строили и строятъ люди на „камнѣ“, Христомъ положенномъ; но строить хорошо и дурно, усердно и лѣнливо; кладутъ прочныя и крѣпкія камни, но и негодный щебень.

Потому и реформы ждемъ, что видимъ: есть ненужное, есть не наилучшее, есть не отъ святого сердца исходящее въ этомъ янтарѣ. И смотримъ опять на Христа — ибо каждый разъ только на Него оглядываясь, свѣтомъ отъ Него освѣщаясь, люди ломали отвердѣвшее зло, — смотримъ на Христа, чтобы очистить янтарь.

О, не для того, чтобы на мѣстѣ православія выросли „общины не очень умныхъ людей“, но чтобы сокъ — янтарь, который даетъ изъ себя человѣчество въ отвѣтъ Христу, — чтобы онъ былъ чистъ; чтобы только лучшее человѣческое осталось около храма, дурное же ушло.

Человѣкъ былъ Христосъ, а не сектантъ.

Отъ Христа и Нагорной проповѣди можно прийти къ идеѣ построить церковь, но не всякую церковь.

Не такую, гдѣ приносили бы въ жертву животныхъ, гдѣ священникъ „свертывалъ“ бы голову птицы, Богу посвященной; гдѣ камнями побивали бы „жену, взятую въ прелюбодѣянїи“;—отъ такой церкви Господь увелъ людей. И не такую церковь, въ которой вѣрующіе убѣждены: какъ грѣшны и невѣжественны тѣ, которые кланяются иконамъ и зажигаютъ свѣчи, какъ грѣшны и туы тѣ, кто не съ нами;—къ такой церкви Господь не привелъ людей.

Но „идея“ построить церковь съ иконами, свѣчами и звономъ колокольнымъ идетъ не мимо Христа. Только бы кромѣ огня свѣчей въ ней былъ виденъ огонь смѣлаго вдохновенія и падали отъ нея на человѣческія души удары дѣлъ великодушныхъ и святыхъ.

IV.

Пришли дни, и съ ними люди, цѣлыя толпы людей. Спугнули они тихія тѣни церковныя.

Были люди взволнованы; наполнили церковь и всю ограду около церкви. Вышли священники и „подъ открытымъ небомъ“ служили молебень.

Съдой священникъ сильнымъ молодымъ голосомъ читалъ манифестъ о войнѣ. Потомъ ходили по городу громадной, радостно и тревожно возбужденной толпой. Впереди несли флаги, воодушевленно пѣли, говорили рѣчи.

Шли вѣсти о первыхъ сраженіяхъ; говорили о настроеніи солдатъ, о новыхъ начальникахъ. Часто служили торжественные молебны, на которыхъ пѣли многолѣтія „побѣдоносному воинству“. Пѣли внушительно, одушевленно, съ немнѣвающейся, требовательной вѣрой.

Въ шумномъ движеніи заглушается отдѣльное горе, личная скорбь, одинокая тревога отцовъ, матерей, женъ и дѣтей. Стыдно предъ общимъ чувствомъ со своимъ маленькимъ опасеніемъ, со своей тревогой. Но маленькія—онѣ сильны и живучи; робки, тихи и стыдливы, но настойчивы.

Еще живетъ въ душѣ народной молитвы, еще звучать въ памяти могучіе звуки: „Тебе, Бога, хвалимъ!“ Но они волнуются подъ высокими сводами храма, вырываются въ открытыя окна и торжествуютъ тамъ вмѣстѣ съ бодрымъ и яснымъ солнечнымъ днемъ; а внизу тихій и тревожный шопотъ молитвъ любящаго и слабого человѣческаго сердца и негромкія рѣчи: „Ватюшка! отслужите молебень о здравіи воина Константина. У меня ушелъ на войну сынъ“.

И служба молебень и освящая на дорогу уходящему солдату „образокъ святой“, уже ясно слышишь настойчивость тревоги: „Ахъ, что-то будетъ съ моимъ, со мной? Что-то будетъ?“

Пришли другіе слухи. Начались пораженія.

Мы все возглашаемъ, и пѣвчіе все поютъ „многолѣтія“, но уже выблещетъ увѣренность, падаетъ одушевленіе. Стало меньше людей на об-

щих моленіяхъ. Но увеличивается число „частныхъ требъ“.

Все молебны о здравіи „болящихъ“, панихиды о упокоеніи „убіенныхъ“ воиновъ. И уже не скрываются эти „частныя“ скорби. Слова о нихъ отцовъ и матерей не робки, а требовательны, настойчивы и раздражены.

Преломилось громадное чувство на множество маленькихъ отдѣльныхъ чувствъ. Тамъ, вдали, какъ-будто уже вѣтъ „воинства“, а есть болящія Петры, убіенные Іоанны, безъ вѣсти пропавшіе Дмитріи; и есть другіе, которые всякій день смотрять въ лицо смерти, каждый день могутъ быть отданы ей. И вьются около нихъ жуткія надежды и тяжелыя печали — здѣсь Странно, причудливо и грустно иногда отражается война, доходя до церкви.

Зовутъ къ больному. Спрашиваю: „— Отчего заболѣли?“

„— Я долженъ былъ итти на войну, а я не могъ убивать, не могъ“. Больной говоритъ слово „убивать“ съ отвращеніемъ, какъ будто видить что-то противное. Стало видно, что убійство есть предметъ его упорной и болѣзненной ненависти“.

„— Я изъ купцовъ, но мнѣ бы въ монахи итти; мнѣ всѣхъ жаль. Взяли въ солдаты, послали на войну, Что дѣлать? Никогда не пилъ; тутъ запилъ, желая умереть. И пьяный простудился“.

У него появилась скоротечная чахотка, его освободили отъ службы, и родные привезли на югъ.

„— Жалѣете ли теперь, что сдѣлали это?“

Онъ смотритъ на меня и говоритъ спокойно и разсудительно.

„— Какъ же мнѣ было поступить? Я не знаю, какъ могъ поступить иначе. Сказано: если рука твоя соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя, и если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя... Если можно вырвать глазъ и отсѣчь руку, чтобы спасти душу, то почему съ этой же цѣлью я не могу убить и все свое тѣло?“

Видно, что больной говоритъ то, что твердо и опредѣленно сложилось въ душѣ. Голосъ ровный, глаза холодные и непроницаемые; сверху смотритъ онъ на меня, съ высокаго камня безповоротнаго убѣжденія. Но и что-то безумное въ немъ есть.

„— Говорять: самоубійство. Но развѣ не самоубійство, когда человѣкъ бросается въ воду, чтобы спасти того, кто тонетъ, хотя знаетъ навѣрно, что погибнетъ самъ? А вы считаете вѣдь это святымъ дѣломъ. Вы хвалите тѣхъ, кто полагаютъ „животъ свой на брани“, а развѣ итти на смерть во время войны не значить итти на самоубійство? Скажите же, въ чемъ моя ошибка?“

Мнѣ тяжело слушать; тяжело и жаль его, умирающаго. Но пусть скажетъ онъ все, что хочетъ сказать.

„— Почему, спасая чужую душу, — говоритъ онъ, — можно итти на смерть, а спасая свою, нельзя? Но моя душа такъ же цѣнна для Бога,

какъ и чужая. Я тоже ради святой идеи сдѣлать это: чтобы не осквернить убійствомъ своей души и чтобы сохранить жизнь тѣмъ, кого могъ убить на войнѣ“.

Онъ останавливается и долго глядитъ на меня. Я молчу. И вдругъ беретъ мою руку въ свою; что-то новое приливаетъ къ глазамъ его: они освѣтились добротой, умилениемъ; слезы заблестѣли въ нихъ. „— Впрочемъ, что мы знаемъ, что мы знаемъ?“ Онъ сталъ креститься и, крестясь, съ разстановкой говорилъ: „— Господи, прости, если я нарушилъ Твою волю. Не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ“.

Трепещутъ матери, отцы, сестры, братья—ожиданіемъ: радости или горя? смерти или жизни?

Слышишь тревожныя, наивныя вопросы: „Батюшка, читали: флотъ видѣли около Индіи. Какъ вы думаете: гдѣ встрѣтятъ непріятели? А можетъ-быть пройдутъ какъ-нибудь незамѣтно, ночью. Вѣдь должны же они беречь корабли?“

Пришли и прошли дни, когда услышали и не повѣрили, потомъ повѣрили тяжелому несчастью. Была потрясена страна. Но все ждуть, надеются и молятся люди. Раньше молились о томъ, что должно быть, о томъ, что не могло быть иначе; теперь молятся о чудѣ. „Вѣдь бываютъ же исключительные, необычайно-счастливые случаи?“ И хотя страна въ великомъ горѣ, но отцы, матери и сестры почувствуютъ великую радость, если узнаютъ, что живы ихъ сыновья и братья. Торопились дни, толкали другъ

друга. Каждый день приносилъ съ собою свое. И у новыхъ дней не было памяти о томъ, что было вчера.

И новые люди пришли. Впрочемъ, можетъ-быть, люди были тѣ же, только флаги были другіе?

И опять ходили по городу громадной, радостно-возбужденной толпой, одушевленно пѣли, говорили рѣчи. Казалось, что-то необычайное нарастаетъ: рождаются новыя чувства, другая нравственность, иная, небывалая прежде, жизнь. Кому-то грозили, чему-то новому страстно вѣрили. Богъ, казалось, ожилъ, сталъ близокъ. Но не былъ это прежній Богъ—тихий и примиряющій. вмѣсто него поднимался иной—торжествующій и мстительный. Воскресалъ онъ на площадяхъ и улицахъ, подъ звуки грозящихъ пѣсень. И съ площадей и улицъ шель къ храму. Это люди вели его къ старому Богу, въ старое, привычное, святое мѣсто. Они не замѣтили, что это былъ другой богъ; не замѣчали, что въ древнія, вѣковѣчныя слова они вкладываютъ иное, случайное содержаніе. „Блаженны алчущіе и жаждущіе правды“. Вчера это были алчущіе „вѣчной жизни“, „благодатнаго оправданія“, сегодня—„повышенной заработной платы“, „восьмичасового рабочаго дня“. „Блаженны милостивые“. Вчера „милость“ требовала ласковыхъ словъ, растроганнаго настроенія, умиленныхъ слезъ, кроткихъ и тихихъ дѣлъ, сегодня словъ жесткихъ и требовательныхъ, дѣлъ суровыхъ и шумныхъ.

Казалось, немного усилий — и будет осуществлена какая-то особая, бурная, сверкающая правда.

Откуда она появилась, кто вдруг так высоко поднял ее, так ярко все мы ее показали?

Дѣлъ было видно мало, люди рѣдко были видны; были слышны слова. Громкія, зажигающія, бравшія въ плѣвъ человѣческія души.

Слова были выше людей и ихъ дѣлъ. Не были люди столь увѣрены въ своемъ дѣлѣ, какъ были увѣрены ихъ слова; не были смѣлы, какъ были смѣлы слова; главное же: слова были нерѣдко правдивы и святы, дѣла же часто жестоки и злы.

Но скоро смолкли слова; и какъ только они умерли, вдруг умерла смѣлость и увѣренность не осталось дѣлъ, и ушли люди.

И опять въ церковь приходило одинокое, острое, безудержное горе.

Хоронили убитаго городского. Хоронили торжественно, играла музыка, шло много солдатъ. А жена его пѣла свои причитанья. И минутами рѣзко прорывался сквозь мелодію величавой музыки ея заунывный напѣвъ. Родился онъ среди далекихъ болотъ и осиновыхъ перелѣсковъ и такъ не шелъ къ красивому, блестящему югу. Горе несла она въ себѣ, его только видѣла, о немъ спрашивала: „а и за что тебя злые люди погубили?“

Умрутъ звуки музыки, солдатъ уведутъ, разойдутся люди. Одна останется она съ дѣтьми.

И когда люди забудутъ о ея мужѣ и перестанутъ слушать рассказы о его смерти, она все еще будетъ спрашивать въ церкви Бога: за что?

„— Васъ зовутъ“. Оглядываюсь и иду. Знаю: Иванъ Петровичъ человѣкъ пріятливый и веселый и будетъ улыбаться мнѣ въ отвѣтъ. Но печальны сегодня его глаза, безнадежность свѣтится въ нихъ, и не сдвинетъ его печали моя улыбка.

„— Что съ вами, Иванъ Петровичъ?“

„— Прощу отслужить панихиду по сынѣ.“

Онъ не мигая смотритъ на меня и блѣднѣетъ. Блѣднѣю и я. Смотримъ другъ на друга, и я слышу его тихо и торопливо сказанное слово: „казнили“. Вздрагиваю, минуту стою неподвижно, потомъ молча иду въ алтарь.

Служу панихиду, языкъ какъ чужой; незнакомыми кажутся слова такіа привычныя; и звуки голоса падаютъ въ пустоту. И пока говорю молитвы, мысли, не горяча и не волнуя, какъ мертвыя, идутъ въ душѣ медленно. „Онъ пережилъ ужасную ночь приговореннаго къ смерти. Ему безчестными казались люди, что они могутъ жить и спать, когда рядомъ онъ тоскуетъ нестерпимо. Безобразнымъ казался прекрасный мѣсяцъ, тихо свѣтившій въ глубокомъ просторѣ неба, и жестокииъ Богъ, ихъ сотворившій. Молчалъ Богъ, не слышали люди. И отъ ужаса, который наполнялъ его, стѣны его комнаты были странно живы и безстыдно-злы: онъ не раздвигались отъ муки его, до конца держали его, до конца“.

Пришла ко мнѣ добрая и скромная дѣвушка. Лицо улыбается, но глаза плачутъ.

„— Пришла васъ провѣдать“.

„— Спасибо“. Пили чай, бесѣдовали о томъ, какіе теплые и хорошіе установились дни.

Спрашиваетъ: „— Это ваша дѣвочка мнѣ встрѣтилась?“

„— Моя“.

„— Какая большая“. Помолчали. „Батюшка!“ Голосъ дрожить. „Скажите, можно убивать людей или нѣтъ?“

„— Нельзя“.

„— А если человѣкъ дѣлаетъ много зла и очень мѣшаетъ добру?“

„— А ему вдругъ покажется, что вы дѣлаете много зла и очень мѣшаете добру? Нѣтъ ужъ, боритесь со зломъ добромъ. Всѣ пришли въ міръ по Божіей волѣ“.

Замолчала. Встала, походила по комнатѣ, посмотрѣла въ окно, сѣла и заплакала.

„— Слушайте, у васъ какое-то горе?“

„— Нѣтъ, какое горе...“ Отняла отъ лица руки. Стало видно: плачетъ лицо, глаза черезъ силу, сквозь слезы, улыбаются. Повторяетъ настойчиво: — какое особенное горе? Теперь у всякаго горе.

Витерла глаза. „— Сколько у васъ цвѣтовъ. Давно здѣсь поселились?“

„— Давно“.

„— Какъ хорошо. Батюшка! — Голосъ опять дрожить: — Нельзя нарушать данное слово?“

„— Всегда надо поступать по совѣсти“.

Поговорили еще. Встала, простилась; крѣпко пожала на прощаніе руку. И опять плачутъ глаза, и ужъ куда-то далеко ушла мысль ея. „Прощайте“. Были незачительны и узки мои слова. Сердце, какъ всегда, было опутано тиной вседневной суеты, и я не понялъ, что въ душѣ той, которая говорила со мной, была тяжелая мука.

Приходила потомъ эта дѣвушка въ церковь, стояла на колѣняхъ въ темномъ углу. Потомъ куда-то уѣхала.

И скоро стало слышно: по неизвѣстной причинѣ она застрѣлилась въ одномъ далекомъ городѣ.

И опять новые дни пришли и съ ними люди новые. Или, быть-можетъ, опять это тѣ же люди были? Ходили толпой по городу, пѣли возбужденно, говорили горячія рѣчи. Носили „знамена“; поставили ихъ въ церкви; утверждали, что „только того Богъ послушаетъ“, кто чтитъ знамена.

Стоитъ храмъ. Опять задвигались въ немъ тихія тѣни и робкіе лучи жизни. Забудутся знамена, какъ забылись воинственные рѣчи, какъ забылись красные флаги. Забудутся болящія, пропавшіе безъ вѣсти, убивавшіе и казнимые. Но останутся жизнь и смерть. Придутъ другіе люди. И другіе люди будутъ ихъ крестить, вѣн-

чать, хоронить. Будемъ вѣрить: они лучше, чѣмъ мы, сумѣютъ воспитать дѣтство, поддержать бодрость и радость въ юности, помогутъ мужеству дѣлать святое дѣло жизни. Пусть придутъ они.

Въ мертвецкой.

Мертвецкая въ самомъ концѣ больничнаго двора. Узкая тропинка къ ней идетъ среди зеленой травы; около, на деревѣ, возятся воробьи и на протянутыхъ веревкахъ всегда сушится бѣлье.

Въ мертвецкой пахнетъ покойниками и отъ гробовъ свѣжимъ деревомъ.

Больница большая и священника часто зовутъ сюда.

Я бываю въ мертвецкой утромъ, когда солнце веселымъ лучемъ глядитъ въ окно и сверкаетъ на засмоленныхъ гробахъ, которые лежатъ въ углу. Бываю вечеромъ, когда тѣни ходятъ по мертвымъ и, двигаясь, странно оживляютъ ихъ лица.

Когда закроешь глаза, представляется безконечные ряды гробовъ; въ нихъ лежатъ длинныя, вытянувшіяся фигуры, все въ новыхъ шумящихъ, коленкоровыхъ рубахахъ.

Угрюмыя и суровыя лица. Вотъ вытянулся длинный человекъ; видно, что онъ былъ сидень и крѣпокъ. Русые волосы прилипли къ высокому лбу. Кровь выступила

даже на простынѣ, которой онъ прикрытъ. Его нашли на полотнѣ желѣзной дороги; поѣздъ разрѣзалъ его пополамъ.

Какой ужасъ гнать его? Въ чьемъ сердцѣ есть о немъ память? Плачетъ ли о немъ кто, молится ли, ждетъ ли его?—Никто не скажетъ.

Много ихъ—незнаемыхъ никѣмъ.

Старикъ-нищій. Онъ и самъ не умѣлъ ничего о себѣ рассказать: его жизнь была такъ долга, что съ этого края, до котораго онъ дошелъ, ея начало совсѣмъ не было видно. Откуда-то пришелъ въ нашъ городъ; въ морозные дни, коченѣя отъ холода, стоялъ на церковной паперти; гдѣ-то жилъ.

Разъ, утромъ, его нашли подъ заборомъ; и ужъ, потомъ, въ больницѣ, съ усиліемъ вынимали, изъ замерзшихъ рукъ палку и корзину, съ которыми онъ никогда на разставался.

„Придите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему“...

Увы! никто не придетъ, и никто не придетъ. Одиноко и безслѣдно, безслѣдно уходитъ человекъ.

Только Тебѣ они вѣдомы, Господи; видна Тебѣ дорога жизни ихъ и вся скорбь ихъ души. Ты знаешь ихъ имя и то, откуда и куда они шли. Упокой же ихъ „въ нестарѣющемъ свѣтѣ Твоемъ“.

А тамъ женщины.

Вотъ грустная и недолгая исторія одной.

Маленькая женщина и въ гробѣ вся съжи-

лась, лежитъ какъ-то бокомъ, какъ будто и послѣ смѣрти хотеть быть незамѣтной. Она стала себя помнить и росла въ пріютѣ. Потому служила прислугой. Кротка она была; и поздно вечеромъ, послѣ работы, уходила въ садъ и одиноко пѣла тамъ грустныя и хорошія пѣсни. И еще была странность въ ея жизни: какой-то дядя, о которомъ она ничего не знала, иногда присылалъ ей немного денегъ.

Такъ жила она въ трудѣ; и, можетъ, была счастлива по-своему.

И вдругъ ей сказали, что жива ея мать; что, стыдяся грѣха, она бросила въ пріютъ дочь, потому что вышла счастливо замужъ, имѣетъ дѣтей и живетъ безгорестна и не бѣдна.

Придавила дѣвушку вѣсть; какъ безумная она стала. Не могла вынести, что мать бросила ее одинокой въ холодный, холодный, безжалостный міръ.

Отравилась бѣдная.

Замолкли въ саду тихія и грустныя пѣсни. Безъ нея въ немъ колеблются листья на деревьяхъ. И если радостный кто придетъ туда, подумаетъ, что о счастья говоритъ садъ.

„Видяще предлежаща мертва, образъ воспримемъ вси конечнаго часа: сей бо отходить яко дымъ отъ земли, яко цвѣтъ отцвѣте, яко трава посычеса, вретичемъ повиваемъ, землею покрываемъ“...

Дальше—двѣ блудницы, но какъ не похожи онѣ на тѣхъ блудницъ, о которыхъ пишутъ въ книгахъ.

Одна жила на самомъ краю города, въ убогой лачугѣ; у нея было трое дѣтей. Мужъ потерялся въ Одессѣ, а она стала блудницей и часто служила молебны.

Все вымоетъ и вычиститъ. Старуху-мать усадитъ на подушки въ бѣлыхъ наволокахъ, дѣтей одѣнетъ въ чистыя платья и позоветъ сосѣдокъ. А во время молебна усиленно хлопочетъ около матери, ходить важно, говорить намѣренно благородными словами и изрѣдка сверкаетъ глазами на сосѣдокъ. И какое-то гордое и безумное выраженіе мелькаетъ въ ея взглядѣ. И умирала она отъ злой чахотки, съ сердцемъ надорваннымъ и страшно взволнованнымъ, съ гордыми словами: умираю, людямъ прощаю, дѣтей оставляю на Бога.

А тамъ другая. Эта пришла къ священнику робко, говорила тихо. Всего стыдилась и жаловалась: иду по улицѣ и боюсь; кажется мнѣ, что всякій знаетъ, кто я, и приобѣтъ меня. Священникъ утѣшалъ ее, какъ могъ; говорилъ о Христѣ, простившемъ грѣшницу, о томъ, что Господь жалѣетъ душу обиженную. Слушала она съ напряженнымъ и жаднымъ вниманіемъ.

— Знаю и вѣрю, что Господь, по благости, можетъ простить, но тяжело, что не могу перейти къ Нему въ чистой и свѣтлой одеждѣ. — И была въ ея глазахъ тяжелая скорбь. Потомъ она поступила служить въ женское училище и очень хвалила учившихся дѣвушекъ, ихъ чистую и радостную жизнь. А глаза у нея дѣла-

лись все больше, и она стала вся хрупкая и тихая.

И эта ушла. Воже мой, какъ ихъ много! Вотъ мальчикъ, трижды несчастный мальчикъ.

Какъ столбикъ стоитъ онъ, тоненькій и жалкій, крѣпко держится за платье няни. Родивъ его, мать умерла три года назадъ. Теперь хоронятъ отца. И одна защита осталась у мальчика—старая няня. Глуха стала старая няня, идетъ къ старостѣ покупать свѣчу и не слышитъ, что бѣжитъ за нею мальчикъ и плачетъ и, споткнувшись, падаетъ на полъ.

— Головка у него болить, объясняетъ старушка. Все головка болить. Упадетъ мальчикъ на полъ и плачетъ, и стучитъ о полъ головкой. — У! какъ жизнь, какъ люди злы къ бѣдному мальчику!

У него былъ туберкулезъ мозга. И когда вышелъ развѣ большой мальчикъ гулять въ садъ, вдругъ пролетѣлъ изъ-за ограды большой колъ и ударилъ ему въ голову. Упалъ мальчикъ и три дня не приходилъ въ себя.

— Поймали, говоритъ няня, одного парня. „Я, говоритъ, не въ него хотѣлъ, а въ мужика; думалъ колъ выше пролетитъ“. — Ямка теперь въ головѣ у мальчика осталась, вотъ посмотрите, два пальца туда входитъ.

Еще больше стала болѣть головка у мальчика, и чаще онъ падалъ на полъ.

И умеръ бѣдный.

Смерть, смерть! Последний и страшный врагъ человека! Такъ много стало зла на землѣ, что уже иногда благословляетъ тебя человекъ.

За стѣной больничной ограды шумитъ жизнь; не ясное, но живое, столь чуждое молчанію мертвецкой, громадно движется тамъ.

Кто сейчасъ, въ отчаяннѣ, тамъ борется съ жизнью? Кто-то изнемогаетъ въ борьбѣ и, еще живой сегодня, завтра будетъ лежать здѣсь угрюмо и тихо. И только по искривленному отъ боли лицу буду догадываться, какъ онъ одиноко и тяжело страдаетъ. „О чудесе! поетъ возлѣ меня псаломщикъ. Что сіе, еже о насъ бысть, таинство? Како предахомся тлѣннѣ?... Воистину Бога поведѣнемъ“...

Кажется, что мертвецы спѣшаютъ, что они топянутся унести какую-то тайну, угрюмо оберегая ее отъ земли.

Сквозь кадилный дымъ священникъ вглядывается въ лица мертвыхъ. Это онъ—последній изъ людей, кому они отдають жалобы на жизнь, уходя изъ нея. Онъ предаетъ ихъ души Богу и говоритъ Ему: Господи! прими къ Себѣ ихъ несчастна души. О, дай имъ хоть тамъ познать радость жизни, на которую Ты создалъ человека.

Тихо, тихо въ мертвецкой.
Что-то—въ небѣ—предъ лицомъ Бога—они видать теперь?

О печали Христа.

(В. В. Розановъ: о сладчайшемъ Исусѣ и горькихъ плодахъ міра).

I.

„Христось никогда не смѣялся... Я не помню, улыбался ли Христось. Печать грусти, пепельной грусти—очевидна въ Евангеліи* *).

Вотъ слова, которыя, заключая въ себѣ нѣчто вѣрное, такъ раздвинуты въ слѣдѣ мысли, овладѣвшей душой автора, что несутъ съ собою то, на что Евангеліе права не даетъ. Господь былъ печаленъ, но въ Евангеліи нѣтъ основаній утверждать, будто Христось никогда не смѣялся; оно не даетъ права спрашивать: улыбался ли Онъ? съ явнымъ наклономъ считать справедливымъ отрицательный отвѣтъ на вопросъ.

*) Это и другія мѣста, приводимыя въ статьѣ, гдѣ необозначенъ источникъ, взяты главнымъ образомъ изъ указаннаго въ заглавіи доклада В. В. Розанова въ Петербургскомъ Религіозно-Философскомъ обществѣ, помѣщеннаго въ январской книгѣ „Русской Мысли“ за 1908 годъ и перепечатано въ книгѣ В. В. Розанова „Темный Ликъ“. (Петербургъ. 1911).

Въ самомъ дѣлѣ, почему думать, что когда Господь смотрѣлъ на дѣтей, которыхъ приводили и приносили къ Нему матери, почему думать, что Онъ не улыбался въ отвѣтъ улыбкама дѣтей. Или дѣти, которыхъ приносили къ Нему, были дѣти безъ улыбокъ? И развѣ пошли бы дѣти, понесли бы дѣтей матери къ Тому, Кто былъ всегда скорбенъ и никогда не улыбался?

И когда Онъ исцѣлялъ больныхъ, воскрешалъ, оживлялъ человѣческія души, ужели эти люди не радовались, эти души не чувствовали восторга? А если радовались и чувствовали, то Онъ—виновникъ ихъ радости—ужели не улыбался имъ въ отвѣтъ, не раздѣлялъ радости ихъ?

Вотъ, думаю, начальнику мытарей Закхею Господь непремѣнно улыбался. Закхей такъ хотѣлъ видѣть Господа, что низкій ростомъ „взлѣзъ на смоковницу“; не боясь, что этимъ можетъ уронить свое положеніе „богатаго“ человека. И когда Господь увидѣлъ его и обратился къ нему; и когда Закхей „поспѣшно сошелъ и принялъ его съ радостью“ у себя; когда онъ отрѣшился отъ сребролюбія, разомъ снялъ съ себя тяготу зла, которое надѣлалъ въ жизни, отбросилъ то, чему служилъ, и воскликнулъ: „Господи! половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ, и если кого чѣмъ обидѣлъ, воздамъ вчетверо“ (Луки XIX, 1—10);—я думаю, глаза Закхея были тогда не печальны, а свѣтились восторгомъ и счастьемъ; навѣрно онъ и плакалъ

и смѣялся отъ радости въ эти минуты. И ужели Тотъ, Кто вызвалъ эту радость въ немъ, Кто пробудилъ эту душу, искалъ ее пробудить, ужели—вызвалъ радость, Онъ Самъ остался печаленъ, охладилъ ее этимъ взглядомъ печали и скорби? Но, вѣдь, если это было такъ, то это было бы чрезвычайно замѣтно для всѣхъ, чрезвычайно характерно для Него: Тотъ, Кто никогда не смѣется; не избѣгаетъ радостныхъ, но въ кругу ихъ остается неизмѣнно печаленъ; даже больше: радуется—ибо о томъ, что Господь радовался, Евангеліе говоритъ (Луки X, 21)—но радуется безъ улыбки. И я думаю, евангелисты отмѣтили бы это и записали въ Евангеліи: Господь былъ всегда печаленъ, Онъ никогда не улыбался; когда люди, которымъ онъ дѣлалъ добро, возвращалъ здоровье, давалъ жизнь, дѣлалъ яснымъ смыслъ жизни,—когда люди радовались и смотрѣли на Него съ восторгомъ и счастьемъ, Его глаза съ неизмѣнной печалью глядѣли на нихъ.

Впрочемъ, относительно этихъ разсужденій можно и, быть можетъ, слѣдуетъ сказать: это спорная область, одному дѣло представляется такъ, другому—иначе.

Пусть такъ. Но вотъ въ Евангеліи есть неоспоримыя свидѣтельства, что Господь не разъ говорилъ относительно человѣческой радости, о самыхъ обычныхъ, земныхъ, человѣческихъ удовольствіяхъ; и говорилъ не тономъ отрицанія ихъ или пренебреженія къ нимъ, но признавая

за ними ихъ полную естественность и законность. Въ XV главѣ Евангелія отъ Луки помѣщены притчи Господа о томъ, что Богъ съ великою радостью принимаетъ кающихся грѣшниковъ. Съ сочувствіемъ говорить здѣсь Господь о радости на землѣ, простомъ, незатѣйливомъ весельи, чисто земномъ и по причинамъ, и по характеру празднованія.

Вотъ человѣкъ, нашедшій потерявшуюся овцу, „пришедъ домой, созоветъ друзей и сосѣдей и скажетъ имъ: порадуйтесь со мною, я нашелъ мою пропавшую овцу“. Вотъ женщина, нашедшая потерянную драхму, „созоветъ подругъ и сосѣдокъ и скажетъ: порадуйтесь со мною, я нашла потерянную драхму“. Но какъ порадуйтесь? Какъ-нибудь духовно, особенной, схематической, небесной радостью? О, нѣтъ, самой обычной, самой земной. Слѣдующая притча, помѣщенная въ той же главѣ, говорящая о томъ же предметѣ, есть притча о блудномъ сынѣ. Отецъ, встрѣтивъ возвратившагося сына, сказалъ рабамъ своимъ: „принесите лучшую одежду и одѣньте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленнаго теленка и заколите: станемъ ѣсть и веселиться.. и начали веселиться“. И когда старшій братъ подходилъ къ отчому дому, онъ услышалъ тамъ „дѣніе и ликованіе“, которыми сопровождался этотъ, несомнѣнно, одобряемый Господомъ, земной праздникъ радости.

Трудно тоже увидать изъ Евангелія, будто

Господь отрицалъ человѣческое искусство, музыку, поэзію, прекрасную картину.

„Учитель! посмотри, какіе камни и какія зданія!“! сказалъ Ему одинъ изъ учениковъ Его (Мар. XIII, 1). Говорили и другіе и показывали Ему „зданія храма“ (Мѣ. XXIV, 1); и, конечно, показывали съ восторгомъ отъ красоты его, съ гордымъ сознаніемъ того, что было создано талантами родныхъ имъ людей. И Господь, плакавшій о разрушеніи города и храма (Луки XIX, 41—44),—развѣ Онъ отрицалъ искусство? Почему нельзя думать, что Онъ тоже съ нѣжнымъ и признательнымъ чувствомъ, съ восторгомъ смотрѣлъ на эти зданія, быть можетъ не разъ любуясь ихъ красотой.

Господь принялъ приношеніе муро отъ жены и сурово остановилъ того, кто порицалъ приношеніе; апостолъ же назвалъ запрещавшаго Іудой. Муромъ было бесполезно, какъ статуя, какъ картина, и „можно было бы продать это муро за большую цѣну и дать нищимъ“ (Мѣ. XXVI, 1), какъ предлагалъ Іуда, какъ предлагали другіе. Но Господь принялъ его, ибо было оно показателемъ перваго трепетнаго дрожанія тѣхъ струвъ человѣческой души, которыя дали впоследствии то, что создается человѣческимъ вдохновеніемъ въ наиболѣе свѣтлыя минуты его, что такъ притягательно для усталаго сердца человѣка, такъ цѣнится имъ, даетъ ему такую чистую и высокую, такую ясную радость. Это муро, эти благовонныя масла и ароматы, съ ко-

торами мгноносицы спѣшили раннимъ утромъ на могилу Погребеннаго, они вынесены отъ тѣхъ чувствъ, которыя породили столько чудесныхъ картинъ, столько великолѣпныхъ зданій, цѣлое море прекрасныхъ звуковъ музыки.

Но музыка, но картина, но зданіе—посвященныя Господу? Въ этомъ случаѣ—да, посвященная Господу. Онъ былъ признанъ высшей красотой, какую знаетъ міръ; и невольно тянется къ Нему многое изъ того, что есть высокаго и благороднаго въ мірѣ.

Но „игра, шалость, улыбка, грація?“ Онъ бымы, несомнѣнно, восприняты въ это движеніе ко Христу, входили въ эти созданія, какъ входили въ душевное содержаніе ихъ творцовъ. Они шли сюда, какъ идетъ малое къ великому; украшали ихъ, какъ украшаютъ цвѣты и зеленыя вѣтки алтарь въ Троицынъ день.

Но выйдя изъ сферы религіознаго, назовите радость вдохновенія иного, нерелигіознаго порядка; и выйдя изъ сферы искусства, назовите какую угодно чистую радость земли, пусть это будетъ простая веселость, радость земного праздника, или счастье семьи, дружбы, земной любви,—и поставьте ихъ предъ лицомъ Христа,—развѣ Онъ осудитъ ее, развѣ осуждаетъ?

Я не говорю о томъ, какъ „книжники и фарисеи роптали и говорили ученикамъ Его: зачѣмъ вы ѣдите и пьете съ мытарями и грѣшниками?“ (Луки V, 30); не напоминаю о бракѣ въ Канѣ; не говорю объ укоризненныхъ словахъ

Господа: „пришелъ Сынъ Человѣческій: ѣсть и пить; и говорите: вотъ человѣкъ, который любить ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ“ (Лк. VII, 34);—не говорю объ этомъ, но какъ не сказать, какъ не видѣтъ, что образъ Господа перешелъ въ вѣка, какъ образъ Того, Кто былъ благъ и любовенъ ко всему на землѣ, что только искренно, что благородно, что честно, все равно—печально это будетъ или радостно.

„Будьте, какъ дѣти“—незлюбимъ ли только, правдивостью, забвеніемъ обидъ своихъ? Одною ли чистотою сердца своего будьте, какъ дѣти? Почему и не радостью, счастьемъ, весельемъ? Они такъ понятны, такъ естественно исходятъ отъ святаго и чистаго сердца, такъ неотдѣлимы отъ него.

Радость, смѣхъ, улыбка живутъ въ душѣ человѣка; отнимите ихъ отъ творцовъ великихъ, даже религіозныхъ созданій искусства, и поблѣднѣютъ краски ихъ, будутъ безрадостны звуки; уже къ свѣтлой, ясной, доброй жизни не поведутъ они.

И навѣрно смѣялся Господь; и ужъ, конечно, улыбался.

Улыбался той радости земли, которая заслуживала Его сочувственной улыбки. Ибо есть земная радость, которой не улыбается, но отъ которой отвернется съ негодованіемъ и обычный, не особенно чуткій, человѣкъ; чуткій же будетъ печаленъ надолго.

Все доброе въ міръ Господь благословилъ. Отрицалъ ли любовь къ землѣ, былъ ли враждебенъ дружбѣ, гналъ ли смѣхъ и веселье? Христосъ обличалъ ли веселыхъ и радостныхъ? Нѣтъ; но лишь злыхъ и жестокихъ. Хвалили ли печальныхъ и скорбныхъ? Нѣтъ; но чистыхъ сердцемъ и милостивыхъ. Но плачущихъ о грѣхахъ? Да, хвалилъ; но плачущихъ о грѣхахъ, объ обидахъ, нанесенныхъ ближнему, о горѣ, о страданіи, которыя причинены имъ и себѣ. И общалъ имъ: тѣмъ утѣшатея. Ихъ грѣхи будутъ прощены: зло, ими сдѣланное, уничтожится, прекратится страданіе, изгладятся самыя слѣды его.

И никакая шалость, никакая улыбка, никакая грація не отрицается Христомъ, если они не жестоки, не злы, но чисты и святы; если они не крадутъ у другого счастья и радости. Его образъ перешелъ въ вѣка, какъ образъ Того, Кто былъ бережно терпимъ, у Кого учимся быть безконечно жалостливы, безконечно любовны ко всякому дыханію Божію,—а авторъ статьи хочеть насъ увѣрить, будто Господь есть врагъ жизни, врагъ человѣка, врагъ радости его.

Поистинѣ, до самаго послѣдняго времени „лежить Сей.. въ предметъ пререканій“, какъ сказалъ Его матери Симеонъ (Лк. II, 34). Инквизиція грязнила Его; ошибки государства грѣхи общества ставились Ему въ вину; политическія партіи брали и берутъ Его подъ свое покровительство, или гнали и гонятъ Его, если

Онъ мѣшаетъ ихъ дѣлять; свои и чужіе, и тѣ, что считаютъ себя своими, но хуже чужихъ;— всѣ кладутъ пятна заблужденій и слабости своей на свѣтлый образъ Его.

И вотъ пришелъ человѣкъ, всмотрѣлся въ нестроение жизни, особенно въ жизнь монаховъ,— и нашель, что многое дурно тамъ. И сдѣлалъ то, что много разъ дѣлали до него другіе: приписалъ дурное Христу. То, что нашель худого у дурныхъ монаховъ, онъ это приписалъ Господу. Вглядитесь и увидите, что даже и не „демоническія“ черты придаетъ онъ Господу, хотя говорить о демоническомъ, не черты гордаго и мятежнаго зла; а хитрость плохихъ монаховъ, злое и жестокое лицемѣріе ихъ съ красивыми, соблазняющими словами на устахъ, и съ коварной и низкой злобой на сердцахъ,—словомъ, все то, что было такъ тяжело воспринято авторомъ, противъ чего негодуеть и возмущается его душа, но отъ чего безконечно далека свѣтлый образъ Господа.

Какъ онъ увидѣлъ въ Немъ хитрость и злобу?

Господь былъ въ пути. Тяжелъ и труденъ былъ Его путь. Онъ видѣлъ: то, въ чемъ должна была жить высшая совѣсть народа, сокровищница наиболѣе высокихъ, завѣтныхъ чувствъ его—народная церковь гонить Его. Въ ней не нашлось мѣста для Того, къ Кому благоговѣнно устремлялись мысли лучшіе изъ тѣхъ, что создавали ее, которые только въ надеждѣ на Его приходъ находили силы для служенія

ей. Они „умерли въ вѣрѣ, не получивши обѣтованій, а только издали видѣли оныя и радовались“—(Евр. XI, 13)... Люди не видѣли, что уже отлетѣла душа отъ ихъ вѣры, что уже огрубели они святягя чувства къ родинѣ, и во имя вѣры, во имя родины повели Его на смерть. А Онъ пришелъ дать душу вѣрѣ, поддержать всякое святое чувство.

И печалень Онъ былъ и говорилъ въ бореѣнїи духа: „Отче! о, если бы Ты благоволилъ пронести чашу сію мимо Меня!“ Но любя людей, прибавилъ: „впрочемъ, не Моя воля, но Твоя да будетъ“ (Лк. XXII, 42).

Видѣлъ Господь: вотъ тѣ, которые пошли за Нимъ. Они идутъ по дорогѣ, указанной Имъ, но мало ее понимая, но часто съ нея сходя, затемняя свѣтъ, Имъ принесенный; усталые, съ неяркимъ сердцемъ и тусклой, холодной душой; не радость истины и правды, но печаль и тоску ощущая на сердцѣ. И еще много видѣлъ Господь и говорилъ плакавшимъ о Немъ: „дщери Иерусалимскія! не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ“ (Лк. XXIII, 28).

Какъ онъ увидѣлъ хитрость и злобу въ Томъ, Кто на крестѣ умолялъ: „Отче! прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“ (Лк. XXIII, 34).—Прости имъ, пусть они не страдаютъ.

Господь былъ печалень, но не любилъ печали, съ бореньемъ души, съ тяжелымъ чувствомъ принималъ ее.

Господь былъ печалень, потому-что любилъ радость.

Онъ былъ мужъ скорбей, но Евангеліе радостная книга: она говоритъ о побѣдѣ надъ зломъ, а не о пораженїи добра; о борьбѣ съ печалью во имя счастья и радости людей.

II

Солнцемъ Ветхаго Завѣта былъ Богъ. Онъ освѣщаль поле жизни. На этомъ полѣ были видны и люди.

Они жили своей жизнью; любили и ссорились, негодовали и восхищались; ихъ также, какъ насъ радоваль дождь послѣ засухи и пугали бури и грозы природы; какъ мы, они пѣли грустныя пѣсни и были задумчивы, когда тѣни вечера ложились кругомъ. И сидя у входа въ свои шатры и вематриваясь въ даль, они тихо бесѣдовали съ друзьями о землѣ и дѣлахъ ея; говорили о близкихъ, вспоминали далекихъ и тѣхъ, что ушли отъ земли навсегда. И въ свѣтлыя ночи луны сморгѣли они на высокое небо и искали тамъ Бога.

Все это было у нихъ, какъ у насъ.

Но слова и дѣла тѣхъ людей не были скованы мыслью о ихъ вѣчной цѣнности; для нихъ не горѣлъ въ небѣ яркій огонь личнаго безсмертїя.

Тамъ жилъ только Богъ.

Величаво было зданіе Ветхозавѣтной религіи. Какъ одинъ великій храмъ Богу былъ міръ. Небо было Божїимъ престоломъ; на землю, какъ

на подножіе, ложилась Его тяжелая стопа; Онъ своей силой ставилъ горы, укрощалъ шумъ морей; Онъ шествовалъ на крыльяхъ вѣтра.

Свободно раздавался въ обширномъ храмѣ Божій голосъ. Какъ громъ гремѣли Его повелѣнія. И когда гнѣвными тучами покрывался ликъ Его, тогда сверкала молніями поражающая ослушныхъ Его десница.

Великъ и могучъ былъ Тотъ, Кто наполнялъ этотъ храмъ и ничтоженъ былъ человѣкъ передъ Нимъ.

Высоко надъ человѣкомъ поднимался куполь громаднаго храма. И въ его просторѣ были мало слышны человѣческіе вздохи; человѣческія чувства свѣтились слабымъ, замирающимъ огнемъ, ничтожны были дѣла человѣка. И безпомощны казались взмахи крыльевъ ума его, бесплодны и дерзновенны.

Воля Бога была велика надъ человѣкомъ. Она казалась иногда тяжелой и неприемлемой для несмѣлаго сердца и ума людей, но только она оправдывала жизнь міра и жизнь человѣка. Богъ владѣлъ имъ, какъ владѣлъ небомъ, и моремъ, и вѣтромъ; не отличалъ его отъ самыхъ ничтожныхъ предметовъ міра. „Ревутъ народы, какъ ревутъ сильныя воды; но Онъ погрозилъ имъ, и они далеко побѣжали и были гонимы, какъ прахъ по горамъ отъ вѣтра и пылъ отъ вихря“ (Ис. XVII, 12). Человѣкъ исчезалъ въ Божьемъ величіи, какъ исчезалъ передъ Нимъ весь необъятный міръ. „Господи! что есть че-

ловѣкъ, что Ты знаешь о немъ, и Сынъ Человѣческій, что обращаешь на него вниманіе? Дни человѣка, какъ трава, какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ цвѣтеть. Пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и пѣтъ его, и мѣсто его уже не узнаетъ его“ (Пс. 143, 3). Откуда-то приходилъ человѣкъ, куда-то уходилъ онъ; что жилъ онъ—это дѣло Божіе; и знаетъ Богъ, куда онъ уходитъ. Пришелъ Авраамъ, прожилъ столько-то лѣтъ, и приложился къ отцамъ своимъ. Пришелъ Исаакъ, Іаковъ, прожили опредѣленные имъ годы земного странствованія и ушли, приложившись къ отцамъ своимъ.

Весь смыслъ жизни былъ въ Богѣ. У Него были цѣли, у человѣка не было ихъ; у Него было оправданіе жизни, у человѣка не было его. Въ волѣ Божіей, для него невѣдомой, было единственное его оправданіе.

Говорять, былъ счастливъ и радостенъ тотъ человѣкъ. Но была его радость наивна и жестока; была она непрочна, животна, неразумна.

Человѣкъ боялся думать о себѣ. Былъ онъ мудръ, но мудръ о Богѣ. Мудрости о человѣкѣ онъ боялся. Ибо когда приподнималъ завѣсу мудрости о себѣ, его душа наполнялась скорбью отъ того, что видѣлъ за ней; и онъ закрывалъ ее. „Во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ познанія—умножаетъ скорбь“ (Екк. 1, 18). Онъ чувствовалъ, что тяжела эта мудрость, ибо радость отнимала она, утончала совѣсть, умножала отвѣтственность. Острѣе острого ножа

дѣлалась совѣсть: отрѣзала счастье семьи, дружбы, любви, молодости, здоровья. И немилымъ дѣлалось въ глазахъ человѣка все прекрасное міра.

И о безсмертіи мало размышлялъ ветхозавѣтный человѣкъ, ибо и не было особой нужды въ немъ. Для Бога было безсмертіе, человѣкъ же—кто онъ, чтобы быть безсмертнымъ?

Не цѣнилъ себя ветхозавѣтный человѣкъ, и въ ближнемъ не цѣнилъ себя. Его радость была наивна и жестока, ибо опиралась на то, что мой Богъ меня любитъ, другихъ же не любитъ. Тамъ было мало заботы о ближнемъ; не упорны были мысли о немъ.

Не любовью къ ближнему оправдался Авраамъ. Спокойно умиралъ Авраамъ, и спокойно умиралъ Исаакъ: Богъ ихъ любилъ, и они были Ему послушны. Они не волновались, не думали, что только небольшая кучка членовъ ихъ дома, ихъ чадь и домочадцевъ; была въ сферѣ сочувствія Бога; что весь міръ—кромѣ нихъ—былъ въ язычествѣ,—тамъ, гдѣ по ихъ собственному вѣрованію, были лозь, тьма, холодъ и Божій гнѣвъ. Ихъ не мучило, были богаты или бѣдны, счастливы или несчастливы тѣ, которые были на лѣвой сторонѣ отъ нихъ. Они счастливы—значитъ Богъ обратилъ къ нимъ лицо милости своей; они несчастны—Господь излил на нихъ чашу гнѣва своего; это Его дѣло; человѣкъ не можетъ измѣнить Божий вѣдній.

И не надо было подвига самоотверженія въ

честь ближняго. Тамъ свѣтилось ярко только то, что говорило о Богѣ и что служило къ Его возвышенію.

Авраамъ приносилъ въ жертву Богу своего сына. Это не было дѣло ради ближняго, это не жертва для человѣка, не смерть за ближняго; но другой, но ближній, но сынъ приносится въ жертву. Не цѣненъ ближній, малоцѣненъ любимый единственный сынъ, и малоцѣнна жизнь его; Богъ одинъ и въ Него вѣра имѣетъ цѣну. И этотъ именно подвигъ Авраама такъ часто считается величайшимъ подвигомъ Вѣтхаго Завѣта, и именно Авраамъ считался отцомъ вѣрующихъ, которые жили тамъ. А слова великаго самоотверженія Моисея остались въ тѣни: „... Прости имъ грѣхъ ихъ; а если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги Твоей, въ которую вписалъ“ (Исх. XXXII, 32)—кто вспоминаетъ ихъ? И не разъ Библия говоритъ о гибели тысячъ людей, не окруживъ эту гибель печалью. Иона „опечалился печалію великою“, что Богъ не разрушилъ, какъ хотѣлъ, Ниневію, не погубилъ ея жителей; было же въ Ниневіи болѣе ста двадцати тысячъ младенцевъ, не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой (Ионы, 111).

Но прошли вѣка и человѣкъ сталъ въ себѣ искать оправданіе для своей жизни и для жизни міра. Самъ Богъ указалъ этотъ путь. Богъ сталъ человѣкомъ и этимъ сказалъ ему: ищи въ себѣ, углубись въ себя. И человѣкъ погрузился въ человѣческое. Съ этого времени не

Богъ, но человѣкъ сталъ главнымъ предметомъ, срединнымъ пунктомъ религіи.

Вглядѣвшись въ то, что смотрѣть указалъ ему Богъ, человѣкъ увидалъ въ себѣ громадное содержаніе; нѣкоторыя части его граничили съ безконечнымъ, переходили въ божественное, другія же общили его съ темными глубинами міра земли.

Богъ воспринялъ человѣческое естество. Уже повѣривъ въ это, человѣкъ далъ себѣ большую цѣну, на громадную высоту поставилъ себя. Какое общеніе свѣта со тьмой? И Богъ не приобщился бы человѣку, если бы человѣкъ былъ Ему чуждъ. И человѣкъ могъ заключить: есть во мнѣ нѣчто родное Богу, свое Ему; во мнѣ свѣтитъ свѣтъ, подобный тому, что идетъ отъ Бога, „Во своя прииде“—сказано о Христѣ—къ своимъ Онъ пришелъ, когда сказано, что Онъ къ людямъ пришелъ. Человѣкъ теперь сталъ ближе къ Богу. Не потому ближе, что раньше былъ далеко, но пришелъ нѣкто и двинулъ его по направленію къ Богу; но потому, что онъ пристально взглянулъ на себя и увидалъ себя подобными Богу. „Человѣкъ нашелъ себя въ христіанствѣ“, какъ было сказано, вѣрнѣе—Господь указалъ въ христіанствѣ человѣка.

И какъ прежде въ ослѣпительномъ блескѣ Бога все человѣческое не было видно, теперь оно стало видно для всѣхъ. Ранѣе припизненные, едва слышныя, незамѣтныя мысли, чувства, дѣла человѣка стали громки и цѣнны. Ве-

личественно, но холодно было знаніе о Богѣ; тепломъ согрѣто, кровью окрашено знаніе о человѣкѣ. Просторно и божественно, но пусто было въ ветхозавѣтномъ храмѣ; трепетомъ человѣческаго наполнился храмъ новой вѣры. Со стѣнъ церкви, въ которыхъ послышалось слово Христа, засмотрѣли человѣческія лица, Божія Матерь подняла надъ людьми нѣжныя руки свои; и кровь Человѣка—Онъ же и Богъ—стала главной святыней Новаго Завѣта.

И въ ближнемъ сталъ цѣнить себя человѣкъ. Онъ сталъ думать о ближнемъ, долженъ былъ думать о немъ. Если я родной Богу, то родной Ему и ближній мой; и если прекрасной хочеть быть моя душа, если я считаю, что она достойна быть мудрой, святой, радостной, счастливой, то достойной мудрости и счастья я долженъ считать и душу ближняго.

Евангеліе не знаетъ къ Богу иного пути, какъ черезъ ближняго. Не вѣрой только, какъ Авраамъ, но любовью къ ближнему, сознательнымъ служеніемъ ему, страданіемъ за него, святы великіе люди Новаго Завѣта. Стаданіемъ за ближняго святы Петръ, и Павелъ, и Іоаннъ. И если тамъ не было необходимости умирать человѣку за ближняго, то здѣсь именно смерть явилась основаніемъ жизни; оказались необходимы страданія и смерть самого Бога.

Господь пострадалъ ради людей; и человѣку долженъ служить человѣкъ, за человѣка отвѣтственъ онъ. Эта божественная мысль стала глу-

боко человѣческой. Она на долгое время насытила умы и сердца людей; получила громадное значеніе для міра; опредѣлила путь не только для той или другой христіанской церкви, но для всѣхъ людей.

Человѣкъ никогда не могъ забыть этой мысли. Жили народы и умирали, строились и разрушались государства, увлекались люди всякими дѣлами; не разъ въ грязи влачили эту мысль; но она возраждалась снова, зажигала чистыя, святыя сердца, увлекала наиболѣе благородныя умы, и все идетъ—ни къмъ не умаленная, но все побѣдная.

Она стала центральной мыслью исторіи, и около нея „потонуло“ все, что было вокругъ. Она вышла отъ Христа, но ее приняли и тѣ, кто не принялъ Его; вышла отъ Бога, но ей служатъ и отвергающіе Бога.

И эта мысль о ближнемъ, служеніе ему, мощь ему,—только они могутъ смягчить ядъ обвиняющей совѣсти, сдѣлать болѣе прочною радость земли, дать человѣку счастье.

Никакое личное благородство, умъ, добродѣтель, не въ силахъ уничтожить отвѣтственности за человѣка. Увидитъ Богъ мою высокую, чистую, полную благороднаго содержанія душу, но увидитъ и другихъ: узка и жестока ихъ мысль, ихъ чувства грязны и грубы. И Богъ скажетъ: имъ, какъ тебѣ, дана Моя душа, и они тоже могли понять любовь, радость и счастье. Отчего же случилось, что на тебя міръ глядѣлъ

очаи мудрости, разума, красоты, и сдѣлалъ тебя прекрасной; и отчего на другихъ онъ смотрѣлъ очами злобы, нищеты, голода, униженія, зависти? Отчего онъ несъ тебѣ счастье и умиленіе, далъ всѣ „восторги знанія и любви“, цвѣтами осыпалъ путь твой, улыбками дарилъ тебя;—а имъ несъ горе, скорби и неисконную нужду? И спроситъ Богъ: твоя благородная душа не застилала ли отъ глазъ несчастныхъ для всѣхъ созданные, всѣмъ „благорастворенные“ дары міра? Онъ взглянетъ очами любви и жалости ко мнѣ, но жалости и къ нимъ, ко мнѣ справедливости, но одинаковой къ страдающимъ людямъ. И навѣрно, на мою душу лягутъ отъ нихъ темныя пятна.

Любовь къ ближнему, основывающаяся на сознанномъ высокомъ достоинствѣ человѣка, поставлена въ христіанствѣ на самой послѣдней ступени высоты. Она больше субботы, больше закона. И лишь съ точки зрѣнія любви къ человѣку слѣдуетъ оцѣнивать всякое явленіе въ жизни христіанства. Отсюда должно оцѣниваться и все то, что есть въ аскетизмѣ; онъ какъ все другое не можетъ, не долженъ уходить съ этого поля, гдѣ такъ свѣтло, такъ ясно все. Ничто другое, какъ солнце любви должно освѣщать его части, только ея свѣтъ дастъ увидѣть, что въ немъ добро и что зло.

Что идетъ изъ любви къ человѣку, что даетъ любовь, что служить любви,—это въ немъ, какъ вездѣ и во всемъ, разумно, высоко, со-

гласно со словом Христа; что противно любви, то противно Христу, не нужно людямъ, не строить Божіе дѣло. Отсюда дѣлаются ясными и тѣ малыя вещи, которыя авторъ тѣсно связываетъ съ центральной мыслью своею, но которыя не слѣдуетъ связывать съ нею.

„Имъ (авторъ говоритъ о монахахъ) вовсе не грѣшныя удовольствія запрещены, имъ запрещено удовольствіе, какъ таковое. Все не грустное—имъ непозволительно. Вино, чай, большія рыбы, варенье, хорошая квартира и мебель—собственно прокрались къ нимъ контрабандой“.

Справедливо, что „контрабандой“, но гдѣ причины ея? Не въ отрицаніи міра, не въ томъ, что христіанину, будто, запрещено удовольствіе, какъ таковое, но въ любви къ человѣку.

Христіанину именно запрещено только грѣшное удовольствіе. „Есть герои спасенія, есть великіе въ христіанствѣ“... Отсюда и надо идти, здѣсь нужно искать причинъ „контрабанды“ варенья. Великими въ христіанствѣ хотятъ быть тѣ, о комъ говорить здѣсь авторъ; они принимаютъ на себя обѣты геройства. Въ своемъ лицѣ они хотятъ являть лицо Христа на землѣ. Каждый изъ нихъ говоритъ: вотъ я цѣлью жизни моей ставлю быть подобнымъ Ему; буду подражать Ему въ стремительномъ сѣяніи и дѣланіи добра; пронесу, какъ Онъ, ученіе любви не колеблясь; пребуду въ тяжкомъ служеніи, быть можетъ, до жертвы жизнью. Они принимаютъ эти обѣты открыто, не скрываясь, всена-

родно. Ихъ черный клобукъ, ихъ ряса каждый день и часъ напоминаютъ объ этомъ. Вотъ почему людямъ кажется неудобнымъ, неловкимъ, когда монахи ѣдятъ большую рыбу, хотя въ шелковомъ, имѣютъ хорошую мебель. Христось ходилъ ли въ шелковомъ, ѣздилъ ли въ каретахъ? Христось жилъ ли во дворцѣ? Вотъ почему чуткій совѣстью монахъ, хотя ѣсть большую рыбу, но помня, что кругомъ много голодныхъ людей, чувствуетъ, какъ почувствовалъ авторъ статьи, что большая рыба для него „контрабанда“.

Скажемъ такъ: кажется неудобнымъ, что монахъ ѣсть большую рыбу, что монахъ пить чай съ вареньемъ, но будетъ ли неудобнымъ, если онъ посвятить жизнь на то, чтобы другіе люди—бѣдные, нищіе—пили чай съ вареньемъ, то есть стали бы не бѣдны? Такого монаха мы признали бы за святого. „Это позволено; но никто не прибавитъ: это полезно, а въ этой-то прибавкѣ все и дѣло“... Но если „это“ дѣлается для другого, для ближняго, во имя любви къ нему, то христіанинъ смѣло прибавитъ: это полезно; прибавитъ и почувствуетъ сердцемъ, что сказалъ согласно со словомъ Христа. Епископъ не долженъ влюбляться—это такъ; но если епископъ поможетъ хорошимъ, чистымъ, влюбленнымъ людямъ устроить ихъ совмѣстную жизнь,—опять сердце говоритъ намъ: это позволено, и убѣжденно добавитъ: и это полезно. И сердце будетъ согласно съ тѣмъ, что проповѣдуетъ

церковь. Мы такъ часто напр. читаемъ въ нашихъ храмахъ акаѳистъ святителю Николаю, прославляя его за то, что онъ тайкомъ, ночью, бросалъ въ окно бѣдному человѣку кошельки съ золотомъ, устрояя бракъ его бѣдныхъ безпряданницъ дочерей.

Много грусти въ человѣкѣ отъ своихъ и чужихъ страданій, и тотъ, кто смотреть глубоко, кто умѣетъ видѣть многое, проходитъ мимо удовольствій, равнодушный къ нимъ, сосредоточенный въ думѣ своей. Христосъ былъ печаленъ, но не въ Новомъ, а въ Вѣтхомъ Заветѣ, мы слышали: „сѣтованіе лучше смѣха (Ек. VII, 3). Часто ли смѣялся Моисей? Смѣялись ли тѣ, которые какъ Павелъ, ради любви къ человѣку, были много разъ „въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ, въ опасностяхъ отъ язычниковъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ опасностяхъ въ пустынѣ, въ опасностяхъ на морѣ, въ опасностяхъ между лежебратіями, въ трудѣ и въ изнуреніи, часто въ бѣднѣи, въ голодѣ и жаждѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ“... (2 Кор. XI, 26—27). Но хотѣли они радости себѣ, но хотѣли ее другимъ; и чѣмъ больше понимали, чѣмъ сильнѣе стремились видѣть ее осуществленной, тѣмъ сильнѣйшую печаль несли въ душѣ своей. Великіе люди должны въ этомъ мѣрѣ испытывать великую грусть, сказали, можетъ быть, не буквально въ этихъ словахъ, но эту мысль Достоевскій.

Не одинъ, но вмѣстѣ съ ближнимъ теперь идетъ человѣкъ къ Богу. Если вѣримъ, что въ насъ Божье сознаніе, то не можемъ возвратитъ его къ Богу жестокимъ и грубымъ, тушымъ и нечистымъ. Богъ не приметъ его такимъ. Прекраснымъ, разумнымъ, радостнымъ надо сдѣлать его—во мнѣ и въ другихъ. Когда будутъ все таковы, міръ двинется дальше; пока же худы мы, какъ міръ двинется дальше?

О, великой печали исполнена мысль о человѣкѣ! Тяготѣніе къ землѣ и къ цвѣтамъ ея и эта краткость человѣческой жизни, это ничтожество дѣлъ его; обиды отъ міра и отъ подобныхъ себѣ; гибель святыхъ и благородныхъ, торжество жестокихъ; страданія душъ, пришедшихъ въ міръ, но радости его не узнавшихъ, но въ мукахъ погибшихъ;—все это и много, много другого стало въ христіанствѣ предъ очами души и ждетъ, и не дожидется отвѣта.

Много печали. Но уже не отдалугъ ея люди за радость древнихъ. Было много мукъ на пути, который указалъ Господь, и много ихъ будетъ; но люди вѣрятъ, что въ мукахъ родится радость, предъ которой какъ тѣнь исчезнетъ жестокое, полное невѣдѣнія, веселье древнихъ,—родится разумная, святая великая радость для всѣхъ.

III.

Любовь къ человѣку, принесенная Господомъ, указала гдѣ путь, который отнимаетъ жесто-

кость отъ земной радости, даетъ ей силу правды и истины.

Но есть еще благо, которое дано Господомъ: это есть Его воскресеніе.

Христосъ есть „вождь гробовъ... какъ это открывалось человѣку“. Такъ открывалось очень многимъ, и больше всѣхъ такъ открывалось автору статьи. Онъ, какъ многіе, беретъ и видитъ лишь Христову смерть. Тѣнь, которая пала отъ Голгофы, для него, какъ для многихъ, затмила свѣтъ, идущій отъ Воскресенія. Но Христосъ есть не только вождь гробовъ; онъ и вождь живущихъ — „источникъ жизни“, какъ мы поемъ въ нашихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, даже погребальныхъ.

„Пытаются смерть отождествить съ рожденіемъ. Возможно. Но отчего, напримѣръ, рожденіе не отождествить со смертью? Когда родилась человѣкъ, онъ въ сущности умеръ; утроба матери — могила, уже зачатіе меня — переходъ въ смерть“.

И авторъ думаетъ, что это идетъ отъ Христа: „мѣръ, бытіе, жизнь наша — не божественны; значить гробъ, послѣ кончины, тотъ свѣтъ — божественны. Или обратно: мѣръ, бытіе, жизнь наша — божественны; тогда гробъ, послѣ кончины, тотъ свѣтъ демоничны. Но, очевидно, что Исусъ — это тотъ свѣтъ“.

Но вотъ мы открываемъ страницу книги, которая говоритъ о вѣрованіяхъ древнихъ язычниковъ, и читаемъ въ ней: „на языкѣ древняго Египта мертвые восторженно называются живы-

ми... Мусульмане говорятъ, что человѣкъ спитъ при жизни и просыпается при смерти. Индусъ приравниваетъ тѣло, оставленное душой, къ постели, съ которой онъ встаетъ утромъ. Рассказъ о древнихъ гетахъ, которые плакали при рожденіи и смѣялись при погребеніи человѣка, служить образнымъ представленіемъ идеи объ отношеніи этой жизни къ будущей, идеи, которая постоянно всплываетъ на поверхность въ исторіи религіи, и которая, быть можетъ, нигдѣ не понимается такъ легко, какъ въ рассказѣ изъ „Тысячи и одной ночи“, гдѣ морской Абдалла съ цегодованіемъ разрываетъ дружбу съ сухопутнымъ Абдаллой, когда узнаетъ, что обитатели земли не поютъ и не веселятся при смерти товарищей, подобно морскимъ жителямъ, а плачутъ и разрываютъ свои одежды“.

Конечно, все это общезвѣстно, но тѣмъ болѣе это не слѣдуетъ забывать; не надо забывать, какъ давно смерть отождествлялась съ рожденіемъ и даже — какъ не ново отождествленіе рожденія со смертью.

И идетъ это не отъ Христа; радость и печаль отъ смерти идутъ помимо Его.

Здѣшняя жизнь „этотъ свѣтъ“ — фактъ, но вѣдь и смерть тоже фактъ; и этого никогда не могли забыть люди.

Когда въ сторону смерти человѣкъ обращалъ свое лицо, онъ всегда усматривалъ тамъ нѣчто великое и важное; это важное входило въ его душу и налагало неизгладимую печать на его

думы, дѣла, отношенія ко всему, что его окружало. „Кая житейская сладость пребываетъ печали непричастна; кая ли слава стоитъ на земли непреложна; вся сѣни немощнѣйша, вся сонїи прелестнѣйша—все слабѣе, чѣмъ тѣнь, все обманчиво больше, чѣмъ сонъ—единѣмъ мгновенїемъ, и вся сія смерть прїемлетъ“. Объ этомъ напоминаетъ христіанство, но и помимо христіанства это знаетъ каждый, кто живетъ на землѣ. „Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть“... Что прибавило христіанство къ этому общему признанію за смертью ея огромнаго значенія?

Оно вырвало у смерти ея ядовитое жало; отсѣкло страхъ смерти; сказало, что за ея завѣсой скрывается не ужасъ небытія, но безбрежный просторъ прекрасной жизни. „Братіе, не хочу васъ не вѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочїи неимущїи упованїя. Аще бо вѣруемъ яко Иисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершіа о Иисусѣ приведетъ съ Нимъ“ (1 Сол. IV, 13—14; апостоль, читаемый при погребенїи).

Если ради меня пришелъ Богъ, то уже не исчезающъ я, и не сонъ моя жизнь, но я достоинъ безсмертія. И человѣку глубоко нужнымъ оказалось безсмертіе:

И безсмертіе далъ Господь. Своимъ воскресенїемъ Онъ утвердилъ безсмертіе, доказавъ его.

И тотъ конецъ, къ которому христіанство приводитъ споръ о духѣ міраховъ, о томъ и объ этомъ свѣтъ, тоже видится въ церковныхъ

пѣснопѣнїяхъ. „Воскресенїя день, и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обьемемъ; рцемъ братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресенїемъ, и тако возопїимъ. Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ“.

Вотъ конецъ спора: другъ друга обьемемъ и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресенїемъ—это здѣсь, на этомъ свѣтѣ; сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ—это сказано про тотъ свѣтъ. Любовь другъ къ другу и общее братство—здѣсь, вѣчная блаженная жизнь тамъ. Вотъ пѣли, указанныя Христомъ, огни, Имъ зажженные, чтобы люди шли на ихъ свѣтъ. Корень же, основа всего—есть Воскресенїе. Оно даетъ разумность самоотверженїю, устрояющему земное братство; оно утвердило возможность безсмертія личности.

Христіанство не разрываетъ жизни и смерти. Существуетъ жизнь человѣка и существуетъ смерть его; но еще больше существуетъ человѣкъ, который живетъ и который умираетъ.

„Тѣмъ свѣтомъ“, свѣтомъ вѣчнаго, онъ оцѣниваетъ свѣтъ этого міра; присматриваясь къ нему, разбирается въ томъ, что его окружаетъ здѣсь. Но когда уходитъ отсюда, его новая жизнь вырастаетъ неизбежно на почвѣ прежней. Безъ той жизни, безъ вѣры въ безсмертіе, стало бы пусто, жутко и мертво на землѣ. Но если мы отвергнемъ земную жизнь, мы должны отвергнуть и будущую.

Авторъ докладовъ хочетъ, чтобы мы малымъ замѣнили великое, чтобы не смотрѣли на вѣчное, отвернувшись отъ него.

Но вотъ мало-по-малу обнажается подлинная природа добра и зла. Спадаетъ съ ихъ лица все наносное, лишнее, для нихъ случайное. И уже дѣлается возможно розглядѣть, какъ много святого, благороднаго, божественнаго опирается у людей на „тотъ свѣтъ“, держится Воскресеніемъ Господа. Этотъ прорывъ въ будущій міръ, эта масляная вѣтвь изъ страны безсмертія,— они можетъ быть спасали и спасаютъ міръ отъ великаго горя, отъ великихъ скорбей.

Безъ „того свѣта“ мы едва-ли будемъ въ состояніи отвергнуть зло; напротивъ, сможемъ оправдать преступленіе, жестокость даже къ малымъ и милымъ дѣтямъ. Тогда уйдетъ душа отъ людей. Земная любовь будетъ нечистой, нерадостной; себялюбивой и жестокой; такой, о которой пишутъ теперь модные писатели. Служеніе ближнему, самоотверженіе будутъ отравлены ядомъ разложенія, ненужности, бессмысленности. „Этотъ свѣтъ“ не оправдаетъ ихъ; только ароматомъ вѣчности обвѣваются они.

Люди такъ мало думали о Воскресеніи Господа; такъ не глубоко, не со всѣхъ сторонъ обдумали его, что не помнятъ, не видятъ, не сознаютъ того великаго, что оно даровало землѣ. Свѣтъ безсмертія, оттуда сіяющій, даетъ столь многимъ послѣднюю опору для смысла человѣческой жизни. Если бы не было Воскресенія Господа,

нирвана увлекла бы, можетъ быть, не только знаменитаго учителя Азіи, не только послѣдователей его, но и весь міръ; и кто знаетъ, твердый, энергичный умъ европейцевъ, въ какихъ рѣзкихъ формахъ, въ какихъ крайнихъ очертаніяхъ развилъ бы это ученіе; кто знаетъ какой культъ отчаянія и смерти выросъ бы тамъ, гдѣ авторъ видитъ лишь цвѣты, смѣхъ и улыбки.

Онъ хочетъ, чтобы мы смотрѣли только на цвѣты земли. Но каждому свое. Цвѣты, улыбки, праздники—это здѣсь; они пріятны намъ, нужны, для насъ, пока мы здѣсь. Но ихъ нельзя тащить на тотъ свѣтъ. Кромѣ цвѣтовъ на деревѣ, кромѣ листьевъ, есть стволъ. Цвѣты опадаютъ, желтѣютъ листья, и ихъ уноситъ осенній вѣтеръ. Но стволъ остается. Сгнѣть тѣло, погаснуть огни земного праздника, но останется жизнь, останется человѣкъ. Явленія иного порядка, иные цвѣты будутъ украшать эту новую жизнь; но это тотъ же стволъ, который давалъ цвѣты и листья въ прошедшемъ году; это тотъ же будетъ жить человѣкъ, который жилъ здѣсь. Онъ идетъ туда, обвѣянный ароматомъ земли, полный думъ, которыя думалъ здѣсь, того волненія, которымъ волновался на землѣ; только оставивъ листья и цвѣты этого года, только откинувъ то, что было нужно здѣсь и что не надо тамъ.

До какой степени христіанство не разрываетъ связи между этимъ и тѣмъ свѣтомъ, это можно

видѣть изъ нашихъ „молитвъ за усопшихъ“. Это мы — вѣрующіе — какъ бы протягиваемъ щупальцы нашей любви, нашей вѣры на „тотъ свѣтъ“ и усилимъ любви и вѣры помогаемъ умершимъ въ томъ, въ чемъ здѣсь помогала религія, — подниматься къ истинному и вѣчному, миная временное, отсѣкая ненужное. Это наша душа, такая земная, полная впечатлѣній земли, такъ насыщенная ими, проникаетъ къ душѣ, ушедшей въ другой міръ. И не встрѣчаетъ препятствій на этомъ пути своемъ: ибо та выросла на одинаковой почвѣ, однородна съ моею, понимаетъ меня; также мучится, и тоскуетъ, и радуется. Только ближе стоящая къ вѣчному, яснѣе разбирается во временномъ, тверже стоитъ въ томъ, что признала вѣчнымъ и истиннымъ.

Не проклинаетъ міра и уходящій изъ міра святой. Напротивъ, онъ уходитъ, ибо восхитился красотой міра, ибо глубоко почувствовалъ то прекрасное и благое, что лежитъ въ немъ по мысли Творца его, въ основѣ его, въ глубинѣ его. Восхитившись прекраснымъ міра, онъ боится загрязнить его зломъ, которое внесъ въ него человѣкъ, безобразнымъ, которымъ портитъ человѣкъ чудесную его красоту. Не улыбки, не смѣхъ, не цвѣты отвергаетъ онъ въ мірѣ; онъ принялъ бы ихъ, благословилъ бы, какъ Божій прекрасный даръ. Но онъ чутокъ душою, и часто видитъ за улыбкой земли ложь и отраву, за смѣхомъ жестокость; и слышитъ запахъ зла, какой такъ нерѣдко издаютъ земные цвѣты.

Храня благую красоту міра, онъ бѣжитъ изъ міра, изгоняемый зломъ его; любя міръ, ради любви къ нему, бѣжитъ отъ него, спасая цѣнное въ немъ.

Прекраснымъ міра полна его душа, когда уходитъ изъ него. Если бы и хотѣлъ, онъ не отвергъ бы, не могъ бы отвергнуть его, ибо чрезъ его красоту позналъ онъ Бога своего. Ему Бога пришлось бы отвергнуть, если бы онъ отвергъ міръ, а не злое въ немъ.

„Въ мірѣ скорбни будете, но держайте, яко Азь побѣдихъ міръ“ (Іоан. XVI, 33). Побѣдилъ Господь не тѣмъ, что проклялъ міръ или ушелъ изъ него. Когда родился Господь, ангельская пѣснь была такова: „слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣкахъ благоволеніе“ (Лук. II, 14). На землѣ, не на небѣ; въ человѣкахъ, не между ангелами. Тѣмъ побѣдилъ Господь, что привелъ въ гармонію хаосъ противорѣчиваго въ мірѣ; собравъ ароматы чистаго и прекраснаго, что было на землѣ, все лепестки правдиваго, любовнаго и нѣжнаго, Господь явилъ въ Себѣ образъ человѣка, съ которымъ бытъ вмѣстѣ не счелъ для Себя униженнымъ Богъ. И когда Господь отошелъ, отъ земли на небо, не въ чуждую страну Онъ пришелъ, но въ отеческій домъ.

IV.

Въ глубину человѣческаго погрузила мысль человѣка новая вѣра. И наполнившись новымъ

знаніемъ, расширивъ сердце свое до предѣловъ всего живущаго, примиривъ противорѣчія мысли о вѣчности, въ дружномъ и радостномъ братствѣ долженъ бы къ Богу идти человѣкъ.

Но принявъ въ себя столько человѣческаго, столько скорбнаго, столько измѣняющагося, какъ бы приняла религія, какъ бы запылилась она, какъ бы отяжелѣла она.

Какъ раненой птицѣ, ей стало трудно и тяжело поднять свои крылья. Погруженіе въ человѣческое заняло слишкомъ мысль и душу людей: стало казаться, что высокія мысли о любви, о самоотверженіи, счастья для всѣхъ, о богоподобіи человѣческой души,—недоступны для человѣка, небесны; выше силъ его и выше души его. Стало забываться, что это человѣческія, истинно человѣческія мысли; что Самъ Господь, кромѣ того, что Богъ, былъ и человѣкъ; что Онъ продумалъ ихъ въ своемъ человечествѣ, какъ человѣкъ осуществилъ ихъ и человѣка звалъ идти за Собою.

Предъ ними преклоняются, но стремительно не идутъ для осуществленія ихъ. Считаютъ святыми тѣхъ, которые воплотили ихъ въ жизнь, но уже когда они ушли изъ міра, когда самый образъ ихъ начинаетъ скрываться въ туманѣ далекаго. Считаютъ святыми, относя ихъ къ тому же, недоступному для человѣка, высокому небесному міру.

И какъ бы обезсилѣла религія. Она не горитъ ярко, не жжетъ огнемъ, не движетъ впередъ

требовательно. Снисходительно смотритъ на грѣхъ, ничему не удивляется. У нея исчезло негодованіе, она не изгонитъ торжниковъ изъ храма.

Намъ бы надо смотрѣть впередъ, на высоту и говорить людямъ: вотъ куда намъ слѣдуетъ еще подняться, вотъ куда мы должны, мы можемъ взойти; а мы все смотримъ назадъ, внизъ и говоримъ: слава Богу, мы не совсѣмъ спустились, можно было спуститься еще ниже.

Мы рады, когда наши писатели укажутъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть искра добра. Но подумать только: радоваться, что великій народъ, прожившій тысячу лѣтъ подъ руководствомъ истинъ, которыя при своемъ появленіи и много разъ потомъ, дѣлали живыми мертвыхъ, радоваться, что великій народъ сохранилъ въ людяхъ своихъ искру добра, что эта искра не погасла совсѣмъ.

И вотъ мы десятки лѣтъ читаемъ съ умиленіемъ стихи поэта: „Всю тебя, земля родная, въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный, исходилъ благословляя“...

Несомнѣнно, чувства, которыя сказали эти стихи, были высоки и благородны; были вынесены они отъ души, горѣвшей глубокой нѣжностью къ народу, и ко Христу, и къ этой идеѣ о страданіи. Но почему, въ самомъ дѣлѣ, искра, только искра, добра, когда его давно должно быть уже цѣлое пламя? Почему рабскій видъ, и эта луковка Достоевскаго (помните?), когда двѣ

тысячи лѣтъ назадъ Господь принялъ рабскій видъ, чтобы сдѣлать насъ свободными? Какъ тяжело, что мы знаемъ Господа лишь зовущимъ униженныхъ и обиженныхъ; видимъ Его, идущаго съ тяжелымъ крестомъ на глубоко согбенныхъ плечахъ. Какъ тяжело, что Онъ не идетъ къ намъ, держа свой крестъ въ высоко-поднятыхъ рукахъ, какъ знакъ побѣды, не униженія.

Живая, прекрасная человѣческая душа, которой цѣль на землѣ впитать въ себя все благое и прекрасное міра, стать выше и шире, чтобы могла понимать то болѣе высокое, что лежитъ за гранями міра—она уходитъ: отсюда израненная, въ пятнахъ тупости, злобы, пороковъ.

Но не затѣмъ вызвалъ ее изъ небытія Богъ, чтобы загрязнить ее на первыхъ шагахъ ея бытія. Чудесный и великій путь открыть человѣку христіанствомъ: онъ ведетъ его къ Богу; раскрывается передъ нимъ прекрасные горизонты блага здѣсь и на небѣ.

И если кто скажетъ намъ: бросай землю, иди на небо,—мы не послушаемъ его. Мы знаемъ, что дѣло земли намъ поручено Богомъ. Онъ, и никто другой, послалъ насъ на землю. И мы не можемъ думать, что плохо сдѣлавъ дѣло земли, мы будемъ хорошо приняты въ небѣ.

Вся земля со всѣми возможностями ея, со всѣмъ, что она несетъ въ себѣ мудраго и прекраснаго—въ звукахъ, въ краскахъ, въ удивительномъ разнообразіи жизни своей,—дана человѣку, чтобы жить на ней, своимъ разумомъ

понималъ и направлялъ ее, украшалъ тѣмъ прекраснымъ, что есть въ его душѣ, въ высокихъ проявленіяхъ ея. Какой же онъ долженъ передать ее Богу? Ужели Божія воля въ томъ, чтобы человѣкъ передалъ Ему землю, когда въ отвѣтъ на призывъ чудесныхъ голосовъ ея такъ часто слышны лишь стоны несчастныхъ и крики вражды,—когда главный обитатель земли—человѣкъ—сталъ слабъ тѣломъ и боленъ душой, съ завистью, съ злобой, съ узкой жестокостью въ сердцахъ?

Но если кто скажетъ: человѣку только земные голоса слѣдуетъ слушать, дышать ароматомъ лишь земныхъ цвѣтовъ, грѣться лучами только того солнца, которое восходитъ утромъ и заходитъ вечеромъ,—мы не пойдемъ и за ними.

Развѣ важно одно размноженіе тѣлъ? Важны и идеи безсмертныя, оживляющія душу. Важно не только, что пришелъ человѣкъ въ міръ, но и то, что принесъ онъ съ собою. Благо ли, заслуга ли предъ Богомъ, предъ міромъ, предъ жизнью, породить и пустить жить людей—убогихъ мыслью, жестокихъ сердцемъ? Родится человѣкъ и внесетъ въ міръ жестокость; придетъ новый человѣкъ и принесетъ съ собою тупость, страданіе, злобу; придетъ человѣкъ въ міръ и убьетъ (какъ теперь часто) уже рожденное, уже живущее.

Не могу забыть,—что видѣлъ въ юности—какъ старая крестьянка мать, стоя на церковной паперти, всенародно проклинала сына. Онъ былъ

дико жестокъ къ ней и къ своей сестрѣ. И когда мать, потрясая черной изсохшей рукой, проклинала его, было видно, какъ хотѣлось ей, чтобы земля не носила больше на себѣ ея жестокаго сына; у тѣхъ же, кто видѣлъ эту сцену и слышалъ материнскія слова, была дума, было желанье: если бы мать не родила его!

„Мнѣ нечего съ ними церемониться (съ христіанскими аскетами), какъ они не церемонятся и не поцеремонились съ заповѣданіемъ Божиимъ, съ дѣтми, съ женщиною, со всею жизнію, съ цѣлою цивилизаціею“. Но мы не обвиняемъ Канта, который не былъ женатъ; не обвиняемъ за это же Владиміра Соловьева; не обвиню я профессора-богослова Болотова, который не женился, отдавая жизнь наукѣ; напротивъ, въ томъ, что они не были женаты, есть какаѣ-то особая черта „святости“ ученаго, жертвующаго личнымъ счастьемъ для болѣе высшихъ цѣлей. Не будемъ же обвинять истинныхъ христіанскихъ аскетовъ, которые служили великой идеѣ. А дурные аскеты— „монахъ можетъ облудить съ барышней; у монаха можетъ быть ребенокъ; но онъ долженъ быть брошенъ въ воду“,—что же о нихъ говорить? Каждый грѣшникъ, дѣлая грѣхъ, старается скрыть его.

Аскеты не поцеремонились съ женщиною, но церемонились ли съ ней индусы, убивавшіе вдовъ?—не поцеремонились съ дѣтми,—но церемонились ли съ ними язычники, убивавшіе слабыхъ дѣтей, часто убивавшіе дѣвочекъ? И

сколько сейчасъ убиваютъ дѣтей. Авторъ знаетъ это; объ этомъ скорбитъ, о нихъ и хлопочетъ. Но онъ думаетъ, что тѣ, которые убиваютъ, дѣлаютъ это въ согласіи съ Христомъ, съ Его благословенія, пусть тайнаго, пусть скрытаго. Это Христосъ нашепталъ несчастнымъ матерямъ, негоднымъ отцамъ, пусть не Самъ, но чрезъ своихъ поклонниковъ, чрезъ аскетовъ, чрезъ житія святыхъ,—нашепталъ, чтобы они убивали дѣтей? Но они стыдятся Христа, Его только и стыдятся они; вспоминая о Немъ, только и обвиняютъ себя. Жизнь, люди, врачи, наука, ихъ очень часто не обвиняютъ.

„Нѣтъ святого въ церкви, ноги котораго не были бы утверждены на костяхъ умерщвленнаго младенца, своего или чужого, прямо или косвенно—это все равно“. Но не будетъ ли болѣе справедливымъ сказать: нѣтъ святого въ церкви, который не внесъ бы въ міръ хотя мало добра, который не сдѣлалъ бы хотя немногихъ лучшими, который не научилъ бы ихъ относиться ко всѣмъ, и къ дѣтямъ, справедливѣе, честнѣе, разумнѣе.

Христосъ убиваетъ дѣтей? О, нѣтъ! Но Онъ оживляетъ души горячностью мысли, стремительной жаждой добра и счастья для всѣхъ. Отъ Него идетъ благородная жалость ко всѣмъ, и къ младенцамъ.

Говорятъ, въ мірѣ много жалости и будто уже пришло время убавить ее. Но мало жалости въ мірѣ: чуть не весь міръ стонетъ отъ недостатка жалости.

О смерти и воскресеніи Господа.

I.

Много разъ за время существованія христіанской церкви въ разныхъ ея исповѣданіяхъ возникали разговоры о церковныхъ реформахъ, и много разъ проводились самыя реформы.

Бывало такъ: когда результаты накопившихся нестроений въ церковной жизни обнаруживались особенно ясно, люди, желая уничтоженія ихъ, требовали реформъ. Они думали, что тогда оживится церковная жизнь и оживятся человѣческія души. Но когда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣ трудной и долгой борьбы, реформы осуществлялись, оказывалось нерѣдко, что собственно въ религіи и въ церкви измѣнялось очень немногое и несущественное. Оживлялась церковная жизнь, но не надолго; иногда оживлялись какъ-будто и души людей, но мало приближеніемъ къ Богу, а больше устраненіемъ разныхъ внѣшнихъ стѣсненій, часто даже простыхъ житейскихъ неудобствъ, которыя успѣли вкорениться за время церковныхъ и иныхъ нестроений. Въ результатѣ какъ-будто не къ Богу человѣкъ

приближался, а къ землѣ, начиналъ проще относиться къ жизни, къ міру. Конечно, это было великое и нужное для людей дѣло; но тутъ церковь лишь перестаетъ быть задерживающимъ началомъ, и жизнь, инициатива идутъ не отъ нея.

Самое же главное—вѣра въ Бога и умноженіе любви между людьми—это достигалось реформами мало и въ сущности всегда шло помимо ихъ. Послѣ реформъ Богъ не дѣлался ближе къ человѣческой душѣ; нравственность мало повышалась; религіозное одушевленіе не увеличивалось. И такъ нерѣдко отъ реформъ получается впечатлѣніе кропотливой, но нежизненной, внѣшней и неглубокой работы около большого жизненнаго дѣла.

Возьмемъ наиболѣе извѣстную реформу церкви въ протестанствѣ. Совершилась громадная реформа, произошли громадныя измѣненія. Очень многое изъ того, что въ католичествѣ не отвѣчало запросамъ людей, пробудившихся послѣ среднихъ вѣковъ, было отброшено въ новой церкви, что назрѣло въ умахъ новыхъ людей, то внесено, но вѣры и нравственности въ протестанствѣ не стало больше, чѣмъ въ католичествѣ. Жалобы одинаковой силы объ упадкѣ ихъ несутся съ той и другой стороны.

Совершилась реформа,—но въ двухъ протестантскихъ танствахъ не стало болѣе дѣйственной силы, чѣмъ въ семи католическихъ; въ томъ, что совершаютъ пасторы, Божья сила не присутствуетъ болѣе ясно, чѣмъ въ томъ, что

совершаютъ патеры и ксендзы. Не прибавилось знанія о Богѣ. Богъ не почувствовался тѣснѣе сердцемъ, не стало понятнѣе небо; святой радости не прибавилось истинно религіознымъ душамъ. И жизнь неудержимо тамъ и тутъ идетъ мимо церкви. Люди смѣлой мысли уходятъ отъ протестантства, какъ и отъ католичества; поиски устроенія лучшей жизни и дѣйствительное улучшение ея идутъ не отъ церкви; и не люди церкви являются наиболѣе самоотверженными дѣятелями жизни.

Такъ въ протестантствѣ, но такъ, въ сущности, было и вездѣ. Результаты попытокъ реформировать церковь, руководясь временными нуждами, почти всегда бывали неглубоки, узки и печальны, какъ печальны и тусклы сектантскія пѣсни.

Изъ тѣхъ словъ, что звучатъ теперь относительно устроенія дѣлъ въ нашей православной церкви, трудно сказать, которыя могли бы породить вѣру. Оживить на время внѣшнюю сторону церковной жизни нѣкоторыя изъ современныхъ словъ могли бы; но вѣдь надо, чтобы церковь не только сама жила; надо вѣдь, чтобы она гнала зло не изнемогая, одушевленно, самоотвержено; чтобы вновь сдѣлалась церковь, какъ когда-то, центральной силой человѣчества, его умомъ, волей и сердцемъ.

Тѣ, кто сводитъ вопросъ о церкви къ вопросу о духовенствѣ и внѣшнихъ порядкахъ церкви, они думаютъ оживить ее внѣшними перемѣнами

внѣшней стороны: учрежденіемъ патріаршества, умноженіемъ числа епархій и т. д. Ихъ голоса громки, многочисленны и понятны для большинства людей, воспитавшихся на церковной дѣйствительности. И хотя иное изъ того, что предлагается ими, нужно и полезно для церкви, но такъ ясно, что они хотятъ дѣлать лишь начальное дѣло, поднимаютъ первый, самый верхній слой на нивѣ церкви.

Есть другая мысль, которая поднимаетъ слѣдующій, болѣе глубокой пластъ, обсуждаетъ то, что лежитъ ближе къ существу дѣла. Люди церкви стали забывать заповѣдь о любви къ ближнимъ; и когда, въ настоящее время, послѣдствія этого почувствовались особенно остро, гнѣвъ и заботы многихъ неудержимо обращаются въ эту сторону. И если одни не терпя людей церкви и ради ихъ грѣховъ гонять церковь и Бога, то другіе, отдѣляющіе одно отъ другого, требуютъ реформы церкви, естественно устремляя поиски къ увеличенію около церкви любви и справедливости.

Въ голосахъ людей, которые высказываютъ этотъ взглядъ, чувствуется теплота и любовь къ обездоленнымъ; оттого и понятны они людямъ, идущимъ за молодой и быстрой мыслью современности, но еще неоттолкнутымъ отъ церкви внѣшней неприглядностью иныхъ изъ дѣтей ея. И къ Богу они исполнены жалости. Они любятъ Бога, какъ дорогое и обиженное существо. Видя, какъ тысячи торжествующихъ людей го-

нять Бога, эти хотятъ спасти Его. Спасти Его, соединивъ въ одно — жалость къ поруганному Богу и къ обиженнымъ людямъ. Они любятъ красивыя, старыя мысли о Богѣ и хотятъ снова окружить Его ими; то, что сильно движеть душу современнаго человѣка, хотятъ вложить въ ученіе Его и Его церкви, чтобы торжествующій „гордый и смѣлый“ человѣкъ не прошелъ мимо униженнаго Бога.

Но, стремясь къ этому, они не замѣчаютъ, что хотятъ вложить въ мысли Бога свои мысли, свои слова въ Его уста, что Божье хотятъ спасти человѣческимъ; что больше въ нихъ любви и жалости къ Богу, чѣмъ вѣры въ Него.

И именно поэтому, отыскивая причины малыхъ заботъ людей церкви о правильномъ устройствѣ земныхъ дѣлъ, объ уменьшеніи горя и страданій, словомъ, причины недостаточности любви около церкви, — они находятъ ихъ въ исключительной будто бы заботѣ людей церкви о небѣ.

Я думаю, они стоятъ тутъ не на вѣрной дорогѣ. Относительно неба у насъ также многое забыто и не тревожить души. И думается, не отъ того забывается земля, что много вниманія устремлено на небо; но отъ того, что забыто небо, отъ этого такъ медленно, съ болѣзнями, устраивается земля. Я позволю себѣ сказать, что весьма многіе изъ людей церкви не вполне принимаютъ даже одну изъ самыхъ основныхъ истинъ христіанства — истину искупленія. Въ теоріи, въ ученіи церкви, въ богослуженіи она

есть; но въ жизни такъ часто не видится ея пониманія, и мало стремленій принять ее; тѣ же стремленія, которыя есть, мало согрѣты горячностью истиннаго чувства, въ нихъ не слышится боли души.

Когда на землю пришелъ Богъ, человѣкъ, который взглянулъ въ Его очи, увидалъ, что они были какъ бы глаза человѣка. Видѣлись въ нихъ жалость, любовь, состраданіе. „Онъ сжалился надъ ними, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы, неимѣющія пастыря“ (Мѡ. IX, 36). Богъ приникъ къ этому міру и пожалѣлъ его. Это была великая вѣсть для человѣка; вѣсть, осуществленія которой онъ ждалъ вѣка, предчувствуя ее, стремясь къ ней, любовно и глубоко питая мечту о ней то тѣмъ, что было будто бы въ далекіе древніе годы, то ожидая осуществленія ея въ грядущія времена. Жалость Бога, Его помощь, Его прощеніе — были страшно ему нужны. Одинокимъ, слабымъ и немощнымъ уже давно ощутилъ себя на землѣ человѣкъ. Вспомнимъ печаль великихъ религій древности. Не географія, не тотъ или другой цвѣтъ неба, не краски природы, не наука — родили мысль о слабости человѣка и о необходимости для него Божьей помощи. Они только давали форму ей. Каждый слышалъ ее въ глубинѣ своей души, напоминалъ то, что говорила душа; и жила она вездѣ, гдѣ жила человѣкъ.

Богъ пожалѣлъ человѣка, ради него сошелъ на землю и за него пострадалъ — это отвѣтило

на завѣтныя, на глубочайшія стремленія людей. Многое могъ принести человѣкъ къ Голгоѣвѣ. Со всей скорбью души пришелъ онъ сюда. Жалѣя Господа, вмѣстѣ съ Нимъ онъ жалѣлъ себя; оплакивая страданія Спасителя, оплакивалъ то, что самъ онъ такъ худъ, бѣденъ, несчастенъ; что случайны, недолги и грустны его радости, печали же тяжки и длительны; что дѣла его падаютъ, какъ капли въ море, въ громадную бездну жизни, не оставляя слѣда; что самыя смѣлыя, гордыя мысли его не бороздятъ лицо міра больше, чѣмъ птица быстрымъ крыломъ поверхность воды. Все горе жизни и всю печаль думъ принесъ человѣкъ ко кресту, и всему этому искалъ здѣсь оправданія.

И крестъ далъ то, чего искалъ человѣкъ; онъ оправдалъ скорбь. Ибо если Господь—лучшій изъ всѣхъ—бывшихъ и грядущихъ—былъ мужъ скорбей и страдалъ до смерти, то жить въ печали есть неизбѣжная доля человѣка, то зло велико и сильно, то скорбь законна. И не только законной, но священной сталъ считать ее тотъ, кто видѣлъ, кто вѣровалъ, что Винovníкъ жизни виситъ бездыханенъ на древѣ крестномъ. Вотъ отчего такъ легко принимали мысль о распятомъ Богѣ тѣ, чьей души она коснулась; вотъ отчего она стала такъ понятна громадному числу людей, такъ сильна, такъ дѣйствительна, вотъ отчего человѣкъ устремилъ къ кресту такъ много силъ.

И, можетъ-быть, эта близость мысли о стра-

данія, эта сродность ея душѣ человѣка, сдѣлали то, что для многихъ какъ бы осталась въ тѣни другая мысль, другое дѣло, вторая половина того, что мы называемъ искупленіемъ. Это дѣло есть Христово воскресеніе.

Безъ воскресенія искупленіе не было бы полнымъ; воскресеніе его закончило. Господня смерть сказала, что Богъ пожалѣлъ слабость людей, ихъ бѣдность, ихъ несчастливость; но только воскресеніе утвердило, что Богъ дѣлаетъ людей богатыми, сильными, счастливыми. Смерть сказала, что Господь до конца пожалѣлъ людей своихъ, но только воскресеніе показало, что она была не напрасна. „Если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша“ (1 Кор. XV, 14). Безъ воскресенія смерть отнимала всякую надежду; въ ней добро было поругано зломъ, было отвергнуто тогдашнею мыслью, строемъ жизни, людьми ветхозавѣтной церкви. „И если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастіѣе всѣхъ человѣковъ“ (1 Кор. XV, 19).

Восресеніе оправдало смерть и явило изъ нея жизнь. Оно сдѣлало опредѣленными дѣла; расширило ихъ и увело въ безконечность; но этимъ самымъ сдѣлало опредѣленными и дѣла земли; дало имъ опору, устойчивость, смыслъ.

Внѣ воскресенія, безъ этой двери, чрезъ которую сталъ виденъ свѣтъ безконечности, міръ человѣческихъ душъ кажется висающимъ въ глубокой тѣмѣ пустоты; въ ней слышится гулъ

громадной, но нестройной жизни; что-то движется, но безъ ясныхъ цѣлей, что-то бродитъ, но безсильное; по временамъ въ ней вспыхиваютъ яркіе огни, при свѣтѣ ихъ складывается нѣчто прекрасное, манящее, но его стираетъ надвигающійся новый хаосъ мыслей, желаній, безчисленныхъ личныхъ интересовъ. Воскресеніе имѣло привести этотъ хаосъ въ стройный порядокъ, освѣтитъ тьму яркимъ свѣтомъ. При свѣтѣ его цѣли расширились и ушли въ безконечность, но прежде обнявъ собою землю съ ея дѣлами, заключивъ въ себя все, что знаетъ человѣкъ лучшаго здѣсь.

И напрасно говорятъ, будто отъ Христа идетъ отрицаніе этого міра, уходъ изъ него. Воскресеніе Христова оправдало счастье земли, дало смыслъ стремленію къ ея благу.

Еще когда по землѣ ходилъ Господь, человѣкъ могъ видѣть, что не все, что въ немъ, не все преступно и мерзко предъ Богомъ. Богъ „возлюбилъ“ этотъ міръ; любилъ природу и работу около нея сыновъ человѣческихъ; любилъ ихъ праздники, благословлялъ дѣтей, сочувствовалъ заботамъ о родинѣ. Онъ говорилъ людямъ: „Вы друзья мои“. И человѣкъ увидалъ, что Богъ многое въ этомъ мірѣ признавалъ близкимъ Себѣ, роднымъ Себѣ; догадывался, что это достойно перейти въ міръ будущій.

И когда Господь возвращалъ слѣпымъ зрѣніе, то возвращалъ его для видѣнія этого, а не того міра; хромымъ даровалъ возможность ходить по

этому, а не по тому міру; воскрешая мертвыхъ, не отдавалъ людей изъ этого міра въ другой, но бралъ оттуда и возвращалъ сюда.

Самое схождение Бога на землю, Его смерть за человѣка, Его воскресеніе ради него, говорятъ о громадной значимости этого міра, человѣка и того, что въ немъ. Ради исчезающаго, которое сегодня есть, а завтра бросается въ огонь и сгораетъ—стоило ли умирать Вѣчному? Ради суетнаго стоило ли отворять дверь безсмертія? А Господь не только умеръ и воскресъ, но онъ умеръ и воскресъ для блага міра, ради счастья человѣка. Не горе человѣческое пришелъ увелить Господь, но дать человѣку радость. „Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ“ (Мѡ. X, 34). Но не о цѣли Господняго дѣла говорится здѣсь, а лишь о пути къ цѣли. Райскимъ состояніемъ Библия называетъ состояніе радости и блаженства; и Господь пришелъ „исцѣлить“ сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу, проповѣдывать лѣто Господне благоприятное“ (Лук. IV, 18—19).

И человѣку нельзя пройти на небо инымъ, не земнымъ, путемъ. Ни одинъ человѣкъ, по волѣ Бога, не ушелъ на небо, минуя землю. За работу на благо міра, ради дѣятельной любви, пустякъ въ рай: накормилъ ли ты голоднаго, напоилъ ли жаждущаго, пожалѣлъ ли, посѣтилъ

ли находящагося въ темницѣ... Милосердіе и жалость, подобныя тѣмъ, что были видны въ очахъ Богочеловѣка, работа на благо людей—стали путемъ къ миру съ собой, съ людьми; и это же былъ путь, ведущій къ Богу.

Переходъ отъ такъ-называемой морали личной къ заботамъ объ общемъ благѣ не труденъ. Имѣть отвлеченную любовь ко всѣмъ вмѣстѣ, къ общему, и не имѣть ея къ отдѣльнымъ людямъ, это бываетъ не рѣдко; но пламенѣть любовью къ ближнему, къ каждому въ отдѣльности, и не имѣть ея, не думать объ общемъ благѣ—нельзя. Христіанская любовь, имѣющая въ основѣ смерть и воскресеніе Господа, вынуждаетъ къ заботѣ о добрѣ для всѣхъ.

Единеніе же всѣхъ, общая радость, свобода, достигнутыя здѣсь, должны быть показателемъ, что міръ можетъ, способенъ перейти къ единенію, радости, свободѣ—тамъ. Сначала счастье земли, потомъ—радость неба.

Думы о томъ мірѣ не мѣшаютъ, не должны мѣшать, но должны оправдывать заботы объ этомъ.

Чѣмъ больше человѣкъ проникается другимъ міромъ, вѣчными цѣлями, тѣмъ больше долженъ жалѣть этотъ міръ, тѣмъ съ большей настойчивостью желать возвести его туда. Я думаю, что великіе, истинные неболюбцы чувствовали къ этому міру великую жалость и великую любовь; жалость къ слабымъ, непонимающимъ, и потому несчастнымъ людямъ; любовь къ красотѣ міра,

въ которой такъ ясно видится великая Божья творческая мысль.

Думается, что никто не желалъ міру больше радости и счастья, какъ тѣ, о комъ говорятъ, что они его отрицали. И никто не далъ ему столько добра, какъ они. Ибо эти люди, прозрѣвшіе впереди огни, предъ которыми блѣдны и призрачны огни міра, слышавшіе гармонію звуковъ, предъ которой нестройны и грубы голоса земли,—они были душой міра, предъ ихъ далекимъ, но близкимъ, умершимъ, но живымъ образомъ, черезъ вѣка времени, люди повѣряли совѣсть, утишали горе, изливали радость.

II.

Искупленіе совершилось. Тотъ, кто повѣрилъ въ это, то-есть повѣрилъ, что ради человѣка, дѣйствительно, потряслось небо и произошло нѣчто великое и опредѣленное, послѣ чего стали ясны цѣли и велики силы у человѣка,—тотъ долженъ былъ стать увѣреннымъ, свободнымъ, стремительно дѣятельнымъ. Воскресеніе дало знать, что скорбь побѣда и не вѣчна, что радость возможна и осуществима.

И если отъ смерти Господа люди выносили раскаяніе, смиреніе, самоотверженіе, словомъ, то, въ чемъ такъ много хорошаго, но что нерѣдко заключаетъ въ себѣ элементъ пассивности, что окружено печалью, что оплакивается слезами,—то къ воскресшему Господу человѣкъ

долженъ былъ понести всю жажду прекраснаго и радостнаго будущаго, которая живетъ въ его душѣ, упорную работу къ его осуществленію, всю активность, энергію, весь свой восторгъ.

Кто повѣрилъ воскресенію, тотъ сталъ смѣлъ передъ Богомъ, какъ сынъ Его. Онъ призывалъ къ свободѣ и говорилъ: мы не подъ закономъ, но подъ благодатію; онъ превозмогъ этотъ міръ мыслію, чувствомъ, волей и понялъ чудо, пересталъ ему удивляться, самъ сталъ его совершать. Получилъ онъ дерзновеніе называть себя святымъ, и былъ имъ; ибо, не противясь злу насилиемъ, онъ упорно, волнуясь и негодуя, противился ему правдой и добромъ, зная, что силой, а не бессиліемъ берется царство Божіе. Весь онъ былъ движеніе, порывъ, вдохновенное стремленіе исполнить Божію волю, осуществить Божію правду.

И какое это было великое горе для церкви, что многіе изъ людей ея, съ величайшей радостью принявши вѣсть о печали, равнодушно, почти печально, приняли вѣсть о радости.

Повѣрили ей отвлеченно и холодно, нежизненно, не глубоко; не окружили ее въ своемъ сердцѣ страстнымъ, умиленнымъ, дѣятельнымъ вниманіемъ, какъ скорбую вѣсть о смерти.

Что они бѣдны, несчастны, слабы, что чловѣку нужна Божія помощь, что искупленіе необходимо, они поняли это и приняли душой. Но на этой мысли какъ-будто и остановились, и все ждуть и не идутъ дальше. Что искупленіе

совершилось и что искупленные дорогой цѣной, они стали богаты, сильны, счастливы, свободны, —этого не приняли многіе, не рѣшились принять.

Никогда около Воскресшаго не было пролито столько слезъ восторга, сколько слезъ печали и раскаянія было пролито около Распятаго. Какъ нѣкогда мироносицы, люди все какъ будто продолжаютъ искать Живого между мертвыми.

Слишкомъ многимъ изъ нихъ оказалось непривычно быть на высотѣ друзей Божіихъ, въ свѣтлой и чистой атмосферѣ свободы. Ихъ робкій умъ, слабое сердце, нетвердая воля сроднилась съ тяжелымъ игомъ закона; они привязались къ лукавымъ изворотамъ рабской мысли, имъ была дорога старая жизнь, самыя печали ея.

И бодрія, возвышающія слова побѣды, надежды и радости остались для этихъ людей только въ теоріи, а въ душѣ, въ жизни, въ тѣхъ выводахъ, гдѣ они соприкасаются жизни, въ содержаніи, которое третъ около нихъ жизнь, —сюда проникли и стали заполнять собой печальныя, неуверенныя, униженныя, рабскія слова.

Получивъ знамя Христова ученія, но душой не принявъ вполнѣ того, что было на немъ написано, очень многіе изъ людей церкви, не измѣняя ему, стали съ нимъ отступать. Мучась раздвоеніемъ, которое несли въ себѣ, они терялись передъ громадностью жизни, которая сложнымъ разнообразнымъ расцвѣтомъ своимъ не умѣщалась въ ихъ мысль, терялись передъ напоромъ грѣха. Они отступали предъ новой

мыслью, предъ каждымъ слагающимся или сложившимся укладомъ жизни, предъ силой, предъ грѣхомъ. Они обращали взоры за помощью къ Богу, но уже только вполонину понимавшіе Его, своею личностью, своею совѣстью они не погружались всецѣло въ Его свѣтлую, любящую сущность. Сначала непониманіе, потомъ холодность, лицемѣріе, наконецъ, раздраженность стали отдѣлять отъ нихъ Бога.

А когда Богъ пересталъ чувствоваться, какъ огонь, предъ которымъ таетъ сухая, ненужная мысль, лукавое движеніе сердца, тогда открылось широкое поле для всякаго рода умозрѣній. О, широкое поле, на которомъ такъ нерѣдко притязательныя нерелигіозныя сердца ткуть паутину холодныхъ и незначительныхъ словъ! Ими хотятъ укрѣпить высшую цѣнность, можетъ быть, единственную разумность жизни.

Естественно, они боятся новой мысли, чтобы не порвалась ихъ искусная, но отвлеченно сплетенная ткань; боятся, забывая, что, открывъ дверь въ безсмертіе, Господь показалъ за ней не пустоту, но бездну того, что невѣдомо, но что слѣдуетъ познать человѣку.

Тяжело гнетутъ душу человѣка ненужныя слова. И тамъ, гдѣ прежде волновались думами лучшіе люди, гдѣ дышалось легко и свободно, теперь тамъ пусто и неуютно душѣ. Небо стало едва ли не самымъ забытымъ и неинтереснымъ мѣстомъ въ мірѣ, и для громаднаго числа людей въ немъ нѣтъ уже Того, Кто обиталъ тамъ

прежде такъ понятно и свѣтло. Христіанское ученіе о живомъ Богѣ за цѣлыя вѣка мало приблизилось къ душѣ человѣка. (Непосредственное общеніе съ Богомъ уменьшается, уменьшается ощущеніе Его.) Ощущеніе Бога родитъ жизнь, смѣлость, вдохновеніе, пророчество, чудо. Мы почти не видимъ вдохновенія, не слышимъ о пророкахъ, мало слышимъ о чудѣ. Дѣятельное знаніе Бога, непосредственное ощущеніе Его сохранились тутъ и тамъ, вверху и внизу, но среди немногихъ людей; и больше въ глубинѣ жизни, на днѣ ея; тамъ, гдѣ подвигъ и слово Господа, преломившись въ безхитростныхъ и простыхъ душахъ, дали чудесныя цвѣты честнаго труда, тихой радости и глубокой благодарной жалости къ всему, что дышетъ. Духовная наука мало знаетъ о немъ, вспоминая иногда, какъ о „забытомъ пути“ Богопознанія. А по мѣрѣ того, какъ увеличивается отбедненіе отъ Бога, растетъ грѣхъ. Переоцѣнка человѣкомъ силы грѣха, преувеличеніе его значенія, были вторымъ тяжелымъ послѣдствіемъ того, что, принявъ смерть Господа, человѣкъ мало и не глубоко принялъ душой Его воскресеніе. Когда признается, что Богъ спасъ человѣка, что грѣхъ побѣжденъ, тогда онъ долженъ занимать то скромное мѣсто, какое занимаютъ разбросанные тамъ и тутъ камни, выбитыя колесами ямы, на большой и прямой дорогѣ. Они мѣшаютъ,—ихъ надо убрать или обойти, и идти дальше. Борьба съ грѣхомъ не цѣль, она—средство.

Когда же стало уменьшаться непосредственное общеніе съ Богомъ, тогда нити, которыя двигали челоѣка впередъ, стали слабѣть, свѣтъ, который освѣщаль дорогу и помогаль идти дальше, сталъ отдаляться, темнѣть. Грѣхъ же сталъ виденъ, какъ нѣчто яркое и сильное. И челоѣкъ сталъ неуѣренъ, замедляль шагъ, останавливался въ дорогѣ, оглядывался кругомъ. Побѣдивъ грѣхъ, онъ не шелъ торопливо дальше; сталъ думать, что нельзя идти впередъ, не побѣдивъ всего грѣха. И преслѣдуя его, ради побѣды надъ нимъ, челоѣкъ сталъ часто сходить съ дороги, по которой лежалъ его путь. Тогда борьба съ грѣхомъ дѣлалась не средствомъ, но цѣлью, которая сильно заслоняла собою все другое. Когда цѣли, указанныя Богомъ, чтобы челоѣкъ шелъ къ нимъ, переставали быть видны ясно и осязательно, тогда грѣхъ дѣлался страшенъ, какъ будто Господь не побѣдилъ его, не хватало жизни, чтобы уничтожить грѣхъ только въ себѣ. Мудрено ли, что челоѣкъ переставаль видѣть доброе въ этомъ мѣрѣ, бѣжалъ и заирался отъ него, мудрено ли, что онъ переставаль заботиться объ общемъ благѣ, не шелъ бороться съ грѣхомъ общества, народа, ибо силъ и времени едва хватало справиться съ нимъ въ себѣ самомъ.

Но въ то время, когда многіе, съ отчаяніемъ въ душѣ, боролись съ нимъ, другіе, видя силу грѣха, предъ нимъ преклонились; они уже утѣряли дорогу вѣры, благодати и свободы, на ко-

торой борьба съ нимъ была возможна и не страшна. Какъ на ядовитую змѣю смотрѣль челоѣкъ на грѣхъ; ужасался его и не могъ оторвать отъ него глазъ. Злое и отвратительное лицо грѣха заткаль онъ сѣтью красиваго и привлекательнаго; расцвѣтилъ его яркими красками искусства и поэзіи. И грѣхъ сталъ красивъ и своей красотой силенъ: для многіхъ сталъ онъ ближе, понятнѣе, даже болѣе разуменъ, чѣмъ Богъ. Не умѣя защитить свое знамя, не имѣя силъ бороться за него, но страшась выпустить его изъ рукъ, жалѣя и любя его, такъ нерѣдко и столь многіе люди церкви сторонились смиренно, когда надо было стоять твердо и устойчиво; сторонились, все боясь, какъ бы кого-нибудь не обидѣть своимъ знаменемъ, не раздражить, не оскорбить. И въ своемъ отступленіи, и въ своемъ смиреніи они не замѣтили, что растеряли многое изъ того богатства, съ которымъ вышли вначалѣ. Защищая знамя, на которомъ были написаны слова радости, они оставались печальны; защищая слова свободы, часто оставались рабами; они несли слова о благомъ и легкомъ игѣ благодати, но такъ нерѣдко оставались подъ тяжелымъ игомъ закона. То, что дѣлается теперь большинствомъ людей церкви для радости и счастья здѣсь, для блаженства людей и въ будущей жизни,—это такимъ незначительнымъ кажется въ сравненіи съ громадностью великаго зданія церкви, съ тѣми великими силами, которыя были употреблены

Богомъ и людьми для его построения, съ великими возможностями, которыя въ нее вложены.

Всего больше смиренія сохранили при себѣ эти люди; не того смиренія, которое уступаетъ, ибо любить и жалѣть; уступаетъ, но бережно и любовно ведетъ впередъ; а которое приспособляется и просить—дрожить и боится. Иногда самъ грѣхъ изумлялся и хотя съ надеждой, но тревожась совѣстью, спрашивалъ: такъ ли это? Можно ли это? И не малое число людей церкви съ готовностью говорило: это такъ, это можно; хотя чувствовало, что нельзя. И гнулись; гнулись до того, что чудесное знамя, съ которымъ они вышли, въ рукахъ многихъ почти перестало быть виднымъ, а стали ярко видны тѣ ползучія мысли, которыми они приспособляли его къ жизни; тѣ объясненія, которыми они оправдывали свое отступленіе; то содержаніе, которымъ они старались заполнить пустоту между ихъ дѣломъ и ихъ ученіемъ.

Поэтому и бываетъ, когда людей церкви, часто искренно вѣрующихъ, спрашиваютъ о Богѣ, слова о Немъ столь многихъ изъ нихъ такія отвлеченныя, ненужныя, такія надуманныя и ничего не доказывающія. И когда спрашиваютъ о чудѣ, они—принимающіе церковь, въ которой чудесно все отъ начала до конца, почти всякое дѣйствіе которой оправдывается только чудомъ,—они начинаютъ говорить, что чудеса были нужны въ исключительное время первыхъ дней христіанства, теперь же ихъ нѣтъ и не

должно быть. И когда ихъ спрашиваютъ о любви, они—не стыдятся своихъ дѣлъ и не стыдятся другихъ за ихъ дѣла—говорятъ: мы служимъ только любви, все ученіе наше говоритъ о ней; не стыдятся, не замѣчая, что уста ихъ давно уже сдѣлали малыми и незначительными великія слова о любви.

И когда имъ говорятъ, что Господь лишь страданія освящаетъ и къ нимъ лишь зоветъ, что Онъ радость взялъ изъ міра, цвѣты его уничтожилъ, потушилъ огни, стеръ краски;—они такъ часто ничего не отвѣчаютъ на эту тяжелую неправду. Они не говорятъ, что Господь зажегъ всѣ огни, принесъ всѣ цвѣты—и красоты, и радости, и свободы—безъ которыхъ лугъ жизни кажется блѣденъ и скученъ; Онъ вынулъ лишь жестокость изъ нихъ и вложилъ въ нихъ жалость; освѣтилъ лишь свѣтомъ вѣчнаго ихъ быстротечный и измѣнчивый ликъ.

„Не послалъ Богъ Сына Своего въ міръ, чтобы судить міръ, но чтобы міръ былъ спасенъ чрезъ Него“ (Іоан., III, 17), и не послалъ Богъ человѣка въ міръ, чтобы онъ проклялъ его, осудилъ, возненавидѣлъ созданное Богомъ, но чтобы благословилъ добро, какое въ немъ, и по мѣрѣ силъ, слѣдуя Господу, старался это добро увеличить.

Многіе изъ людей церкви забываютъ объ этомъ, чтобы принять это, надо повѣрить самымъ настоящимъ образомъ, что искупленіе совершилось, они же часто принимаютъ лишь слово о немъ.

III.

Въ заключеніе позволю себѣ нѣкоторое личное воспоминаніе. Года три назадъ, на Пасхѣ, мнѣ пришлось зайти къ большому священнику. Изъ Москвы или Саратова онъ пріѣхалъ на югъ отдохнуть, какъ онъ говорилъ, вѣрнѣе — умирать. Былъ онъ не старъ, вдовъ, бездѣтень и очень нервный. Любилъ говорить о религіозныхъ вопросахъ, но рассуждалъ о нихъ неспокойно, съ волненіемъ, съ горячностью, съ раздраженіемъ. Вѣрилъ глубоко.

На Страстной онъ бралъ изъ нашей церкви книги церковныхъ службъ этой недѣли и читалъ ихъ; теперь, по его просьбѣ, я несъ ему „Послѣдованіе во святую и великую недѣлю Пасхи“.

Былъ онъ уже очень плохъ здоровьемъ и сильно тѣмъ-то возбужденъ. — Прочитайте мнѣ, — сказалъ онъ, — слово Іоанна Златоуста. — Думаю, что очень многіе знаютъ это „Слово“, читаемое въ концѣ пасхальной утрени; для незнающихъ скажу лишь, что оно призываетъ вѣрующихъ къ радости и восторгу по случаю Христова воскресенія.

Я сталъ читать. Священникъ лежалъ, закрывъ глаза; но видно было, что не пропускалъ ни одного слова, ибо при нѣкоторыхъ словахъ какъ будто судорога пробѣгала у него по лицу. Когда я кончилъ, и онъ открылъ глаза, въ нихъ были слезы.

— Боже мой! — сказалъ онъ, — какія слова, какія стремительныя, поднимающія духъ, слова! И онъ зачиталъ вслухъ:

„... Тѣмъ же убо видите вси въ радость Господа своего... Богати и убози другъ со другомъ ликуйте. Воздержницы и лѣнiviи день почитите. Постившіеся и непостившіеся возвеселитесь днесь... Все насладитесь пира вѣры, вси воспримите богатство благодати. Никто же да рыдаетъ убожества, явился бо общее царство. Никто же да плачетъ прегрѣшеній, прощеніе бо отъ гроба возсія. Никто же да убоятся смерти, свобода бо насъ Спасова смерть... Гдѣ твое, смерти, жало; гдѣ твоя, аде, побѣда; воскресе Христось, и ты низвергся еси. Воскресе Христось, и падоша демони. Воскресе Христось, и радуются ангели. Воскресе Христось, и жизнь жителъствуетъ. Воскресе Христось, и мертвыи ни единъ во гробѣ“...

Читалъ священникъ въ какомъ-то экстазѣ, я бы сказалъ — горькомъ, по временамъ кашлялъ, и было тяжело, больно на него смотрѣть.

— Вы знаете, — сказалъ онъ, — я всегда плакалъ, когда въ церкви читалъ эти слова. Отъ восторга плакалъ, меня охватывалъ трепетъ радости, силы, счастья. А потомъ, когда ближе увидалъ жизнь, и, должно-быть, самъ измучился этой болѣзнью, я сталъ бояться этихъ словъ... — Онъ заворочался на кровати, досталъ платокъ и вытеръ съ лица потъ. — Я боюсь великаго смысла этихъ словъ. Подумайте, такія

слова, такая радость и, Господи, какое около них опустошеніе... Сразу за ними, рядомъ съ ними, эта жизнь—пьянство, публичные дома, бѣдность, нищета, жестокость, горе, смерть. Гдѣ же побѣда надъ адомъ, гдѣ же побѣда надъ смертію?—Онъ смотрѣлъ большими, блестящими глазами и повторялъ:—Сколько людямъ надо сдѣлать, какъ измѣниться, чтобы такія слова не висѣли въ воздухѣ! О, когда же мы будемъ читать ихъ съ неомраченнымъ восторгомъ, отдавшись ихъ смыслу всей душой, не стыдяся, не боясь, что святые сойдутъ съ иконъ и погонять насъ изъ храма?

Не знаю, что сказалъ бы этотъ священникъ потомъ, когда рядомъ съ великими христіанскими словами стоятъ уже не пьянство только и развратъ, а со всѣхъ сторонъ стала уничтожаться человѣческая жизнь, не знаю, что сказалъ бы, ибо онъ тогда же умеръ. Но, въ самомъ дѣлѣ, вотъ слова, восторгъ которыхъ весь вышелъ изъ христіанства, изъ убѣжденія, что Христосъ воскресъ и искупленіе совершилось. Отъ полноты признанія этой истины не поработаются грѣхомъ, ибо прощеніе возсіяло отъ Господня гроба, не боятся смерти, ибо освободила насъ Спасова смерть; отъ полноты ея всѣхъ прощаютъ, всѣхъ любятъ, всѣхъ зовутъ къ радости. И не уйдетъ человѣкъ изъ міра съ такимъ настроеніемъ, не смирится передъ зломъ, но ринется на борьбу съ нимъ и на созиданіе добра, какъ сдѣлалъ это авторъ Слова.

Онъ оправдываетъ жизнью великія слова, которыми повѣрилъ; иссѣчетъ ихъ рѣзцомъ смѣлыхъ, самоотверженныхъ, великодушныхъ дѣлъ и поставитъ ярко передъ сознаніемъ людей; чтобы жгли они души, обвиняя и раздражая, или уча и вдохновляя, но не били бы воздухъ, какъ это часто бываетъ теперь; чтобы и равнодушные изъ людей почувствовали возможность и реальность ихъ, всю ихъ глубокую и нужную для земли правду.

Люди церкви, вѣруя въ воскресеніе, признавая совершившееся искупленіе, должны воспринять эту истину знаніемъ, душой, жизнью; устремить на ея пониманіе, на работу около нея, не меньше силъ и вниманія, чѣмъ было ихъ устремлено на смерть Господа; въ духѣ этой истины воспитывать новыхъ людей, устраивать личную и общественную жизнь. Согрѣваемые, одушевляемые близостью къ Богу, оживляемые усиленіемъ воли къ ярко видимой, прекрасной, притягательной цѣли, уже ощущающе въ себѣ конечную побѣду добра,—они должны имѣть разумную, благородную, терпимую, дѣятельную душу, какъ тѣ, которые знаютъ, что они любимы, спасены, искуплены Богомъ. Люди устали страдать, устали бѣдствовать. Они рвутся къ счастью, къ радости; они хотятъ справедливой, праведной, радостной жизни. И это хорошо, что они ищутъ радости. Въ этой жаждѣ счастья и радости чувствуется жажда увидѣть, наконецъ, осуществленной вѣру въ воскресшаго Бога,

стремленіе жить въ атмосферѣ любимыхъ и искупленныхъ Богомъ.

Только бы знали, только бы видѣли люди, что радость есть въ церкви; что воля Божія о людяхъ, воля Христова о нихъ есть та, чтобы они стали мудры, радостны, счастливы здѣсь, блаженны тамъ.

И когда люди принесутъ сюда бодрость, когда о тѣхъ, кто идетъ впередъ, о людяхъ инициативы и благороднаго труда на общее благо, будутъ говорить, что они совоскресаютъ Господу, какъ говорили о людяхъ печали, что Ему сораспинаются; когда объединятся около Воскресшаго, какъ объединились около Распятаго, тогда церковь снова возродится. Кто повѣритъ въ совершившееся искупленіе до мученичества, до пророческаго вдохновенія, до чуда, тотъ возродитъ вѣру въ Бога, въ человѣка и въ церковь; тотъ, думается, будетъ въ состояніи устроить и счастье земли.

Современныя думы.

I.

Вопросъ не въ томъ—улучшать или не улучшать обрядъ, объяснять или не объяснять его значеніе, совершать ли богослуженіе „истово“, или совершать его иначе. Все это вопросы нужные и обсуждать ихъ необходимо; но это вопросы прошедшаго и, можетъ-быть, — кто знаетъ—будущаго времени. Главный же вопросъ настоящаго времени въ томъ, что нельзя смотрѣть исключительно на обрядъ, когда мы говоримъ о церковныхъ реформахъ; но, желая реформъ, мы должны оторвать отъ обряда свой взглядъ и смотрѣть на Того, Кто создалъ Церковь, и на того, ради кого она создана.

Многое, что говорить въ похвалу обряда, можетъ находить благодарный и сочувственный отвѣтъ въ душахъ людей разныхъ возрѣній. Думается, что великое значеніе обряда въ нашей жизни еще и теперь не оцѣнено надлежащимъ, справедливымъ образомъ.

Обрядъ долгое время велъ за представителей церкви почти все ихъ дѣло и дѣлалъ его хо-

рошо. Въ то время какъ мы, не согрѣтые огнемъ вѣры, малодушно или равнодушно молчали, обрядъ говорилъ за насъ. Только всматриваясь въ обрядъ, только вслушиваясь въ то, во что въ немъ было можно вслушиваться, только вдумываясь въ него,—часто лишь этимъ путемъ человѣкъ доходилъ до ученія Христа и согрѣвалъ имъ свою душу. Онъ любилъ обрядъ, ибо чувствовалъ за нимъ духъ, создавшій его и его оживляющій; подвижниковъ чувствовалъ за нимъ, вдохновенныхъ служителей Бога. Обрядъ былъ „святымъ мѣстомъ“, гдѣ человѣкъ достигаетъ Бога, гдѣ Богъ касается человѣка. И человѣкъ видѣлъ, что бьется и горитъ около обряда, внутри его любящее, правдивое сердце святыхъ, что оживляетъ его высокая творческая мысль ихъ, что въ немъ чувствуется воля, направленная къ утвержденію добра на землѣ. И видѣлъ онъ, что тутъ Богъ отвѣчаетъ на стремленіе, на призывъ человѣка; отвѣчаетъ на вздохъ молитвы, на глубокое чувство, прозвучавшее въ церковной мелодіи, на слова поэта, сказанныя въ церковной пѣснѣ, на святыхъ мечты, на образы художника, которые онъ запечатлѣлъ въ иконѣ. Обрядъ училъ миропониманію и училъ нравственности; онъ проповѣдывалъ, обличалъ, утѣшалъ, смягчалъ озлобленныхъ, укрѣплялъ смиренныхъ.

Долгое время русскій человѣкъ былъ нераздѣленъ душой со своими церквами. Крестъ, сіявшій на церкви, былъ лучшей, наиболѣе

высокой и чтимой его красотой. Былъ онъ, какъ свѣча, зажженная подъ небомъ въ честь идеального, къ которому стремилась душа человѣка, въ честь правды, которой на землѣ онъ видѣлъ такъ мало, въ честь той жалости, той ласки жизни, въ которой ему нерѣдко отказывали здѣсь, но по которой тосковалъ, которую страстно искалъ онъ на небѣ. Весь онъ былъ обвѣянъ поэзіей небольшихъ церквей своихъ, думалъ мыслями, которыя шли отсюда, мечталъ подъ напѣвы пѣсенъ церковныхъ; со Христомъ страдалъ онъ, волнуясь тихой, весенней печалью Страстной недѣли, и съ Нимъ воскресалъ, радуясь свѣтлому, ясному торжеству пасхальной ночи.

И очень многое изъ того, передъ чѣмъ умиляется наша душа, о чемъ жалѣеть, тревожась, сердце, видя, какъ это уходитъ въ область невозвратно минувшаго, — тихое, кроткое, ласковое, наивное, доврчивое — многое изъ этого вышло отъ обряда церкви и уходитъ вмѣстѣ съ паденіемъ вѣры въ него. Святая Русь, которая идетъ навстрѣчу Христу въ картинѣ Нестерова; Русь, о которой поэтъ писалъ, что ее исходитъ, благословляя, Самъ Господь; та Русь, которая дала такъ много высокихъ по своей нравственной красотѣ людей,—она, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ вышла изъ обряда церкви. И, конечно, есть глубокое недоразумѣніе, какая-то большая ошибка жизни въ томъ, что Толстой—какъ всѣ мы читали—считаетъ себя

счастливымъ умереть съ вѣрой въ эту святую Русь, не замѣчая, что никто другой не нанесъ ей столько сильныхъ и разрушительныхъ ударовъ, какъ онъ, жестоко нападавшій на церкви и обряды ея.

Но чѣмъ больше мы признаемъ пользу и важность обряда, тѣмъ сильнѣе должны сказать, что необходимо оторвать отъ обряда пристально устремленный на него взглядъ нашъ. Не обрядъ, но этотъ неотступный, этотъ упорный, неостривающійся взглядъ на него приносить намъ зло. Мы повернулись къ обряду всѣмъ лицомъ, на него только смотримъ, и оставляемъ въ тѣни площадь гораздо большаго объема, болѣе важнаго значенія, чѣмъ обрядъ.

Сила обряда имѣетъ свои границы; онъ дать, сколько могъ, и дать еще много, но онъ не можетъ дать сверхъ силъ своихъ. Идя старымъ путемъ, упорно продолжая надѣяться на обрядъ, мы обезсилимъ его: въ немъ перестанутъ видѣть то хорошее, чего не видѣть нельзя; доведемъ до того, какъ уже и довели, что обрядъ будетъ неважнѣе для многихъ.

И жалѣя, оберегая его, мы должны сказать: не убивайте обряда усиленной охраной, чрезмѣрной о немъ заботой, не налагайте на него бремена, повести которыхъ онъ не въ силахъ.

Душа народа встревожена глубоко и сильно. Волна новыхъ мыслей нахлынула разомъ ошеломляющимъ потокомъ. Она сломила многія души, придавила другихъ, но и затронула гла-

боку, и приподняла, и вдохновила очень многихъ. Она прошла, стала какъ-будто спокойнѣе. Но люди не перестали жить.

Теперь, въ это сравнительно глухое время, мысль народа осмысливаетъ то новое, что вошло въ его душу; все перерабатываетъ, ко всему приглядывается, все наблюдаетъ, многое сравниваетъ. Идетъ упорная, сильная работа.

Смотрите на это обиліе въ послѣднее время дикихъ, ужасающихъ по своей жестокости преступленій среди народа. Какъ пузыри надъ глубокимъ омутомъ, они показываютъ, что тяжело и трудно что-то бродить на дѣбъ.

Оторвавшіеся отъ единственно знакомой имъ почвы церковно-обрядовой морали, люди вышли на старую, давно, казалось, пройденную, давно забытую дорогу звѣрей.

Но другіе, лучшіе, отвѣдя отъ обряда свои взоры, начинаютъ упорно вглядываться въ то, чѣмъ обрядъ живъ.

И прежде человѣкъ покидалъ иногда родную, съ дѣтства знакомую церковь и шелъ отыскать и поклониться иному храму, тоже православному, Тому же Христу посвященному, но гдѣ человѣкъ, не обрядъ, стоитъ непосредственно передъ Богомъ; гдѣ праведникъ, воспринявъ обрядъ, поднимается надъ нимъ, и его подвиги, страданія, вѣра, доходящая до чуда, говорятъ съ очевидностью всѣмъ, что живъ Богъ и жива человѣческая душа и только ими живетъ мертвый обрядъ.

Теперь же больше, чѣмъ тогда, человѣкъ ищетъ взглянуть прямо въ очи Бога, ощутить Его душой, почувствовать, какъ родную себѣ, хотя и бесконечно высокую личность.

И на насъ смотритъ человѣкъ вопрошающими глазами; хотеть вѣрить намъ, еще ждетъ, нѣтъ ли у насъ мысли ясной, которая освѣтила бы затянувшееся туманомъ небо жизни людей; не у насъ ли сострадающее лицо Бога, могущаго вывести къ счастью и радости; не у насъ ли правда, которой бы можно повѣрить, не боясь, что она предастъ и обманетъ.

Но находятъ часто только обрядъ. И утомленіе ложится на лицо человѣка; отчаяніе овладѣваетъ многими; презрѣніе и злоба складываются въ душахъ иныхъ. И уже поворачиваются многіе изъ усердно чтившихъ святыни наши и уходятъ отъ насъ, гнѣвные, грозящіе мстить за прежнюю вѣру свою.

II.

Лицо міра не все обращено къ человѣку. Хотя за человѣка была проклята земля (Быт. III, 17), но раньше человѣка началось бытіе ея, и она жила до человѣка, осуществляя особую, невѣдомую человѣку, творческую, Божію мысль. И о сотворенномъ мірѣ Богъ сказалъ, что онъ хорошъ, и о твари, его населившей, что она хороша,—сказалъ тогда, когда не существовалъ

человѣкъ. Очевидно, міръ несетъ въ себѣ мысль, которую человѣкъ не можетъ взять всецѣло въ себя, особья стороны бытія, которыя не онъ поведетъ съ собою къ Богу.

Но въ томъ, что въ мірѣ обращено къ человѣку, и въ томъ, что онъ видитъ въ себѣ самомъ, главное, какъ кажется, есть жизнь и смерть. Жизнь видится какъ добро и счастье, смерть—какъ зло и несчастье.

Можетъ-быть, низшая природа не знаетъ смерти, какъ яснаго страданія. Мало сознанія, мало и боли. И гдѣ здѣсь рожденіе, гдѣ смерть?

Но и тутъ человѣку какъ-будто видится различіе между тѣмъ, что есть жизнь и радость, и между тѣмъ, что есть смерть и страданіе. „Только что по проталинкамъ весеннимъ показались ранніе цвѣточки... вылетаетъ первая пчелка. Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ о красной веснѣ развѣдать: скоро ли луга зазеленѣютъ, распусятъ клейкіе листочки, зацвѣтетъ черемуха душиста?“ Вотъ эта новая весенняя жизнь, клейкіе листочки, ростъ травъ, краски и благоуханіе цвѣтовъ, колыханье зеленѣющихъ деревьевъ,—это всегда и всѣми признается инстинктивно какъ жизнь, какъ радость бытія.

Для міра живыхъ тварей смерть уже страшна, какъ тяжелое страданіе, какъ уничтоженіе одинъ разъ въ извѣстномъ пунктѣ времени и пространства собраннаго бытія, никогда уже не повторимаго больше. Для человѣка смерть нестерпима: она страшитъ полнымъ уничтоже-

нием самаго важнаго, самаго центрального въ немъ.

Жизнь есть то, что имѣеть право жить, что, видимо, благословляется и воспринимается Богомъ. Жизнь есть должное, смерть—не нужное.

Въ мірѣ человѣческомъ жизнь есть, прежде всего, размноженіе, какъ и въ мірѣ тварей, низшихъ человѣка, но уже воспринятое человѣческимъ разумомъ, человѣческимъ сердцемъ, окруженное искусствомъ, поэзіей; это ласка, жалость къ другому, забота о немъ, помощь ему; это мысль человѣка, идущая къ истинѣ, его алканіе правды, порывъ къ вѣчному, неуклонное движеніе впередъ,—это лицо человѣка, обращенное къ Богу. Жизни противоположны смерть и все, что ее окружаетъ: разложеніе, уничтоженіе, болѣзнь, себялюбіе, вражда, жестокость.

Жизнью глядять природа въ лицо человѣку съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ ее, смертью, чтобы отвергъ ее; жизнью и радостью глядять человѣкъ въ лицо Бога, чтобы Богъ воспринялъ ихъ, смертью и зломъ, чтобы помогъ ихъ уничтожить.

Смотрите, какъ человѣку все понятно въ жизни и какъ ему непонятна смерть; какъ понятна и естественна радость и счастье, какъ неестественны болѣзнь, горе, страданіе. Они чувствуются, какъ несправедливое, ненужное, злое дѣло, всегда случайное, легко, казалось бы, устранимое.

Жизнью, размышленіемъ, счастіемъ, красками, цвѣтами—міръ говоритъ человѣку: возьми меня. И человѣку понятно: это радость бытія, молитва Кому-то. Онъ чувствуетъ, что это можетъ взять, что это Божье, безгрѣшное, угодное Богу.

И небо неисчислимыми очами глядять и говорить ему: здѣсь совершается великая тайна. Человѣкъ не знаетъ, въ чемъ она; къ кому-то другому она обращена больше, чѣмъ къ нему; но въ томъ, что въ небѣ обращено къ нему, онъ чувствуетъ, что это есть тайна жизни, иной и большей, чѣмъ его собственная; съ чѣмъ-то невѣдомымъ и великимъ, но живымъ, она связываетъ и роднитъ его.

Но вотъ міръ смотритъ на него страданіями тварей своихъ, ихъ болѣзнями, враждой, озлобленіемъ, смертью, и человѣку это непонятно, это скорбно. Онъ чувствуетъ инстинктивно: это не надо, это не настоящее, злое, это не отъ Бога. И уже страданіями и горемъ жизнь не говоритъ: возьми меня, но: помоги мнѣ, избавь меня отъ нихъ. И тогда человѣкъ не видитъ въ ней святого, добраго, благословеннаго Богомъ; напротивъ, чувствуетъ другое: печаль природы, какое-то мученіе ея, просьбу о помощи. Она нѣма, но какъ ощутительна. Кто не видалъ печали въ глазахъ животныхъ, которыхъ убиваютъ, изнуряютъ тяжелымъ, непосильнымъ трудомъ? Они, какъ больныя дѣти, просятъ о помощи скорбно, тяжело, горестно,

не зная о своихъ страданіяхъ: откуда, зачѣмъ они? Человѣкъ признаеть это мученіе тварей, чувствуетъ въ немъ свою вину; какъ-то смутно общить его со своими страданіями, со страданіями и неустройствомъ всего міра. „Вся тварь (съ нами) совоздыхаетъ и соболѣзнуеть даже до нынѣ (Рим. VIII, 22)“. И хотя онъ можетъ потомъ притушить остроту своего сострадающаго тварямъ, взволнованнаго чувства, забиться, затянуть боль сердца пластыремъ какого-нибудь софизма, наконецъ, можетъ стать къ горю жизни ихъ жестокииъ и равнодушнымъ, но ему всегда трудно признать, что это хорошее, что это Божье дѣло.

И самъ человѣкъ смотритъ въ лицо Бога своей жизнью и тѣмъ, что въ ней есть добраго, и говоритъ: помоги мнѣ удержать это примѣнь, помоги сохранить; я знаю, что въ этомъ мое спасеніе. И смотритъ грѣхонъ своимъ, зломъ, смертью и умоляетъ; отъ этого избавь меня, Боже мой! Эта просьба человѣка не какъ просьба природы низшей и тварей ея; она не пѣма, но слышна всѣмъ, ибо говорится громко и ясно; сознательна, но столь же, какъ та, постоянна. Это молитва всѣхъ религій—молитва о добрѣ, о счастьи, о жизни,

Кажется, что и Господь своей жизнью и своей смертью оправдалъ это сознаніе людей о торжествѣ жизни и добра съ одной стороны, смерти и зла—съ другой.

III.

Впрочемъ, въ настоящее время настойчиво утверждаютъ другое. Говорятъ именно, что Господь и Самъ любилъ и людей научилъ любить не радость и жизнь, но страданія и смерть; что, по крайней мѣрѣ, земную смерть онъ считалъ благомъ, а земную жизнь—зломъ.

Откуда идутъ эти мысли?

Послѣ паденія человѣка что-то неладное вошло въ міръ. Добро и зло сплелись другъ съ другомъ, стали другъ другу близки; зло окружило радость, красоту, рожденіе, и добро обнимаетъ горе, страданіе, смерть.

Добро вошло въ смерть, и въ рожденіе и жизнь вошло зло. И когда говоримъ о жизни и смерти, когда размышляемъ объ отношеніи къ нимъ Господа, мы должны отъ смерти отдѣлать то, что есть въ ней добраго, и отъ жизни, что есть злого въ ней.

Добро вошло въ нашу смерть. Люди не рѣдко берутъ страданія и смерть добровольно: одни, чтобы себя избавить отъ невыносимой тяготы жизни, другіе — въ надеждѣ дать черезъ нихъ радость и жизнь своимъ ближнимъ. Тогда смерть окрашивается красивыми, влекущими, какъ бы радостными цвѣтами. Но злой сущности смерти они никогда не измѣняютъ. Улыбка, которой мученикъ улыбался среди тяжелыхъ страданій, есть улыбка не боли. Тутъ зло физическаго страданія притушено высокииъ подвѣ-

момъ восторженнаго духа, — и развѣ это значить, что страданія, что боль ихъ, есть добро и радость?

И о рожденіи, о дѣторожденіи, какъ скажемъ: оно есть только добро, или: оно есть только зло?

„Въ болѣзни будешь рождать дѣтей (Быт. 1, 16)“—это есть наказаніе Божіе, этого не должно быть при нерастроенномъ, божественномъ порядкѣ міра. Страданія женщинъ при рожденіи дѣтей, частыя смерти ихъ при этомъ—молодыхъ, здоровыхъ и счастливыхъ,—какое это большое зло, тяжелое для сердца, непонятное мысли. И похоть, о которой св. писаніе говорить, какъ о началѣ грѣховномъ, въ ней, несомнѣнно, есть нѣчто грѣховное. Есть въ дѣторожденіи святое и чистое, но есть и грѣховное. Часто мало замѣтное, иногда оно переходитъ въ явно грѣховное, въ грубо чувственное; въ дѣйствія, мысли и чувства, въ которыхъ добро, радость и жизнь оскорбляются зломъ, страданіемъ и смертью. Наша литература послѣдняго времени, отличающаяся извѣстнымъ особымъ характеромъ, отстаиваетъ именно господство горя надъ радостью. Любовь Санина есть не человѣческая, а злая, паучья любовь, возстаніе смерти на радость жизни, на чистоту ея, на жизнь.

Все это слѣдуетъ имѣть въ виду и тогда, когда говоримъ объ отношеніи къ жизни и смерти нашего Спасителя. Мы вѣруемъ, что смерть Господа принесла міру великое благо,

но для Него была ли она добромъ? Мы вспоминаемъ; Христосъ есть побѣдитель смерти. Побѣдитель? Слѣдовательно, смерть есть то, съ чѣмъ надо бороться, съ чѣмъ боролся и Господь. Страдалъ ли Христосъ при смерти, отъ смерти? Страдалъ: „Отче! о, если бы Ты благоволилъ пронести чашу сію мимо Меня. (Лук. XXII, 42)“.

Оплакиваемъ ли Его смерть, какъ несчастіе, какъ горе, какъ зло? Оплакиваемъ. Содрогнулась отъ ужаса природа, когда Онъ умиралъ: „ужасеся земля, и солнце Спасе скрыся, Тебѣ невечернему Свѣту Христе, зашедшу во гробъ плотски“. И рыдая, горько плакала Мать Его: „Увы мнѣ, Свѣте міра! Увы мнѣ, Свѣте мой!.. О, Божій Слове! О радости моя! како претерплю тридневное Твое погребеніе?.. О горы и холми, и человѣковъ множества, восплачтитеся, и вся рыдайте со Мною, Бога вашего Матерію (изъ службы въ Великую субботу)“. Рыдаетъ Мать, и вмѣстѣ съ Нею, сострада Ему и Ея, плачемъ мы.

Негодуюемъ ли мы на тѣхъ, кто предать Его на смерть? Негодуюемъ. Иуда—предатель, имъ гнушаемся. И самъ онъ призналъ: „согрѣшилъ я, предавъ кровь невинную (Мате. XXVII, 4)“. Умывшего руки Пилата презираемъ. Многимъ другимъ прощаемъ, но лишь за слово Самого пострадавшаго: „Отче! прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ (Лук. XXIII, 34)“.

Но если предстоявшая Христу чаша была

добрѣмъ, то какъ Онъ могъ молить Отца избавить Его отъ нея? И если смерть Его была добрѣмъ, то почему негодуемъ, зачѣмъ оплакиваемъ, отчего печалимся?

Нѣтъ, Христова смерть была дѣломъ великаго добра, великой жалости къ людямъ, ко всему міру, но страданія смерти были страданіемъ, зломъ и для Него; и мучительное чувство ухода души отъ тѣла, мучительное для всѣхъ, было мучительно и для Него, „Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставилъ (Мр. XV, 34)“? Это слова не радости отъ страданія, но мученія отъ него; слова, признающія страданія и смерть горемъ, несчастіемъ, областью, гдѣ Богъ покидаетъ. Это не отъ Бога.

„Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой (Лук. XXIII, 46)!“ Вотъ слова, обращенныя къ Богу отъ того въ Немъ, что не хотѣло подчиниться смерти, воспринять смерть. То, что въ этой смерти шло отъ Него, это было добро; то, что въ ней шло отъ людей, отъ діавола, это было зло. Отъ него шло желаніе добра людямъ, желаніе избавить ихъ отъ смерти, Его хотѣніе, Его воля дать міру жизнь и радость. Отъ людей же грѣха и отъ діавола шло желаніе убить добро и учителя добра, причинить Ему страданіе, дать міру смерть и страданіе. „Исуса Назаряя... Сего вы убили, но *Богъ* воскресилъ Его (Дѣян. II, 22—24)“.

Онъ воспринялъ смерть, чтобы чрезъ нее дать жизнь. „Смертлю смерть поправъ“... то-есть до-

бровольностью смерти, „подвигомъ смертнымъ“, пройдя „путь смертный“, Онъ далъ міру жизнь. Какъ смерть, которая есть немощь, страданіе, уничтоженіе, какъ она можетъ дать жизнь? Правда, посѣянное зерно даетъ новую жизнь не раньше, какъ начнетъ умирать. „Безразсудный! то, что ты сѣешь, не оживетъ, если не умретъ (I Коринѣ. XV, 36)“. Но новую жизнь зерну даетъ не то въ немъ, что уничтожается, что уничтожено, а то живое въ немъ, что осталось живымъ и въ гніеніи. И это живое, воспринявъ въ себя, что можно изъ окружающей среды, даетъ ростокъ, родитъ новую жизнь. „Когда ты сѣешь, то сѣешь... голое зерно, какое случится... но Богъ даетъ ему тѣло, какъ хочешь, и каждому сѣмени свое тѣло (I Кор. XV, 37, 38)“.

Такъ, не смерть, какъ таковая, дала міру жизнь, но Самъ Христосъ, но то, что и въ смерти Его было живымъ и безсмертнымъ: Его духъ, не отдѣлившійся отъ Духа Божія и въ смерти, Его сердце, не переставшее любить міръ и въ страданіи, Его воля, которая шла неуклонно исполнить Божию волю о спасеніи міра и человѣка. Это вѣчно въ Немъ, взявъ смерть, отвергло ее для Себя, для людей и для міра.

Его смерть спасительна, потому что Онъ захотѣлъ спасти человѣка; Его страданія есть добро, потому что это страданія не отчаянія, но мужества, страданія и смерть, въ которыхъ не

прекращалась, не умирала воля къ жизни. „Его истощаніе было снисхожденіемъ Его милосердія, а не недостаткомъ могущества (слова Св. Льва, папы римскаго)“.

Онъ взялъ смерть, какъ „оброкъ“ грѣха, какъ то, что надо уничтожить; принявъ смерть, какъ болѣзнь, какъ страданіе. Но взялъ ихъ, не дѣлая и на минуту началомъ Своей жизни. Господь нигдѣ и никогда не воспринялъ смерть, какъ начало, какъ принципъ Своей жизни, Своего дѣла. Какъ принципъ, Онъ всегда ее отвергалъ, отвращаясь отъ нея. Потому Онъ и остался чистъ отъ грѣха и зла.

Это такъ и восприняли христіане отъ Господа. Прекрасны печаль и страданія великихъ умовъ и сердець великихъ аскетовъ, плачь ихъ о грѣхахъ, но только какъ великая тоска по добру, по радости, какъ великое стремленіе овладѣть радостью. „Воскреснутъ мертвіи, возстанутъ иже во гробѣхъ, и возвеселятся иже на земли (изъ канона св. великомученика Θεодора)“ — вотъ вѣра, одушевляющая и христіанскихъ мучениковъ. И бѣдныя ризы, которыя мы одѣваемъ при погребеніи, это не радость о смерти, но вызовъ ей, напоминаніе о побѣдѣ надъ ней.

Принципъ бытія для Господа всегда былъ жизнь и радость, принципъ добра.

Относительно рожденія слѣдуетъ разсуждать, какъ о смерти. Господь воспринялъ дѣторожденіе одобреніемъ того, что въ немъ есть хорошаго. Онъ съ сочувствіемъ говоритъ о радости

родившей матери: „женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человекъ въ міръ (Іоан. XVI, 21)“.

Указавъ на этотъ примѣръ, Господь утѣшаетъ затѣмъ учениковъ, выразительно утверждая, что печали не должно быть, а должна быть радость: „такъ и вы теперь имѣете печаль; но Я увижу васъ опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отниметъ у васъ (стр. 22)“.

IV.

Кажется потому, что не раздѣляютъ въ смерти Господа Его служенія жизни отъ самой смерти,—именно поэтому нѣкоторые думаютъ, будто Господь считалъ жизнь зломъ, а смерть добромъ.

Господь ушелъ изъ міра, и человекъ спѣшилъ пойти за Нимъ, торопливо отбывая земную жизнь, какъ неизбежную, но тоскливую и докучную повинность, забывая, что Господь взялъ смерть, какъ средство, чтобы спасти жизнь.

Жизнь земли манила человека, настойчиво удерживала его при себѣ. Земныя привязанности успокаивали его больное сердце; искусство, поэзія, наука давали минуты чистой и

вышей радости; земная любовь сообщала смѣлость и силу душѣ, влекла къ себѣ почти неодолимо. Но человѣкъ неотступно смотрѣлъ на Распятіе и отодвигалъ то, что ему мѣшало видѣть смерть и небо; отодвигалъ, какъ зло, все, что было вокругъ, отрывалъ отъ него сердце, иногда причиняя себѣ „кровотокація“ раны; сурово, даже жестоко, устранялъ людей, мѣшавшихъ ему идти по избранной имъ дорогѣ. Стало казаться, что истинная жизнь была только около смерти, что только печаль законна, что лишь страданіе есть добро. И человѣкъ понесъ къ смерти все: молитвы, надежды, дѣла; здѣсь нашелъ чуть не весь смыслъ своей вѣры.

И радость, здоровье, жизнь земли мало-помалу остались внѣ круга, который могъ видѣть глазъ, упорно устремленный на смерть. И они стали отходить въ сторону не только съ тѣмъ, что было въ нихъ зло, но и съ тѣмъ, что было въ нихъ добро—оскорбленные и униженные.

Они отходили отъ религіозной души, какъ нѣчто враждебное и неприемлемое ею. Самые мудрые, самые сильные, самые твердые бѣжали отъ жизни. Казалось, жизнью могутъ пользоваться только недостаточно умные — такъ думали мудрые; только невѣрующіе—такъ думали вѣрующіе; только грѣшныя и развратныя — такъ думали добродѣтельные.

Около же смерти все ожило, все заговорило, все закипѣло. Мысль о ней напитали всѣмъ, что было у человѣка лучшаго; все побросали

въ этотъ огонь, который зажегся около смерти. И онъ сталъ громаднымъ пламенемъ, и его яркіе языки окрасили зловѣщимъ свѣтомъ всю жизнь, все ближніе и дальніе углы ея.

Литература, искусство, наука, чувства дружбы, родства, вся жизнь земли стала цѣниться лишь постольку, поскольку служила смерти; тамъ же, гдѣ они звали къ радости о жизни, о землѣ, о человѣкѣ, — они отрицались или допускались, но лишь какъ неизбежное зло. Пришли мысли, что Господь и міръ, Имъ созданный, не могутъ жить вмѣстѣ: надо было или урѣзать земную жизнь, лишивъ ее тепла, солнца и радости, или, оставивъ ихъ, сузить дѣло Господа до проповѣди только труждающимся и обремененнымъ. И когда думали, что жизнь земли должна быть религіозна, то многіе представляли ее какъ монастырь, и людей—какъ безплотныхъ и безкровныхъ существъ; полагали, что тогда должны погаснуть ея разнообразіе и роскошь, замолкнуть на ней звуки, кромѣ колокольнаго звона, исчезнуть запахи, кромѣ запаха ладана, что завянуть цвѣты, кромѣ тѣхъ, которыми украшаютъ могилы; литература будетъ сплошь аскетической, музыка только церковной.

Впрочемъ, все это достаточно разъяснялось въ послѣднее время съ разныхъ сторонъ. Только не было указано, что, отвергнувъ міръ земли и то, что онъ даетъ человѣку, многіе изъ людей церкви обезцѣнили и самого человѣка, не одно лишь тѣло его, но и душу.

Человѣкъ живетъ въ этомъ мірѣ; онъ связанъ съ нимъ тончайшими нитями, связанъ столь крѣпко и многообразно, что нѣтъ возможности указать, гдѣ въ немъ кончается „этотъ міръ“ и гдѣ начинается то, что должно быть воспринято небомъ.

Найдя, что земное въ человѣкѣ враждебно небу, но не въ состояніи отдѣлится отъ небснаго въ немъ, мы признали, наконецъ, что враждебенъ Богу, малоцѣненъ для Него и весь человѣкъ.

Смотрите, какъ мы, вѣрующіе во Христа, признающіе жизнь лишь въ этой вѣрѣ, вѣ же ея смерть, — какъ мы равнодушны, какъ безжалостны къ людямъ, уходящимъ отъ нашей вѣры и церкви.

Вотъ уходитъ отъ нашей церкви, полагаемъ что и отъ Христа, почти вся наша такъ-называемая интеллигенція. И когда видимъ это, мы говоримъ: это ничего; интеллигенція наша давно нерусская и неправославная; она давно отдѣлилась отъ народа. И помнится, одинъ епископъ, уже умершій, хорошей и почтенный человѣкъ, запретилъ духовенству своей епархіи употреблять въ официальныхъ бумагахъ самое слово интеллигенція. Человѣкъ долженъ имѣть Бога въ разумѣ, разъяснять онъ, интеллигенція же означаетъ людей, которые разумъ ставятъ выше Бога.

Запрещая употреблять слова, отъ фактовъ мы отворачиваемся, говоря самонадѣянно: пусть

уходить интеллигенція, у насъ останется народъ. Можетъ-быть это будетъ даже лучше для церкви: когда поле очищено отъ сорныхъ травъ, тогда буйно поднимаются и полновѣсными выходятъ полезные злаки.

Но сотнями и тысячами сталъ уходить отъ церкви и вѣры народъ. Тогда говоримъ: это уходятъ рабочіе, фабричные, это оторвавшійся отъ земли, испорченный классъ. И когда уходятъ крестьяне, то говоримъ: это уходятъ худшіе „крамольные“ элементы. И когда уходятъ вездѣ и всюду, уходятъ легко и свободно, часто безъ душевной борьбы, безъ тоски, безъ ужаса, — тогда говоримъ: это уходятъ люди, которые имѣютъ злую волю. „Теперь люди отворачиваются отъ церкви потому, что они стали злы и безчестны... Теперь люди, какъ книжники и фарисеи, противятся Спасителю, противятся церкви потому, что въ нихъ развились злыя чувства“ — такъ сравнительно недавно говорилъ на торжественномъ собраніи одинъ изъ видныхъ епископовъ нашихъ.

Но куда уходятъ и что, уходя, покидаютъ?

Уходя изъ церкви и отъ Христа, мы вѣримъ — они уходятъ изъ того пространства, которое освѣщено Божіей мыслью; дѣлаются чуждыми благодатной силѣ, которая ведетъ смутныя толпы людей чрезъ необозримыя поля вѣковъ къ еще неясному, но великому свѣту, которая звѣрей хочетъ сдѣлать людьми, ангелами, подобными Богу. Они живутъ, не поддерживае-

мые волей молитвъ подвижниковъ, разобщаются отъ крови мучениковъ, отъ крови, пролитой Христомъ.

Какою скорбью должно бы сжаться сердце вѣрующихъ во Христа, когда ихъ взоры видятъ цѣлыя толпы людей, уходящихъ отъ церкви; какою скорбью и ужасомъ должно бы сжаться особенно сердце тѣхъ, кто преимущественно передъ всѣми взяли на себя хранить эту кровь, молитвы, даръ чудесъ, это море святого и возвышеннаго, которое дать оказались способными лучшіе изъ людей.

Но у насъ нѣтъ скорби о человѣкѣ; мы не ужасаемся уходомъ людей; не обвиняемъ въ немъ себя.

Человѣкъ не нуженъ для вѣры въ смерть; онъ слишкомъ связанъ съ землей и унижилъ себя этою связью, чтобы ему можно было пойти на небо; онъ любитъ свою и чужую жизнь, умъ свой, данный Богомъ, свободу его, красоту и радость земли — и какъ онъ можетъ все это взять съ собою въ этомъ движеніи къ небу?

Уходить отъ церкви, умираетъ для нея человѣкъ, тогда начинается жить законъ.

Мы обезцѣнили человѣка, зато чрезвычайно повысили цѣну обряда, закона, наконецъ—отвлеченной истины. „Быть-можетъ,—говорилось въ той же рѣчи,—православію суждено въ будущемъ подвергнуться преслѣдованію и православнымъ остаться въ маломъ числѣ, но и это еще не пораженіе, не смерть,—лишь бы самое

православіе наше оставалось чистымъ и неповрежденнымъ“.

Такъ, забывъ о томъ, что Господь Своимъ воскресеніемъ сказалъ: человѣкъ долженъ жить, — забывъ объ этомъ, мы утверждаемъ: это не пораженіе, не смерть для православія, если человѣкъ уходитъ и умираетъ.

Не смерть — можетъ-быть, но почему не пораженіе?

Не смерть—да, но пораженіе несомнѣнно.

Не охранить, но „исполнить“ законъ было Христовымъ дѣломъ; не пронести только неповрежденной истину православія чрезъ смѣну вѣковъ и народовъ, есть дѣло церкви, но научить людей осуществлять ее въ жизни.

Но обрядъ и законъ удобнѣе, чѣмъ человѣкъ. Они безстрастны и безжизненны; живя на землѣ, они не увлекаются земнымъ, не сплетаются своими корнями съ корнями земли.

И вы безжалостно можете отсѣкать тогда все земное: искусство, науку, радость, самого человѣка. Законъ не понесетъ отъ этого ущерба, небо не пострадаетъ. Законъ будетъ лишь чище и выше, и еще легче ему будетъ идти въ чистое, далеко небо.

Тогда нѣтъ нужды жалѣть человѣка, уходящаго отъ церкви, тогда не-зачѣмъ считать себя отвѣтственнымъ за этотъ уходъ; тогда можно вѣровать въ Бога и искренно считать себя христианиномъ, не исполняя ученія Господа.

И мы преклонились предъ обрядомъ и зако-

номъ; около нихъ движется наша мысль, идетъ борьба. Мы чутки къ обидамъ, которыя имъ наносятся. Къ обидамъ же, наносимымъ человѣку, слѣпы и глухи; боимся посмотрѣть ему прямо въ лицо, не можемъ выдержать взгляда его страданій, нищеты, смятенія, неудачъ, гибели, какъ и его жестокости, злобы, его тупой нетерпимости.

Такъ легко, оказывается, спрятаться за обрядъ, за законъ, а самому уйти въ сторону и сказать: вотъ законъ, къ нему обращайтесь, его слушайте. Такъ легко навстрѣчу мятущейся и кричащей отъ боли душѣ человѣка, живой и подвижной, выдвинуть стѣну закона, камень обряда, холодъ и высоту отвлеченной истины, и отойти, и даже не смотрѣть, какъ будетъ биться душа о холодные, твердые камни.

Иногда она покоряется ихъ безжизненной, но крѣпкой, непоколебляющейся силѣ, иногда разбивается о нихъ; но чаще уходитъ отъ нихъ въ далекую, чуждую сторону, какъ осенью, отъ холодныхъ вѣтровъ и дождей, запоздавшая птица улетаетъ въ далекія, чужія, но теплыя страны.

Часто и многіе уходятъ, но намъ какое дѣло? Камень остался на своемъ мѣстѣ. И хотя около него дѣлается пусто, но онъ цѣлъ, и мы по-прежнему твердо стоимъ около него и не спускаемъ съ него глазъ. А гдѣ люди? Гдѣ Богъ? Гдѣ плоды вочеловѣченія Бога, Его смерти, Его воскресенія?

Ибо если умираетъ, малоцѣннымъ дѣлается человѣкъ, то удаляется отъ насъ, какъ бы лишнимъ дѣлается, какъ бы умираетъ и Богъ. Онъ пришелъ для человѣка. Если же человѣка нѣтъ, то для чего Богъ? Для чего вочеловѣченіе? Чтобы не погибла отвлеченная истина, для сего Богу не надо было дѣлаться Человѣкомъ. Она не погибла бы, если бы и не было вочеловѣченія; но погибъ человѣкъ безъ него.

И оно было, чтобы человѣкъ не погибъ.

Сдѣлавъ ненужнымъ человѣка, мы потеряли и Бога; стали разрывать завязанную Господомъ связь между землею и небомъ.

Богъ вновь ушелъ на небо, въ недоступныя для насъ высоты.

Это не значитъ, что мы нѣчто новое, высокое, величивающее Его, поняли въ Немъ; напротивъ, мы утратили изъ знанія о Немъ то живое, что дѣлало понятнымъ и самоочевиднымъ Его бытіе, что, какъ жизнь, было воспринято въ Немъ лучшими христіанами.

Богъ сталъ далекимъ и отвлеченнымъ. И въ этомъ отвлеченномъ знаніи уже не находилось содержанія столь дѣйствительнаго, чтобы оно само оправдывало жизнь, счастье и радость, чтобы передъ нимъ смерть и болѣзнь снимали скрывающіе ихъ злую сущность покровы. Двѣ тысячи лѣтъ устроили люди на землѣ Божіе царство, а теперь ищутъ Того, въ Чье имя работали.

V.

Но не отъ мысли, что человекъ долженъ умереть, а отъ мысли, что онъ долженъ жить, надо идти въ нашихъ мечтахъ, въ дѣлахъ нашихъ, и въ вопросѣ церковныхъ реформъ. Человекъ долженъ жить сначала здѣсь — на землѣ, потомъ на небѣ; жить тѣломъ и духомъ. Тутъ тайны и недомолвки, но все же видится, что и мѣръ, низшій человекъ, и тѣло человекъ будутъ восприняты Богомъ въ какой-то глубочайшей жизненной основѣ своей.

Вездѣ есть жизнь и вездѣ есть смерть, и надо помогать жизни и надо бороться со смертью.

И низшая природа отъ Бога и тѣло человекъ отъ Бога, и, значитъ, въ нихъ есть добро, то, что нужно, что должно жить; чего обойти нельзя, устраненіе чего ведетъ къ злу и смерти.

Но жизнь въ природѣ низшей, въ ея тваряхъ, въ тѣлѣ человекъ мало опознаетъ себя; жизнь въ духѣ человекъ сознательна и отличается зло и смерть, страдаетъ отъ нихъ и ведетъ съ ними борьбу. И потому духъ долженъ руководить тѣломъ, не отрицая и не подавляя его, но указывая ему, гдѣ путь къ жизни и гдѣ путь къ смерти. И такъ во всемъ: въ рожденіи, въ смерти, въ жизни, въ искусствѣ, въ наукѣ.

Господь не ушелъ отъ природы міра низшаго въ пустыню, не закрылъ на нее глазъ, не закрылъ слуха своего для звуковъ, которыми полна ея жизнь. Онъ бралъ въ себя мысль, ко-

торую давало озеро родной Ему Галилеи въ спокойныя и бурныя времена свои; не безслѣдно коснулся души его видъ поля съ лиліями, на немъ расцвѣтшими; и радость восхода солнечнаго, и печаль заката, и тишина ночи въ Геосиманскомъ саду налагали на Его душу глубокою молитвенную думу.

И если искусство, если поэзія въ значительной мѣрѣ есть, какъ говорятъ, отраженіе міра природы въ душѣ человекъ, то какъ и почему бы Онъ, не отклонявшій отъ нея ни очей ни слуха, почему бы Онъ отрицалъ искусство? И если наука есть стремленіе человекъ взять небольшимъ умомъ своимъ великую мысль міра, то Онъ, освѣтившій мѣръ дѣломъ и мыслью, больше чѣмъ кто другой—какъ Онъ могъ отрицать науку?

Но Господь не былъ ни поэтъ ни ученый и не вступилъ въ бракъ; онъ пришелъ въ мѣръ, какъ Человекъ, для важной, великой работы духа. За жизнь духа боролся Господь. Но свѣтъ истины и добра, который явился, какъ результатъ Его борьбы, онъ можетъ освѣтить и укрѣпить живнъ тѣла лучше и больше, чѣмъ что другое.

Раньше того, какъ дѣлаются поэтомъ или художникомъ, раньше того, какъ вступаютъ въ бракъ,—раньше этого и во время этого каждый долженъ быть человекомъ. Прежде человекъ, потомъ художникъ. И стать истиннымъ человекомъ есть не меньшее доказательство род-

ства съ землей, чѣмъ быть поэтомъ, живописцемъ, ваятелемъ. Почему быть поэтомъ значитъ признавать землю и ея красоту, а быть человекомъ, который научилъ людей доброй жизни на землѣ,—почему это значитъ отрицать землю и ея красоту? Почему вступить въ бракъ и родить дѣтей значитъ любить землю и признавать ея радость, а будучи мудрымъ и сильнымъ духомъ—облегчить для рожденныхъ и уже пришедшихъ въ мѣръ тяжесть жизни,—почему это значитъ ненавидѣть землю и отвергать ея радость?

Быть человекомъ не значитъ непремѣнно воспринять въ себя всю гамму человѣческихъ переживаній. Люди безконечно различны, и если исключить грѣхъ, все же бываетъ, что та высота, до которой доходить одинъ, для другихъ представляетъ ступени уже пройденныя и оставшіяся далеко внизу. Рожденіе необходимо людямъ, оно благословляется Богомъ; но отсюда не слѣдуетъ, что оно необходимо для каждаго человѣка.

Жизнь духа погибнетъ безъ жизни тѣла; но еще больше безъ жизни духа тѣло подчинится злу, будетъ служить смерти. Люди хвалятъ благочестивую Анеусу, которая родила сына, ставшаго потомъ Златоустомъ. И развѣ это ея грѣхъ передъ Богомъ, что она родила сына такихъ дарованій? Но еще больше хвалятъ люди, что она сумѣла воспитать ребенка, посвятить исключительно ему свою молодую, цвѣтущую жизнь.

И еще больше инстинктивно и сознательно почитаютъ люди самого Іоанна, никого не родившаго по тѣлу, но научившаго многихъ учению Христа.

Что же, развѣ то, что молодая мать, отказавшись отъ второго замужества, воспитала эту благородную, чистую душу, развѣ то, что самъ Іоаннъ служилъ въ своей жизни добру—развѣ это было ихъ грѣхомъ противъ земли и ея радости, противъ счастья, противъ жизни?

Нѣтъ, люди славятъ и родившую и рожденного. И это уваженіе къ родившей не противно Богу, и это почтеніе къ рожденному не оскорбляетъ міра земли?

Не отрицалъ Господь человѣческой жизни, ни семьи, ни искусства, ни науки. Онъ лишь мало о нихъ говорилъ, такъ какъ говорилъ о томъ, что находится въ основѣ всего: о человѣкѣ. Господь прожилъ на землѣ цѣлую человѣческую жизнь, уча людей, какъ имъ жить на землѣ, служа добру и жизни, не порабоцаясь страданіями и зломъ, не служа смерти.

Онъ воспринялъ человѣка и человѣческое въ кругъ своихъ мыслей, думъ, переживаній.

Всѣ люди любимы Богомъ, не одни аскеты; вся жизнь принята въ движеніе къ небу, не однѣ молитвы. Не за молитвы были благословлены Господомъ дѣти; не ради ихъ молитвенныхъ воздыханій Онъ обнялъ ихъ, но потому, что жили они — невинные и чистые, еще нося въ себѣ недѣлимыми добро, радость и жизнь,

как нераздѣльны они были согласно Божіей мысли въ первые дни творенія.

Но если Господь принялъ человѣчество въ единеніе со своимъ подлиннымъ, духовнѣйшимъ Божествомъ, если Онъ воскресъ съ человѣчествомъ и съ нимъ ушелъ на небо, то какъ можемъ мы считать низкимъ для своей духовной природы единеніе съ земнымъ; какъ можемъ считать невозможнымъ повести съ собою земное въ своемъ движеніи къ Богу. Господь взялъ съ собою человѣческое, отринувъ лишь зло въ немъ; духъ человѣка долженъ взять съ собою тѣлесное и земное, откинувъ лишь грѣховное и косное въ немъ.

Благословляю хлѣбъ, лежащій на престолѣ алтаря церковнаго, и говорю: „Сотвори убо хлѣбъ сей честное Тѣло Христа твоего“; и думаю: это хлѣбъ воспринимается Богомъ, какъ тѣло Богочеловѣка,—обычный, земной хлѣбъ, на деревенскомъ полѣ выросшій, рукою крестьянина посѣянный, молитвой священника благословленный; и думаю, какъ земля и ея міръ не враждебны, а родственны Богу, создавшему ихъ.

И когда вижу, что церковь взяла наше плотское размноженіе, взяла его изъ глубинъ міра физическаго и, окруживъ тепломъ человѣческой, сознательной, духовной любви, донесла это дѣло до тѣхъ высотъ, гдѣ начинается непосредственное касаніе человѣка Богу, приняла его въ число таинствъ, сравнила его съ кре-

щеніемъ и причащеніемъ, — я думаю: ужели правы, кто говорить, будто Господь или церковь противъ брака и дѣторожденія?

И поэзія, искусство,—если они служатъ добру, радости, жизни, — почему они не могутъ въ высшихъ проявленіяхъ своихъ коснуться Бога и получить отъ Него въ помощь благодатныя силы? Если Богъ даетъ помощь при вступленіи новаго человѣка въ жизнь (какъ въ крещеніи), при его стремленіи, понявши, гдѣ правда жизни, стать на путь добра (какъ въ исповѣди), то почему Онъ не дастъ ея поэту, котораго душа горитъ огнемъ сказать людямъ ту новую правду о мірѣ, или о человѣкѣ, или о Богѣ, для которой они слѣпы, но онъ видитъ ее, дрожа отъ восхищенія въ уединеніи своемъ?

Умеръ человѣкъ. Мы полагаемъ его тѣло въ церкви, передъ нимъ возжигаемъ свѣтильники, покрываемъ его священными покровами. И священникъ „воздастъ ему честь кажденіемъ и поклоненіемъ“.

Это церковь указываетъ чрезъ священника всѣмъ: вѣруй, оно не умретъ, оно возстанетъ. Смерть не будетъ побѣдительницей, она будетъ унижена. „Царствуетъ адъ, но не вѣнчаетъ надъ родомъ человѣческимъ (изъ пасхальной полунощницы)“. Церковь даетъ эту мысль мнѣ и всѣмъ, великую мысль и говоритъ: не забывайте этого, работайте въ эту сторону. Многое тутъ неясно, но истинный свѣтъ въ этой сторонѣ, безъ этого нельзя жить. Безъ воскресенія

нѣтъ разума ни въ жизни природы, ни въ жизни тѣла человѣка, ни въ жизни духа его.

И священникъ воздастъ тѣлу усопшаго честь и думаетъ: надо, чтобы люди поняли, что въ самой смерти мы „смерти празднуемъ умерщвление, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало (изъ пасхальной утрани)“.

VI.

Человѣкъ долженъ жить.

При этой мысли умалается обрядъ, законъ, отвлеченная истина. Ибо не ихъ Богъ сотворилъ, чтобы имъ жить вѣчно. Даже сказанный непосредственно изъ Божіихъ устъ, даже переданный чрезъ великаго пророка, законъ оказался недостаточенъ, чтобы спасти человѣка. Оказался нужнымъ подвигъ Бога и человѣка, чтобы законъ ожилъ. Подвиги Господа и Его учениковъ дали ему краски, вдохнули душу, сообщили дѣйственность.

И навстрѣчу человѣку Господь стѣну закона не выдвигалъ, не обвинялъ людей высокомерно. Это не Его мысль: люди злы, но, слава Богу, законъ цѣль. Его мысль такова: люди злы и несчастливы, поэтому умру за нихъ, чтобы они стали добры и счастливы. И не безстрастный законъ, не холодный и мертвый обрядъ придетъ и предстанетъ предъ Богомъ на страшномъ судѣ Его, но живой человѣкъ; и не законъ, но человѣкъ будетъ судимъ.

Человѣкъ грѣшенъ? Значитъ, онъ долженъ стать святымъ. Онъ „золь и безчестенъ“? Значитъ, долженъ стать добрымъ и честнымъ. Для этого пришелъ Господь; это есть цѣль, къ которой должна стремиться основанная Господомъ церковь. Онъ пришелъ для больныхъ, чтобы сдѣлать ихъ здоровыми; для рабовъ, чтобы они стали свободны. Но онъ пришелъ и для здоровыхъ и для свободныхъ, чтобы сказать имъ: нельзя быть здоровыми и свободными, когда кругомъ нищія и рабы. Освободите тѣхъ, подымите этихъ, и тогда пойдете дальше всѣ здоровые, всѣ свободные, всѣ радостные.

Мы должны смотрѣть въ живое и одушевленное лицо Воскресшаго Бога и въ лицо человѣка, который созданъ воспринять данную воскресеніемъ жизнь. И свѣтомъ правды, которую почувствуетъ при этомъ сердце, надо освѣтить жизнь нашего народа; ибо ему прежде всего призвана служить православная церковь.

Мы видимъ народное невѣжество, безправіе, нищету. Слышимъ, какъ говорятъ: загнойлся народъ отъ пьянства. Знаемъ, что десятки и сотни тысячъ людей заражены дурными, разлагающими тѣло болѣзнями, отъ которыхъ молча страдаютъ и умираютъ, никѣмъ не предостереженные, не видящіе, чѣмъ помочь себѣ.

Видимъ и слышимъ все. Но равнодушны мы и холодны къ обидамъ народнымъ. Не только впереди тѣхъ, кто борется, негодуя, съ народнымъ горемъ, но и рядомъ съ ними, около нихъ,

наши голоса мало слышны, и не видно дѣлъ нашихъ. Кто, какой церковный соборъ или съѣздъ взялъ, какъ свои, эти тяжелыя обиды?

И какъ ничтожны оправданія: мы ведемъ людей на небо и не обязаны заниматься дѣлами земли. Но отъ нищеты, отъ пьянства и дурныхъ болѣзней не могутъ родиться чистыя и свѣтлыя мысли, святыя и смѣлыя души со стремленіемъ къ небу, могущія вести за собою другихъ. Даже тѣ, кто научилъ пренебрегать земнымъ, не отъ нищеты и болѣзней взяли свой свободный и сильный духъ; но въ пустыняхъ они тратили отъ того богатства здоровья и силы, которыя вѣками копили ихъ предки, не уходившіе отъ міра земли.

Впрочемъ, мы ясно видимъ въ послѣднее время, какая озлобленность и жестокость душъ вырастаетъ на почвѣ оскудѣнія народа.

Именно отъ этихъ источниковъ питаюсь, давно невиданная рѣка крови, уже нѣсколько лѣтъ, широко и бурно несетъ по нашей землѣ мутныя волны свои.

Мы должны бы громче всѣхъ закричать о нищемъ и больномъ тѣлѣ народа и о душѣ его, столь озлобленной и печальной; ибо дѣломъ любви христіанской называется забота о жизненномъ горѣ народа. И много и сильно мы могли бы помочь людямъ въ ихъ горѣ, — около каждаго храма создать крѣпкую и сильную защиту вѣры, правды и дѣла любви.

Но мы не сдѣлали этого. Намъ ввѣрено было

Божіе слово, и мы сохранили его, но мало ему научили людей.

Все сохранили мы.

Сохранили слова о Христовой любви; повторяемъ ихъ каждую церковную службу, говоримъ о ней въ пространныхъ проповѣдяхъ, воспѣваемъ звучными хорами.

Но не дѣйствены святыя слова въ нашихъ устахъ, они не зажигаютъ сердець Господней любовью.

И вѣру сохранили „чистой и неповрежденной“; но слабой ее сдѣлали, ибо—видимъ—къ чуждымъ богамъ уходятъ люди отъ вѣры нашей. И церковную власть донесли съ собою, но мало властны, не сильны, не подчиняютъ себя велѣнію.

Не дѣйствены наши слова о любви, ибо за ними не стоитъ богатая подвигомъ жизнь. Не возвышается до чудесной, перерождающей силы вѣра. Слабѣютъ приказанія Церкви: тутъ часто стала слышна острожная рѣчь боязливыхъ людей и скрипъ консисторскихъ перьевъ, когда была необходима стойкая борьба съ сильной неправдой земли.

Все мы сохранили, но малому научили людей; все имѣемъ, но немного воплотили въ свою и чужую жизнь.

На молитвенномъ собраніи штундистовъ, — куда я какъ-то случайно зашелъ, — среди другихъ сидятъ двѣ дѣвушки, которыхъ еще недавно я зналъ православными. Мнѣ извѣстна

ихъ исторія. Онѣ пріѣхали изъ деревни, служили въ большомъ домѣ, гдѣ отдавалось много квартиръ. Ихъ была цѣлая колонія — молодые, веселыя хохлушки. Днем онѣ бѣгали, носили обѣды, ставили самовары; вечеромъ долго хотали, о чемъ-то шептались внизу, пока часовъ въ двѣнадцать не затихало все. И такъ всякій день. О чемъ онѣ думали, какія у нихъ были „духовныя потребности“ — кто этимъ интересовался? Я — священникъ — что зналъ относительно ихъ?

Молились ли онѣ Богу? Навѣрно молились; то-есть усталыя и полусонныя говорили, вѣвая и крестясь, двѣ-три малопонятныя фразы. Въ чемъ была ихъ связь съ церковью? Въ великомъ посту онѣ говѣли; стояли въ церкви цѣлой толпой, ожидая исповѣди, сказали священнику грѣхи, на другой день одѣли новыя платья и причастились.

Шло время. Съ одной изъ дѣвушекъ случилось несчастье: она родила ребенка. Ее били, прогнали изъ дома. Къ счастью, парень не бросилъ ея; они пришли ко мнѣ, и я повѣнчалъ ихъ. Затѣмъ такое же несчастье случилось и съ другой. И она была брошена тѣмъ, кто ее соблазнилъ. И уже въ горѣ она не пришла къ священнику; не потому не пришла, чтобы священникъ былъ злобенъ или грубъ, а потому, что было неприятно, было бы странно пойти къ священнику не относительно вѣнчанья или похоронъ, а пойти съ горемъ, съ несчастіемъ, съ бѣдой.

Я утерялъ ее послѣ этого изъ вида. И только, когда она и ея подруга перешли въ штундизмъ, услышалъ конецъ ея дѣла: штундисты направили на истинный путь ея соблазнителя и поженили ихъ.

И вотъ, я смотрю на этихъ дѣвушекъ и на другихъ штундистовъ, которые навѣрно еще все были недавно православными, слушаю, о чемъ они говорятъ, что поютъ. и думаю: у нихъ еще мысли наши, еще чувства наши, еще слова наши. У насъ, не въ другомъ мѣстѣ, они высмотрѣли что-то и взяли себѣ, и это взятое у насъ питаетъ и грѣетъ ихъ, дѣлаетъ ихъ счастливыми, въ силахъ сдѣлать ихъ изъ блудниковъ цѣломудренными, изъ пьяныхъ трезвыми. А взяли они немного и несильное изъ богатства нашего. Ихъ пѣсни не талантливы, напѣвы унылы, ихъ мысли не обширны. У насъ же въ рукахъ вѣчное и большое, скованное мировыми страданіями, спаянное мировою мыслью, рассчитанное на вѣка, принятое народами. И такъ легко бы отъ этого вѣчнаго и всеобъемлющаго удѣлить имъ то немного, что ихъ удовлетворяетъ. Но мы ничего не дали имъ отъ богатства нашего, и они ушли отъ насъ.

Понять бы намъ, что мысль о „безчестности“ уходящихъ отъ Церкви вынесена отъ уединенія — вѣримъ — высокою и чистой, но отрѣшенной отъ міра, монашеской жизни; увидѣть бы, что горе народа есть обида Христу и вѣрѣ нашей, и свою вину въ этомъ горѣ признать; пойти бы

къ церковнымъ реформамъ не отъ узкаго ручья интересовъ своего сословія, не отъ широкаго моря народныхъ нуждъ, отъ безбрежнаго океана той любви и жизни, къ которымъ Господь зоветъ человѣка.

Только тогда станетъ явно для всѣхъ, что тоскою о Христовомъ идеалѣ, что живою трепою о Немъ загорѣлись души представителей Церкви.

Гр. Л. Н. Толстой и о. Іоаннъ Кронштадтскій.

Тогда я учился въ средней духовной школѣ. Въ моей душѣ начинался сильный религиозный подъемъ. Товарищъ принесъ въ классъ небольшую литографированную тетрадь и подъ большимъ секретомъ далъ ее мнѣ, сообщивъ, что это сочиненіе гр. Л. Н. Толстого подъ названіемъ „Моя исповѣдь“.

Съ громаднымъ интересомъ взялъ я тетрадь. Мы всѣ любили Толстого. Много хорошаго, бодрораго, радостнаго влило онъ въ наши души. И съ его религиозно-примиряющимъ взглядомъ на жизнь, съ этими сіяющими трогательнымъ счастьемъ картинами семейной жизни, съ его „великимъ христіаниномъ Гришей“, я считалъ его глубокимъ и убѣжденнымъ христіаниномъ.

Но въ тетради пришлось прочесть не то. Буквы ея были тусклы, въ иныхъ мѣстахъ строки стерлись совсѣмъ; цѣлыя страницы приходилось разбирать съ трудомъ.

Вы помните эту рѣчь о человѣческой душѣ, искавшей Бога, полную такой глубокой искренности и обвѣянную тяжелой скорбью. Прибавьте, что говорилось въ ней о томъ, чѣмъ я жилъ

въ то время, затрогивались струны души, натянутыя до послѣдней степени, и вы поймете, что чтеніе сѣрой тетради потрясло меня.

Авторъ рассказывалъ, какъ, не находя нигдѣ Бога, онъ звалъ Его въ отчаяніи души своей, но Богъ не откликнулся ему, и бѣдный человѣкъ убѣдился, что нѣтъ того, кто бы могъ слышать его.

— Нѣтъ того, кому я молюсь, кѣмъ живу, на комъ держатся все мои надежды—Его нѣтъ! Я негодую и дѣлаю усиліе почувствовать близость Его душѣ моей, чтобъ ушелъ отъ меня даже призракъ сомнѣнія. Дѣлаю усиліе, но со дна души поднимается что-то тяжелое и жестокое. Предчувствіе ужаса охватываетъ меня. Отрываюсь отъ тетради, растерянно смотрю на товарищей. Но жестокое и ужасное поднимается и растеть, и когда со страхомъ и отчаяніемъ я вновь смотрю въ свою душу, тамъ нѣтъ Бога.

— Что, если Его нѣтъ? еще я спрашиваю это, весь дрожа и со слезами на глазахъ, но отвѣтъ уже данъ. И все, что было во мнѣ и внѣ меня, свѣтлое и прекрасное, что связывало меня такими крѣпкими нитями съ радостью необъятнаго міра,—все куда-то ушло, и остался только я—одинокій и слабый человѣкъ. Кругомъ холодно и пусто. Впослѣдствіи я испыталъ похожее чувство, когда выйдешь осенней ночью изъ зрянской избы и одинокій смотришь въ безконечную, черную даль. Кругомъ сырость, и рѣзкій дождь бьетъ въ лицо. Люди за тысячи

вереть отъ меня, и когда возвратишься къ нимъ?

Я не могъ сказать ничего противъ того, что говорилъ Толстой.

Правда, мнѣ было извѣстно много возраженій, которыми опровергались „доводы“ противъ Бога и христіанства. На урокахъ основного богословія и философіи они казались имѣющими значеніе. Но въдѣ эти возраженія были направлены противъ доводовъ книжныхъ, придуманныхъ людьми, сочиненныхъ ими. Противъ тѣхъ доводовъ они имѣли смыслъ и могли имѣть силу. Но что они значили противъ голоса жизни, противъ голоса живой души, которая слышалась со страницъ тетради? Они были придуманы только мыслью и для мысли; когда же душа, а не мысль, стала искать ихъ, она нашла въ нихъ мало нужнаго. Какъ будто я падалъ и, падая, хотѣлъ ухватиться за то, что считалъ прочнымъ и могущимъ поддержать, но тамъ оказывалась одна пустота, и я бесплодно махалъ руками.

Въ отчаяніи я призывалъ Бога; но тамъ, гдѣ моя мысль и мое чувство переходили прежде въ восторгъ и съ такой увѣренностью ощущали Бога, теперь они встрѣчали холодъ и страхъ, и безсильно опускались. Я не могъ молиться.

Было лѣто въ началѣ; кончались экзамены, и можно было свободно гулять. Стояли чудесныя ночи. Небо поднималось высоко, внизу темнѣло, но вверху было свѣтло и прекрасно. И вотъ, я долго, долго, бродилъ тогда; сидѣлъ гдѣ-нибудь на берегу рѣки, то шель по улицѣ, пока

она не выводила за городъ, и все думалъ о Богѣ, о людяхъ, о себѣ, о Толстомъ.

За это время мнѣ удалось прочитать нѣсколько другихъ статей Толстого. И я не могъ не видѣть въ немъ человѣка, который съ чрезвычайной искренностью волнуется вопросами жизни, который, отбросивъ все внѣшнее, обнажалъ душу до ея дѣйствительной сущности, до цѣлей истинныхъ и существенныхъ. Я видѣлъ это, но не шелъ радостно навстрѣчу, ибо тутъ же читалъ и другое: читалъ ненависть къ тому, что было мнѣ дорого и близко. Не могъ сочувствовать враждѣ къ церкви, къ идеѣ церкви, къ людямъ ея. Все это было родное мнѣ, и я зналъ, что не было тутъ такъ худо, какъ говорилъ Толстой; что было здѣсь многое, что можно было любить, къ чему можно было привязаться всей душой.

И вотъ разъ, въ это время, я шелъ по берегу рѣки. Сначала я не замѣтилъ необычнаго скопления народа. Потомъ вижу, что много народа бѣжитъ къ паровой пристани. Пошелъ и я.

Мимо пробѣжалъ знакомый священникъ. Видъ его поразилъ меня. Обычно я встрѣчалъ его намѣренно важнымъ и медлительнымъ, а тутъ онъ бѣжалъ, толкаясь и подбирая полы рясы.

Я не понималъ, что случилось.

Наконецъ, кто-то сказалъ, что пріѣхалъ о. Іоаннъ. Это былъ знаменитый кронштадтскій протоіерей, который проѣзжалъ черезъ нашъ городъ къ себѣ на родину. До этого времени я видалъ его на портретахъ. Теперь онъ стоялъ на паро-

ходѣ, на капитанскомъ мостикѣ, — священникъ съ добрымъ привѣтливымъ лицомъ. Глаза людей смотрѣли на него, и въ нихъ были видны радость, восторгъ, умиленіе. Слезы лились у многихъ. Что это было? Будто нашли они что-то знакомое, родное, во до сихъ поръ затаенное на двѣ души каждаго; не въ себѣ нашли, въ другомъ, но это все равно; почувствовали они, что можетъ быть человѣкъ прекрасенъ, и есть такой человѣкъ, и вотъ онъ стоитъ передъ нами. И все, что было въ каждомъ прекраснаго, все это поднялось у нихъ, и они облили свой идеалъ слезами восторга и радости.

Священникъ сталъ говорить. Утверждаютъ, будто не повторяются въ церкви нашей теперь евангельскія сцены. Нѣтъ, это несомнѣнно была евангельская сцена. Онъ говоритъ искренно и просто о томъ, что радъ видѣть насъ, что желаетъ намъ всего лучшаго и счастливаго, видя, что мы вѣруемъ въ Бога и Христа Его.

Народъ замеръ. Глаза блестяли отъ слезъ, добрыхъ, блаженныхъ, счастливыхъ. Если бы напряженность вѣры и святой радости вѣсились на вѣсахъ Божіей правды, я думаю, этотъ моментъ былъ бы показателемъ великой вѣры нашего города. Если бы въ ту минуту о. Іоаннъ сказалъ людямъ, чтобы они оставили все и пошли за нимъ, я убѣжденъ, многіе бы пошли за нимъ. Такихъ словъ не было сказано, но ясно, что прикоснувшись краемъ, только краемъ, къ святому и правдивому, эти люди стали оживать.

Вмѣстѣ съ другими какъ будто и я нашель свою душу. Это былъ для меня именно тотъ доводъ въ пользу Бога и христіанства, котораго я искалъ съ такою жаждой; это былъ доводъ такой же силы, живой и могущественно дѣйствовавшей, какъ доводы Толстого. Тамъ былъ геній художественной силы, здѣсь геній нравственнаго вліянія. Онъ показалъ, что церковь можетъ, какъ ничто другое, оживлять человѣка, ибо вотъ, пришелъ служитель церкви, обвиняемый правдой Божіей, и въ людяхъ заговорилъ прекрасный и благой духъ Христовъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

главный складъ:

Москва, Новинскій бул., д. 103.

Ближайшее участіе принимаютъ:

Н. Булгаковъ, Г. А. Рачинскій, Кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрнъ.

ПУТЬ

Отдѣлъ I.

Оригинальныя произведенія.

- С. Н. ВУЛГАКОВЪ.** „Два града“. Изслѣдованія о природѣ общественныхъ идеаловъ. Въ 2-хъ томахъ. Цѣна 3 р. за оба тома.
- И. В. КИРЪЕВСКІЙ.** Полное собраніе сочиненій. Въ 2-хъ томахъ, съ портретомъ, подъ редакціей М. О. Гершензона. Цѣна за 2 тома 4 р.
- М. ГЕРШЕНЗОНЪ.** Жизнь В. С. Печерина. Цѣна 1 р. 50 к.
- Д. М. ЛОПАТИНЪ.** Философія характеристики и рѣчи. Цѣна 3 р.
- ВЛ. ЭРНЪ.** Борьба за логосъ. Цѣна 2 р.
- Н. А. ВЕРДЯЕВЪ.** Философія свободы. Цѣна 2 р.
- С. Н. ВУЛГАКОВЪ.** Философія хозяйства. Ч. I. Миръ какъ хозяйство. Цѣна 2 р.
- Свящ. ПАВЕЛЪ ФЛОРЕНСКІЙ.** Столпъ и утвержденіе истины. (Опытъ православной теодицеи въ двѣнадцати письмахъ). Печатается.
- Свящ. С. ПУКИНЪ.** Сборникъ статей. „Около церкви“ и др. Цѣна 1 руб.
- Кн. ЕВГ. ТРУБЕЦКОЙ.** В. С. Соловьевъ и его дѣло. Печатается.
- П. Я. ЧААДАЕВЪ.** Собраніе сочиненій и писемъ, подъ редакціей М. О. Гершензона. Печатается.
- ВЛ. КАРПОВЪ.** Основныя черты органическаго пониманія природы. Цѣна 80 коп.
- Кн. В. Ф. ОДОЕВСКІЙ.** Русскія ночи. Подъ редакціей С. А. Цвѣткова (съ дополненіями и поправками по рукописямъ). Печатается.

Отдѣлъ II.
Переводы.

ВЛАДИМИРЪ СОЛОВЬЕВЪ. Россія и вселенская церковь. Переводъ съ французскаго Г. А. Рачинскаго. Цѣна 2 р. 25 к

ВЛАД. СОЛОВЬЕВЪ. Русская идея. Переводъ съ французскаго Г. А. Рачинскаго. Цѣна 75 к.

ВЛАД. СОЛОВЬЕВЪ. Владимиръ святой и христіанское государство и отвѣтъ на корреспонденцію изъ Кракова. Переводъ съ французскаго Г. Рачинскаго, съ предисловіемъ ин. Евг. Трубецкаго. (Впервые на русскомъ языкѣ). Цѣна 75 коп.

ДЮШЕНЪ. Исторія древней церкви. Переводъ съ французскаго подъ редакціей проф. И. В. Попова и проф. А. П. Орлова. Томъ I. Цѣна 2 р.

ЗЕЙДЕЛЬ. Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ церкви. Переводъ съ вѣмецкаго, съ предисловіемъ С. Н. Булгакова. Цѣна 2 р.

Э. ЛЕРУА. Догматы и критика. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ Н. А. Бердяева (печатается).

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

АВГУСТИНЪ. Исповѣдь. **ВЕНДЛАНДЪ.** Эллинистическо-римская культура въ ея отношеніи къ еврейству и христіанству. **ДЮШЕНЪ.** Исторія древней церкви. Томъ II.

Отдѣлъ III.
РУССКІЕ МЫСЛИТЕЛИ.

А. С. ХОМЯКОВЪ. Н. Бердяева. Цѣна 1 р. 60 к.

А. А. КОЗЛОВЪ. С. Аскольдова. Цѣна 1 р. 50 к.

Г. С. СЕВОВОРОДА (1722—1794). Вл. Эрн. Цѣна 2 р.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Э. М. ДОСТОЕВСКІЙ. А. С. Волжскаго. **А. И. БУХАРЕВЪ** (арх. Федоръ). С. С. Розанова. **Н. В. ГОГОЛЬ.** В. В. Зѣньковскаго. **Е. Н. ЛЕОНТЬЕВЪ** В. В. Бородаевскаго. **о. СЕРАП. МАШКИНЪ.** Свящ. П. А. Флоренскаго. **М. М. СПЕРАНСКІЙ.** А. В. Ельчанинова. **Ө. И. ТЮТЧЕВЪ.** Вячесл. Иванова. **Н. Ө ӨЕДОРОВЪ.** Н. А. Бердяева.

Въ дальнѣйшемъ предполагаются монографіи о И. В. Кирѣевскомъ, Н. И. Новиковѣ, Вл. Солорьевѣ, Л. Толстомъ, С. Н. Трубецкомъ, П. Я. Чаадаевѣ, В. Н. Чичеринѣ.

Отдѣлъ IV.
СБОРНИКИ.

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ. О ВЛАД. СОЛОВЬЕВЪ. II, 1 р. 50 к. Статьи: С. Н. Булгакова.—Вячесл. Иванова.—ин. Евг. Трубецкаго.—Александр. Блока.—Н. Бердяева.—Вл. Эрн.

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ. О РЕЛИГИИ Л. ТОЛСТОГО. Цѣна 1 р. 70 к. Статьи: С. Н. Булгакова.—В. В. Зѣньковскаго.—Ин. Евг. Трубецкаго.—В. И. Эземпларскаго.—С. Н. Булгакова.—Анд. Вѣлаго.—Н. А. Бердяева.—А. С. Волжскаго.—Вл. Эрн.

Отдѣлъ V.

ФИЛОСОФСКІЕ КЛАССИКИ.

БААДЕРЪ. Избранныя сочиненія (готовится къ печати).

Намѣчаются переводы избранныхъ сочиненій: Плотина, Эригены, Фихте, Шеллинга, Гегеля и др.

Книгоиздательство „ПУТЬ“ высылаетъ свои изданія всѣмъ, выписывающимъ непосредственно изъ склада (Москва, Новинскій, 103), принимая почтовые расходы на свой счетъ; расходы по наложенію платежа заказчики принимаютъ на себя (до 5 р.—10 к., свыше—по 2 к. съ рубля).

За границу отправка изданій производится на тѣхъ же условіяхъ, но по полученіи полной оплаты заказа (наложеніе платежа не допускается).

Издательница *М. К. Морозова.*